

С Л О В О
О
П О Л К У И Г О Р Е В О М Ъ,
И
С У Д Ъ Л Ю Б У Ш И
НИКОЛЯ ГРАМАТИНА.

МОСКВА.

1823.

С Л О В О
О
ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЕМА,

П И С А Н Н А Я

ВЪ НАЧАЛЪ XIII ВЪКА
НА СЛАВЕНСКОМЪ ЯЗЫКЪ ПРОЗОЮ,

И

СЪ ОНОЙ ПРЕЛОЖЕННАЯ СТИХАМИ ДРЕВНЬЙШАГО РУС-
СКАГО РАЗМЪРА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ДРУГАГО БУКВАЛЬНАГО ПРЕЛОЖЕНІЯ, СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ
И КРИТИЧЕСКИМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ, КРИТИЧЕСКИМЪ ЖЕ
РАЗСУЖДЕНІЕМЪ И РОДОСЛОВНОЮ.

Изданіемъ Издашеля.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1823.

Печашашъ позволяешся съ шѣмъ, чшобы по напеча-
шанш, до выпуска изъ Типографш, предшавлены были
въ Цензурный Комшешъ: одинъ екземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комшеша, другой для Депаршамента
Миншшерства народнаго просвѣщенш, два екземпляра
для Императорской публичной Бшблшшени, и одинъ для
Императорской Академш Наукъ. Москва, 1822 года,
Сеншября 21 дня. Книгу сшо размашриваль Ординар-
ный Профессоръ, Коллежскшй Совѣшникъ и Кавалеръ,

Мшхаилъ Каченовскшй.

С-48

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

Всемиловѣйшей Государынѣ,

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

70

Печатная Державна
789

Прекрасныхъ и нѣжныхъ женъ
Хвала, образецъ и честь,
ЦАРИЦА, сіяющая
Небесною крошосошью,
Влекуща сердца къ себѣ!
Ты любишь языкъ Славянъ,
Плѣняешься звуками
Его сладкогласными;
Къ гласу склони Свой слухъ
Злашихъ струнъ, но ржавою
Извѣденныхъ древносшью.
Та ржавчина счищена,
И золото яркое,
Какъ солнце въ дни жаркіе,
Сіяешь, горитъ красой,
И струны, въ кошорыхъ жизнь,
Какъ древле Бояновы,
Рокочуть: „ТОБОЙ лишь онъ
И звученъ, и сладосшенъ!“
Такъ, струны, въ кошорыхъ жизнь,
Въ душахъ опшзовешесь вы
Грядущаго племени,
Рекутъ восхищенные:
„Къ нему слухъ склоняла Свой
ЦАРИЦА, сіявшая
Небесною крошосошью,
Сердца всѣхъ привлекающая.“

Николай Граматинъ

Милостивый государь мой Николай Федоровичъ!

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, удостоивъ всемилостивѣйшаго принятія переложенное вами бѣлыми стихами Слово о полку Игоревомъ съ историческими и крипическими примѣчаніями, въ награду трудовъ вашихъ соизволила пожаловать вамъ бриліантовый перстень, повелѣвъ мнѣ препроводить оный къ вашему высокоблагородію и увѣдомить васъ, милостивый государь мой, о всемилостивѣйшемъ ЕЯ согласіи на желаніе ваше посвятить высокоайшему имени ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сіе сочиненіе.

Извѣщеніемъ о семъ и приложеніемъ упомятаго дара исполняя волю ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, имѣю честь быть съ истиннымъ погтеніемъ.

Милостивый государь мой,

вашъ покорный слуга,

№ 261.

Царское село.

Н. Лонгиновъ.

12 Августа 1821.

Его Высокоб. Грамадину.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Слово о полку Игоревомъ издано въ первой разъ въ 1800 году; Графъ Мусинъ-Пушкинъ нашелъ его при одномъ Хронографѣ, писанномъ въ листъ (должно думать на бумагѣ) почеркомъ весьма древнимъ¹. Подлинникъ уже не существуетъ; онъ погибъ съ драгоценною библіотекою Графа Мусина-Пушкина въ достопамятной 1812 годъ. Для любопытныхъ прилагается здѣсь оглавление сочиненій, бывшихъ вписанныхъ въ одну книгу съ симъ хронографомъ подъ N 323; оно взято изъ перваго изданія Слова о полку Игоревомъ:

1) *Книга, глаголемая гранаграфъ* (хронографъ), рекше, начало писменомъ Царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра отъ книгъ Моисеовыхъ, и отъ Иусуса Навина, и отъ Судей Іудѣйскихъ, и отъ тетрехъ царствъ; такъ же и о Ассирійскихъ

Царехъ, и отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.

- 2) *Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Рускихъ Князей и земля Рускыя.*
- 3) *Сказаніе о Индіи богатой.*
- 4) *Синагрипъ, Царь Адоровъ, Иналивскія страны (изъ сего сочиненія небольшое извлеченіе напечатано въ Исторіи государства Росс. Кар. Т. III. пр. 272).*
- 5) *Слово о полку Игоревъ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*
- 6) *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ словѣкъ о брѣзости, и о силѣ, и о храбрости (изъ сего сочиненія небольшое извлеченіе напечатано тамъ же).*
- 7) *Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.*
- 8) *Аще думно съ слышати о свадѣбѣ Девѣевѣ и о всъхъщеніи Стратиговнѣ.*

Мы имѣемъ при перевода Слова о полку Игоревомъ въ прозѣ, и сполько же въ стихахъ; въ прозѣ переводили первые издатели: Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бан-

тышѣ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій (вмѣстѣ), А. С. Шишковъ ² и Г. Пожарскій (оба послѣдніе съ криптическими примѣчаніями). Сверхъ того Н. М. Карамзинъ, говоря въ своей исторіи о Словѣ о полку Игоревомъ мѣстами перевелъ оное (Т. III, стр. 213 и слѣд.). Всѣ они (рѣчь о переводившихъ все слово) различно понимали своего автора, хотя сей не столько поменъ, чѣмъ всякой могъ понимать его по своему. Для сей причины, также и для той, что Слово о полку Игоревомъ писано Славенскимъ языкомъ ³ съ смѣсю стариннаго Русскаго, которыхъ самая большая часть чинашелей не въ состояніи понимать, рѣшился я, сверхъ перевода стихами, приложитъ другой прозою, и слово въ слово (развѣ когда не позволялъ сего новой Русской языкѣ, или слова отъ древности имѣли другое значеніе) такъ, чѣмъ оной могъ замѣнитъ подлинникъ, отъ котораго отдѣляла бы его одна грамматика. Въ стихи перекладывали Г. Палицынъ, Язвицкій и Левицскій; я имѣю одного послѣдняго. Для образца приведу нѣсколько стиховъ, предославляя чинашелямъ не отвискивать, а угадывать ещо мѣсто въ подлинникѣ.

Они (*воины Игоревы*) дремяють— и имъ грезится,
 Чшо бѣгутъ Князья Полоцкіе,
 Поспѣшаютъ къ Дону синему.
 Но не всякой сонъ сбывается
 Въ шужь минушу, какъ онъ видится.

Прозг. пѣснь Ив. Левит. стр. 8.

Вотъ еще одно мѣсто, любопытное
 по своему содержанию:

Сердце ихъ (*Литовцовъ*) естъ сердце львиное,
 Грудь ихъ—грудь естъ леопардова,
 Кровь людей—имъ нектаръ сладостный,
 Трупы—снѣдь для нихъ пріятная.

(Стр. 27.)

Слѣдственно Липовцы въ XII столѣ-
 тїи были еще людобѣды, и пили кровь чело-
 вѣческую, какъ Самоѣды оленью.

Первые издатели съ дипломатическою
 точностію напечатали всѣ ошибки ⁴ (а ихъ
 весьма довольно), и безъ всякаго право-
 писанія. Шлецеръ показаль епому примѣръ,
 издавъ такимъ образомъ въ 1767 году пер-
 вую часть *Руской лѣтописи по Никонову*
списку (но Шлецеру проспешельно; онъ
 былъ иностранецъ). Не говоря о томъ, чшо
 сей способъ избавляетъ издателей отъ
 малѣйшей думы и спавитъ ихъ на ряду съ

простыми переписчиками, я замѣчу только: годился ли такая книга, хотя бы самая вѣрная копія, для общаго употребленія? одно неправописаніе совершенно препятствуетъ разумѣнію. Я приведу два примѣра: 1) *подобію вѣлци грозу вѣ срожатъ* (такъ напечатано въ первомъ изданіи) *по яругамъ*; Г. Шишковъ такъ предлагаетъ сіе: „равнымъ образомъ и волки, собравшіеся во оврагахъ, пѣмъ же самымъ угрожаютъ имъ;“ ясно, что онъ опъ сходства звуковъ *вѣсрожать* принялъ за *угрожать*. Г. Пожарскій полкуетъ, что *szozus* (выгов. *срозить*) на Польскомъ языкѣ значить: дѣлать суровымъ, жестокимъ; ясно, что онъ такъ же опъ сходства звуковъ полагалъ, что Русское *вѣсрожать* и Польское *срозить* (сіе очевидно происходитъ опъ *строгий*) есть одно и тоже; но они оба ошиблись: *вѣс*, или *вос*, есть предлогъ *возъ*, а *рожатъ*, или (какъ и нынѣ употребительно въ просторѣчьи) *рожаютъ* есть глаг. *родятъ* или *раждаютъ*, которой въ спарину такъ спрягался: *рожу*, *рожишь*, *рожитъ*, *рожимъ*, *рожите*, *рожатъ*. Русскіе Славяне не перѣбли *д* послѣ *ж*, на пр. *нужа*, *вожъ*, *межу*, *прежній*, и проч. Г. Шишковъ крипиковалъ первыхъ издавателей, что они

перевели: „волки по оврагамъ выпьемъ своимъ спрахъ наводящъ;“ но они, знаяши, или по смыслу, перевели правильно, прибавя полько для большей ясности: *выпьемъ своимъ*. Теперь, когда *два критика-переводтика* ошиблись въ значеніи гл. *вѣсѣрожати*; чпо жъ обыкновенной чипашель, особливо когда бы ему сей глаголъ встрѣнился написаннымъ двумя, или шремя образами, кои всѣ неправильны, чему естъ довольно примѣровъ въ Словѣ о полку Игоревомъ. 2) *тогда по Русьской земли рѣдко ратаеве кикаху...* (*) *зегзицею незнаемъ рано кытеть...* первые издатели перевели: „въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалось... Она (Ярославна), какъ оспавленная горлица, по ушрамъ воркуешъ,... Ясно, чпо даны по догадкѣ (и опѣ шого неправильно) оба значенія гл. *кикати*, или по древнему произношенію *кыкати*, которой естъ одинъ и шопѣ же, испорченной изъ гл: *кликати*. И шакъ первой шагъ къ выразимѣнію Слова о полку Игоревомъ естъ однообразное правописание, разумѣется не новое, а древнее, коего образцы находящяся въ раз-

(*) Здѣсь и во всѣхъ другихъ мѣстахъ шочки оспавлены самимъ Издашелемъ.

ныхъ произведеніяхъ XI и XII вѣка, и опча-
сши въ самомъ Словѣ о полку Игоревомъ.

Но кромѣ правописанія, въ семъ изданіи исправлены и грамматическія ошибки автора; что также необходимо для ясности (на пр. у него не соглашены роды и числа, а безъ ешого можешъ ли бытъ какая ясность?). Особливо ошибался онъ въ употребленіи двойственнаго числа, котораго въ Русскомъ языкѣ нѣтъ, а онъ часто на сей сбивается, какъ на живое нарѣчіе. Что подходитъ подѣ правила старинной Русской грамматики, то оставлено безъ всякой перемѣны; на пр. сія позволяла выпускать предлоги (примѣры сего находящіяся и въ лѣтописяхъ), и сіе ни мало не препятствовало смыслу: *помняше бо реть пѣрвыхъ временъ усобицѣ*; вмѣсто *о усобицѣ*. . . . *хощу бо копіе приломити конецъ поля Половетьскаго*; вмѣсто *о конецъ* или *по конецъ*. . . *спали Князю умѣ похоти*; вмѣсто *въ умѣ*, или *на умѣ*. . . *крытатъ телегы полунощи*; вмѣсто *въ полунощи*. . . *погасоша ветеру зари*; вмѣсто *въ ветеру*. . . *а поганіи сами побѣдами нарищуще на Русьскую землю*; вмѣсто *сѣ побѣдами*. . . *изрони злато слово*

*слезами смѣшено ; вмѣсто съ слезами. . .
 тему, господине, насильно вѣши ? вмѣсто
 къ тему. . .* Даже глаголы предспавляющѣ
 примѣры подобнаго выпущенія: *спали, слы-*
ти; вмѣстоспали, восхити, и проч.

Всѣ ошибки авшора, или его перепи-
 щиковѣ, или наконецѣ издапелей (кромѣ од-
 накожѣ касающихся до правописанія, кои
 безѣ нужды увеличили бы число) приложены
 на концѣ особо.

С. Гуленево.

КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ

О

СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

Among the monuments remaining of the ancient state of nations, few are more valuable than their poems or songs Irregular and unpolished we may expect the productions of uncultivated ages to be; but abounding at the same time with that vehemence and fire, which are the soul of the poetry.

Blair, in his critical dissertation on the poems of Ossian.

Между оставшимися памятниками древняго сословія народовъ, немногіе драгоцѣннѣе ихъ поемъ или пѣсень Подобныя въ грубости вѣку, ихъ произведшему, въ то же время изобилуютъ онѣ пою пылкостью и пѣмъ огнемъ воображенія, кои составляютъ душу поэзіи.

*Блеръ, въ критическомъ своемъ разсужденіи о поемахъ
Оссіана.*

КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ
О
СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

Достоинство Слова о полку Игоревомъ въ ученомъ свѣтѣ признано; несмотря на грубость языка, впрочемъ гармоничнаго, въ немъ есть красоты, самыя блестящія и долговѣчныя, а именно: красоты мыслей. Сии переживающъ народы, переходящъ изъ языка въ языкъ, и раздвѣщаясь вновь, возражаясь, шакъ сказать, изъ мертваго слога. Какъ для образца, время пощадило сей единственнѣйшій памятникъ поэзіи нашихъ дѣдовъ; шѣмъ болѣе достоинъ онъ нашего вниманія.

Не спавя пѣвца Игорева на ряду съ Гомеромъ и Оссіаномъ, двумя величайшими Епическими пѣснопѣвцами, каковыхъ когда либо произвела природа, а не ученіе, замѣшимъ сходство его съ ними, особливо съ послѣднимъ (въ пѣвцѣ Игоря кажешся еще менѣе искусства, нежели въ пѣвцѣ Фингала), хотя разстоянія между Греческимъ около 2100, ⁵ а между Каледонскимъ и Славенскимъ Бардомъ около 900 лѣтъ ⁶. Всѣ прое жили въ вѣкахъ просныхъ, грубыхъ, но неразвращенныхъ (въ семъ отношеніи пѣвецъ Игоря

имѣеть болѣе сходства съ пѣвцомъ Иліады; вѣрѣ, въ которомъ онъ жилъ, представлялъ ему обширнѣйшее, нежели самому Гомеру, поле для наблюдений. Одна Христіанская Религія дѣлаеть перевѣсъ; ибо доставляеть людямъ вообще болѣе здравыхъ понятій о вещахъ), и всѣ прое живописали природу, какъ она представлялась ихъ взору, ни мало не украшая. Сіе по живое и вѣрное изображеніе природы, кошорая, во всякомъ вѣрѣ и во всякой странѣ, представляеть зрѣлище любопытное для человѣка размышляющаго, дѣлаеть неподражаемыми Гомера, Оссіана и пѣвца Игорева, и шворенія ихъ драгоценными для самаго опдаленнаго попомспва. Единственнѣй способъ подражашъ имъ былъ бы живописать окружающую насъ природу; но ешо гораздо пруднѣе, нежели давашь волю воображенію, холодному ли, разгоряченному ли, и шворить собшвенный, часшо уродливый міръ. Гомеръ и Оссіанъ въ самыхъ вымыслахъ списывали природу:

О вы, кошорые въ вѣкахъ хошите жить,
 Природу въ образѣ, писашели, берите!
 Природы ничего не можешъ краше бышь;
 Безъ лесши, безъ прикрасъ, какъ ешь она, пишите.

Мы не должны забывашъ, что всѣ науки и искусства суть подражаніе природѣ; слѣдственно совершеннѣйшее было бы ближайшее къ оной (съ сей точки зрѣнія должно сморѣть на эпическихъ шворцевъ при разсмаприваніи ихъ поемъ). Посему Виргилій будеть ниже

Гомера, что въ немъ много искусства, но мало природы. Посему Аріостъ не можетъ причисленъ бытъ къ эпическимъ пѣснопѣвцамъ, что въ немъ нѣтъ никакого единства, сего великаго правила, соблюденнаго природою во всѣхъ ея швореніяхъ; не говорю о помѣ, что онъ далъ полную волю своенравному своему воображенію, хотя богашому и цвѣшущему. Посему Мильшонъ заслужилъ названіе Англинскаго Гомера, что шаинспвенное паденіе перваго чловѣка воспѣлъ согласно съ Библіею, кошорая была для него вшорую природою; но гдѣ вымышлялъ, или шворилъ, шамъ чудесное его, шакже какъ у Тасса, уродливо, у Камоенса же совсѣмъ нелѣпо (исключая одушевленія мыса Добрай Надежды). Сіе показываешъ, какъ опасно давашь волю воображенію и въ самыхъ вымыслахъ не брашь образцемъ природы, когда при величайшіе (изъ новыхъ) эпическіе пѣснопѣвцы впали въ такую грубую ошибку.

Но прежде, нежели приступимъ къ подробному разсмотрѣнію Слова о полку Игоревомъ, скажемъ о состояніи поэзіи въ древней Руси; *но гдѣ для сего матеріалы?* въ Словѣ же о полку Игоревомъ. Нѣтъ нужды, что ихъ не много; воспользуемся немногими.

Въ самомъ началѣ поэмы авторъ упоминаешъ о древнѣйшемъ его пѣснопѣвцѣ, *Болянѣ*; ешо ешъ божештво, его вдыхающее. Какъ Гомеръ къ Музѣ, или Оссіанъ къ Мальвинѣ, шакъ пѣвецъ

Игоря зываетъ къ Бояну. Изъ послѣдствія ясно видно, что Боянъ сей былъ современникъ знаменитаго Всеслава Полоцкаго; слѣдственно жилъ въ одномъ вѣкѣ съ лѣтописцемъ Несторомъ, ш. е. въ XI. О произведеніяхъ Бояна мы можемъ имѣть понятіе по Слову о полку Игоревомъ, а не по мнимому его гимну (см. пр. 166). Нѣтъ сомнѣнія, что Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Игоря, когда сей опъзывается объ немъ съ такимъ же воспоргомъ, какъ Гораций о Пиндарѣ: *Боянъ же, братіе, не то соколовъ на стадо лебедей пущаше; нъ своя вѣщія пѣрсты на живыя струны всѣкладаше; они же сами княземъ славу рокоташу.... О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлкы цщекоталъ, скажя, славію, по мыслену древу, летая цмомъ подъ облакъ...* Далѣе временъ Бояна мы не должны проспираться, шеряясь въ пуспыхъ догадкахъ или умшпованіяхъ; ибо сіи обыкновенно ни къ чему не ведушъ, когда основаны не на Испоріи.

Изъ сего можемъ съ вѣроятностію заключить, что Муза Поезіи въ древней Руси родилась въ одно время съ Музою Испоріи, ш. е. вскорѣ по введеніи Хриспіанской Религіи, и находилась въ самомъ младенчесвѣ; ибо должно признашся: Слово о полку Игоревомъ, при всѣхъ его красопахъ, ешъ дѣтское лепешанье несроднымъ ей языкомъ, грубою прозою. Здѣсь замѣшимъ важныя преимущесва Гомера и Осіана передъ пѣвцомъ Игоря: 1) *преимущество языка; не говорю о Греческомъ, какъ самомъ*

музыкальномъ въ свѣтѣ и способнѣйшемъ для Поезіи, Гальской долженъ бытъ также языкъ гармоничной, приспособленной къ музыкѣ, и обработанной Бардами въ продолженіе неодного столѣтія. Оссіанъ описываетъ себя живущимъ въ вѣкѣ, похожемъ на классической, просвѣщеннымъ случаями прошедшаго, о копоромъ память сохранялась въ пѣсняхъ Бардовъ; онъ указываетъ на періодъ мрака и невѣжества, до копорого не достигало преданіе: *его слова, говоритъ онъ, въ половину только достигали до слуха нашего; они были темны, какъ новѣсти другихъ временъ, доколѣ не возсіялъ свѣтъ пѣснопѣнія* (Blair, in his critic. dissert. on the poems of Ossian, p. 128; пѣмъ достойнѣе порицанія Макферсонъ, что не выдалъ въ свѣтѣ Гальскаго подлинника; онъ возвелъ бы его на степень древнихъ, классическихъ языковъ). Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкъ полуобразованномъ, опчасши мертвомъ, и пошому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, копорое было совершенно варварское: отъ ешого вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь Славенскаго съ Русскимъ, копорю писано Слово о полку Игоревомъ. 2) *преимущество гудснаго*; во время пѣвца Иліады вѣрили чудесамъ Миѳологіи, и онъ прекрасно воспользовался ею, заспавивъ дѣйствовавъ обиташелей Олимпа. Во время пѣвца Фингалова вѣрили бышю душѣ умершихъ; но почипали ихъ безсильными вмѣшивавшись въ дѣянія людскія, и поемы его полны явленій духовъ, копорые однакожъ принимающъ бесполезное участіе

въ судьбѣ любезныхъ имъ людей. Пѣвцу Игоря оспались въ наслѣдство почпи одни имена Славенскихъ, языческихъ боговъ: *Даждь Божа, Стри Божа, Велеса*, и пр. Онъ не пренебрегъ и сего бѣднаго имущества, но засшавишь ихъ дѣйствовать вопреки общему повѣрью онъ не могъ; *ему бы никто не повѣрилъ*. Чудеса Христіанской религіи онъ почиталъ слишкомъ святыми, чшобъ сдѣлать изъ нихъ какое либо упошребленіе, и кажешся поступилъ хорошо.

De la foi d'un chretien les mysteres terribles
D'ornemens egayés ne sont point susceptibles.

Чшо Слово о полку Игоревомъ писано прозою, сіе не помѣшало бы назвашь его Епическою поемою; стихи съ рифмами, или безъ рифмъ, суть одна форма поезіи; а душа ея, или сущность, мысли, выраженные языкомъ фигуръ; но слѣдую общему упошребленію, я назову его не епическою, а *историческою* ⁸ поемою. Сія послѣдняя опличаешся отъ первой только тѣмъ, что въ ней дѣйствующи одни герои, или простые смершныя, а не существа сверхъестественныя, каковы суть міеологическіе боги, и даже истинный Богъ, благодѣшельные и злые духи, геніи, волшебники, исполины, чудовища, и пр. Чѣмъ больше исторической пѣснопѣвецъ придерживаешся истины, тѣмъ лучше; но я не думаю, чшобъ ему ни въ какомъ случаѣ не позволено было опшшупишь отъ оной. Въ драмѣ подражаніе природѣ гораздо разишельнѣе, и Расинъ есть самой спро-

гой драматической пѣснопѣвецъ; однакожъ въ спрагедіяхъ его естъ *вымысль*. Кромѣ сего, правила исторической поемы супъ шѣ же, что и предписанныя Ариспопелемъ для поемы эпической. Вошѣ главныя изъ нихъ: *дѣйствіе*, на которомъ основана поема, должно быть единое, цѣлое и великое; оно должно быть вымышленное, шо естъ, несовсѣмъ историческое; должно оживлено быть характерами и нравами, и возвеличено чудеснымъ (Blair, in his critic. Dissert. on the poems of Ossian, p. 152).

Всякой согласится, что въ Словѣ о полку Игоревомъ спрого сохранено нешолько *единство дѣйствія*, но времени и мѣста; авторъ воспѣваетъ походъ Игоря на Половцовъ (въ 1185 году): *не лѣно ли ны баше, братіе, нагати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пѣлку Игоревѣ?* воинство Игоревое разбило, и самъ онъ взялъ въ плѣнъ. Здѣсь авторъ могъ бы кончить свою поему; *дѣйствіе оной единое цѣлое и великое*, или героическое; но оно было бы слишкомъ кратко. Онъ продолжилъ его, онъ воспѣлъ и возвращеніе Игоря изъ плѣна; и сіе шо называетъ онъ *оба полы сего времени*. Симъ единство дѣйствія нешолько не разрушено; но еще сдѣлалось помѣше: ибо предпринявшій походъ плѣнной Игорь возвратился въ опечесство. Вразсужденіи единства времени замѣчу, что Игорь вышпуилъ въ походъ въ Маѣ мѣсяцѣ, и шѣмъ же лѣтомъ, или осенью ушелъ отъ Половцовъ; ибо лѣшняя сцена въ поемѣ не перемѣняется: Сѣвер-

ной Донецъ распилаешъ Игорю зеленую праву на серебряныхъ берегахъ своихъ, одѣваешъ его теплыми шуманами подѣ сѣнюю зеленую дровъ, и проч. Есльми и здѣсь нужна власшь Аристо-пеля, шо сей именно говоришь, что *времени для эпическаго дѣйствія не полагается*; въ Иліадѣ продолжается оно только сорокъ семь дней, въ Енеидѣ слишкомъ годъ.

Здѣсь замѣшимъ великость дарованія пѣвца Игорева: не только разбише своего героя воз-величилъ онъ предъ глазами современниковъ сравненіемъ съ сѣчами Траяна, войнами Яро-слава и междуусобіями Олега: *то было въ ты рати и въ тыи пѣлжы, а сице и рати не слышано*; но самой побѣгъ его предсхавилъ въ видѣ бла-городномъ: *Игореву Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русьскую*. Послѣ того, кто дерзнешъ укорить его за сей посту-покъ, почишаемой безчестнымъ, едва ли не во вся-комъ вѣкѣ, пѣмъ паче, что Игорь осхавлялъ въ пѣвну сына, брапа и племянника, и подвергалъ ихъ жизнь явной опасности. Нашъ пѣснопѣвецъ не спалъ/приводить шому испорическую при-чину, что пѣвнаго Игоря Половцы хощѣли убишь (Карамз. Исп. III, пр. 73); симъ не спасъ бы онъ чести своего героя. Но когда на шо была уже воля Божія, шо чего опасаться вразсу-жденіи жизни любезныхъ намъ людей? Управляю-щее міромъ Провидѣніе печешся и обѣ нихъ. Впрочемъ ешо такъ проспо, естешвенно, что для развязки поемы не упопроблено никакого

чуда; симъ только раскрытъ больше характеръ Игоря. Къ благородію, швердоспи и мужеству присоединяетъ онъ упованіе на Бога; чего не достаетъ къ совершенству прямого героя? Самый *Виргиліевъ Еней* не *благочестивѣе Игоря*.

Но если *Игорь* превосходитъ своихъ сподвижниковъ *мудростію* и *благочестіемъ*, то братъ его *Всеволодъ* *храбростію*; а въ епомъ качествѣ нелегко было превзойти: ибо тогда всѣ безъ исключенія были храбры. Епо *наспорящій буй туръ*; и пошому еписетъ сей преимущественно *приданъ* ему. Какими сильными чертами изображена *храбрость* сего *Русскаго Ахилла*: *яръ туре, Всеволоде! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мегги харалужными. Камо, туръ, поскогыше, своимъ златымъ шеломомъ посѣвгивая, тамо лежать поганья головы Половетьскыя, поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе, яръ туре, Всеволоде! Кыя раны дороги, братіе, забывъ ти, и живота, и града Чрънигова, отня, злата стола, и своя милья хоти, красныя Глббовны (супруги своей) свыгая и обыгая? . . .*

Великій Князь Кіевскій, Свяшославъ III предспавленъ самымъ нѣжнымъ родспвенникомъ. Услышавъ о нещасіи *Игоря* и *Всеволода*, онъ проливаетъ горькія слезы, порицаетъ ихъ дерзкое, необдуманное предпріяніе и непреклонную, дикую *храбрость*; въ неушѣшномъ его сѣшваніи живо изображается и характеръ его: *тогда*

великий Святъславъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и реге: „о моя сыновѣя, Игорю и Всеволоде! рано еста нагала Половетьскую землю мѣги цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ негестно одолѣста, негестно бо кровь поганю проліста; ваю храбрая сердца въ жестоцѣмѣ харалцѣ скована, а въ бцести закалена. Се ли сътвориста моей сребренѣй сѣдинѣ?“ ...

Супруга Игорева, Евфросинія Ярославна, дочь Галицкаго Осмомысла, представлена образцомъ супружеской любви; чьи жалобы могутъ сравниться въ нѣжностѣ съ слѣдующими: *полегю зегзицею по Доновѣ, омогю бѣбрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, цтру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмѣ его тѣлѣ ... О вѣтре, вѣтрило! земю, господине, насильно вѣши? земю мыгѣши хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крыльцю на моя лады вои? мало ли ти бяше горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣюги корабли на синѣ морѣ? земю, господине, мое веселіе по ковылію развѣя? ° ... О Днѣпре словутицю! ты пробилѣ еси каменныя горы сквозѣ землю Половетьскую, ты лелѣялѣ еси на себѣ Святъславли насады до пѣлку Кобякова; вѣзвѣлѣлѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхѣ не слала къ немю слезѣ на море рано! ... Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! всѣмѣ тепло и красно еси; земю, господине, простре горягюю своєю лугю на лады вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лци сѣпраже, тѣгою имѣ тѣли затге (не говоря о красотѣ мыслей, какая гармонія въ слогѣ; какъ будшо какимъ размѣромъ писано) Замѣ-*

шимъ, что Ярославна любилъ мужа больше, нежели сына; она ни слова не упоминаетъ о Владимірѣ, кошорой былъ шакже въ плѣну. Всѣ ея мысли усшрелены къ одному Игорю: шакъ Русскія жены любили мужей своихъ. Любопытныя могутъ сравнить плачь Свяшослава и Ярославны съ плачемъ Купулина (см. поему *Фингалъ*, пѣснь IV), Мальвины и Оипоны (см. поемы сего же имени). Пѣвецъ Игоря не усшупаетъ въ силѣ чувства пѣвцу *Фингала*.

Есть еще пяшое дѣйствующее лице въ поемѣ (рѣчь о главныхъ лицахъ), и ешо самъ авторъ (см. прим. 122); онъ взываетъ къ современнымъ Русскимъ Государямъ, онъ моилъ ихъ объ ошмщеніи за землю *Русьскую*, за раны *Игоревы*, бцего *Святъславля*: великій Княже, *Всеволоде!* не мыслію ти прелетѣти издалега отня, злата стола поблюсти; ты бо можеша *Волгу* веслы расшропити, а *Донъ* шеломы выльяти . . . Ты, бцй *Рюриге* и *Давиде*, не ваю ли злагеными шеломы по крови плаваста? не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата стремня за обиду сего времени, за землю *Русьскую*, за раны *Игоревы*, бцего *Святъславля*! . . . *Галицскій Осмомысле*, *Ярославе!* высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подѣперѣ горы *Цгорьскыя* своими желѣзными пѣлкъы, заступивѣ Королеви путь, затворивѣ *Дцнаю* ворота, мега бремены грезѣ облакы, суды ряда до *Дцная*. Грозы твоя по землямъ текутъ,

отѣтворяеши Кыеву врата, стрѣляеши съ отня, злата стола Салтани за землями; стрѣлай, господине, Конзака, поганаго Кощея за землю Русьскую, за раны Игоревы, бѣго Святъславлиа! . . . А ты, бѣй Романе и Мьстиславе! храбрая мысль носить васъ чѣмъ на дѣло, високо плаваеши на дѣло въ бѣсти, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ бѣствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзныи панорзи подѣ шелома Латинскыи; тѣми тресну земля и многы страны хинови. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сѣлицы свои повѣргоша, а главы своя поклониша подѣ тѣи мегы харалужныи . . . Инѣварь, и Всеволодъ, и вси три Мьстиславлиа, нехѣда гнѣзда шестокрыльци! не побѣдныи ли жребіи собѣ власти расѣхытисте? Кое ваши златыи шелома, и сѣлицы Ляцьскыи, и щиты? Загородите полю ворота своии острыи стрѣлами за землю Русьскую, за раны Игоревы, бѣго Святъславлиа . . . Епо каршинная галерея, епо рядѣ живыхъ поршрешовѣ; несмопря на бѣдкосьѣ времени, колоринѣ сохранилѣ всю свою свѣжесьѣ и блескѣ. Мы видимѣ предѣ собою древнихъ Русскихъ владѣшелей, храбрыхъ, гордыхъ, славолюбивыхъ; желѣзное Тапарское иго еще не смирило ихъ и не измѣнило суровыхъ чершѣ лица ихъ, по коимѣ бы можно признашѣ воиншвенныхъ Норманновѣ.

Со всѣмѣ шѣмѣ мы не знаемѣ, кшо шаковѣ пѣвецѣ Игоря; видно полько, чшо онѣ былѣ современникѣ и папріошѣ, чшо кѣ дарованію спи-

хопворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его опечесства, познаніе; предпочпипельнѣйшее всякой учености даже въ писамелѣ. Онъ приобрѣлъ его опыномъ, и сужденіе его о нѣкопрыхъ государспвенныхъ вещахъ прелыше поняпій своего вѣка. Сл достповѣрностію можно сказашъ, что онъ не былъ какой нибудь презрѣнной домосѣдъ, или неизвѣспной просполудинъ. Можешъ бытъ украшалъ его высокой санъ Боярспва, и онъ бывалъ мирнымъ посломъ при Княжескихъ дворахъ, или почпенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигалъ копіе брани на защипу воюемаго Опечесства. Кпо бв онъ ни былъ, но во времена варварспва онъ достпойнымъ образомъ увѣковѣчилъ своего героя, безв пого едла бы замѣшнаго въ однообразной полпѣ удѣльныхъ Князей.

Какъ въ дикоспи своей плѣнпшельна прпрода,
 Подобно пѣспь швоа, Россійскій Оссіанъ!
 Въ ней генія видна орлпная свобода,
 Орломъ шпрянеша даръ тебѣ прпродой данъ.

Естли въ пѣецѣ Игоря изобрѣтеніе или гудесное? еспъ; но шолько нешакого рода, какое въ Гомерѣ, Оссіанѣ и новѣйспихъ Епическихъ сппхопворцахъ; оно гораздо проспѣе, вѣрояпнѣе, и пошому, въ нашъ вѣкв, едла ли не предпочпипельнѣе. Вся прпрода являлась нашему пѣснопѣвцу одушевленною и шочно въ шаккомъ видѣ, какими глазами онъ на нее смошрѣлъ; ему казалось, что общее смяшеніе прпроды во время солнечнаго зашмѣнпя, и самое зашмѣнпе

предзнаменовали разбиіе Игоря, что вся природа прошивъ его Героя: вѣсперѣ крылами своими наносишъ стрѣлы на его воинство; солнце помишъ ихъ жаждою, засушаешъ ихъ луки, закрѣпляешъ колчаны. По разбиіи Русскихъ права ошъ жалости и древа ошъ печали къ землѣ преклонились; подѣ кликомъ невѣрныхъ Сула не кашишъ къ Переяславлю серебряныхъ струй своихъ, и Двина болошомъ печешъ къ Полошску. Когда же Игорь возврашлся изъ плѣна, то вся природа вѣ поржешъ ошъ его возвращенія; обрадованный Сѣверный Донецъ спѣшишъ привѣспивовать съ свободою своего Героя, разспилаешъ вѣ срѣшеніе ему зеленые ковры на серебряныхъ берегахъ своихъ, одѣваешъ его теплыми пуманами, вѣ видѣ гоголя и чайки спережешъ на водѣ, и вѣ видѣ черняди на вѣпрахъ. Казалось бы' одушевление отвлеченныхъ понятій не сродно съ простопою понятій вѣка шого; но пѣвецъ Игоря прекрасно одушевляетъ оныя. Слава звенишъ, Обида, вѣ образѣ *воинственной дѣвы*, спупаешъ на землю Траянову, являетя вѣ *изумленныхъ* полкахъ попомшва Славенскаго, превращаетя вѣ *таинственную лебедь*, грозно плещущую крылами на синемъ морѣ, у Дону великаго, и *крикомъ своимъ* будишъ шучныя Времена, которыя спали, ш. е. наслаждались пономъ. Но дѣйствіе сихъ аллегорическихъ шущешъ ешъ блескъ молніи, и чипапель пошчасъ понимаешъ, что ешо просшая, риторическая фигура. Но кромѣ чудеснаго вѣ слогѣ ешъ оное вѣ самомъ дѣйствіи; великій Князь Киев-

скій, Святославъ III видѣвъ пророческой сонъ :
 въ Киевѣ на горахъ, си ногъ съ везера, одѣваху
 мя гръною паполомою на кровати тисовѣ, грѣна-
 ху ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпаху
 ми тѣщами тулы поганыхъ тльковинъ великый
 женьгюгъ на лоно, и нѣцють мя, Уже дѣскы
 безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрсѣмъ....
 Сей вымыслъ показываетъ искусство автора;
 вѣсть о разбитіи Русскихъ Святославу при-
 несъ нѣкшо Бѣловлодъ Просовичъ (см. пр. 75);
 но такъ было бы слишкомъ просто, а сонъ го-
 раздо стихотвореніе.

Здѣсь распространимъ о качествахъ сло-
 га нашего автора; еще первые издатели замѣ-
 щили, что въ немъ видѣнъ духъ *Oссіана*; но въ
 чемъ епошъ духъ или сходство не сказали. Бар-
 ды Каледонскій и Славенскій сходны между со-
 бою въ простотѣ, возвышенности, силѣ, крат-
 кости и живописи слога, т. е. что оной чрез-
 вычайно обиленъ смѣлыми и неискусственными
 фигурами, опличительный признакъ перво-
 бытной поэзіи у всѣхъ народовъ, когда самая
 грубость и бѣдность языка сему способству-
 ютъ. Тщешно новѣйшая поэзія, со всѣмъ своимъ
 искусствомъ и правильностію, будетъ спа-
 раться приобрѣсть сіи качества; никогда не
 будучъ они ея удѣломъ. Представимъ въ при-
 мѣрѣ описаніе сраженія Русскихъ съ Половца-
 ми; авторъ являющъ великимъ живописцемъ
 цѣлаго, а не частей. Онъ обозрѣваетъ вдругъ
 всю картину сраженія, а въ подробности не

входишѣ: съ зараніа до везера, съ везера до свѣта, летать стрѣлы каленыя, гремлють сабли о шеломы, трещать коніа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половегъскыя. Чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровію поляна; тугою въздоша по Русьской земли. Что ми шумить? Что ми звенить давегя рано предѣ зорями? Игорь пѣлжы заворогаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода; бишася день, бишася другый, третьего дня къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлугиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ доконгаша храбриу Русцици, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русьскую.... Здѣсь мепашора взяша опѣ пьянспива; казалось бы одна мысль должна возбудишь опшращеніе; но Буало справедливо сказалъ:

Il n'est point de serpent ni de monstre odieux
Qui par l'art imité ne puisse plaire aux yeux.

Удѣлъ одного испиннаго дарованія; Авшорѣ пре-
красно воспользовался своею мепашорою.

Описаніе солнечнаго зашмѣнія, во время котораго видны были звѣзды (см. пр. 23), шакже пре-
красно. Смяшеніе всей природы изображено живо: Солнце ему (Игорю) тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему грозозю, птицъ цбуди; свистѣ звѣринѣ въ стазби; дивъ клигеть вѣрху древа.... вѣлци грозю вѣсѣрожатъ по ярусамѣ, орли клектомѣ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на гръленья щиты... Несмошря на сей ужасѣ

природы, *Игорь къ Дону свои ведеть; вопшъ мужество духа, неменше удивительное (особливо въ пошъ вѣкѣ) мужества шѣла.*

Пѣвецъ Игоря сыплешъ щедрою рукою сравненія, или уподобленія; но они чрезвычайно крашки, просшы, и никогда не перерывающъ повѣствованія: а *Игорь Князь поскози горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣржеса на бѣрзѣ комонь, и скози съ него босымъ вѣлокмъ, и потеге къ луцѣ Донца, и полетѣ соколмъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и цжинѣ. . .* Здѣсь пѣснопѣвецъ избъ каждаго движенія Игоря рисуетъ особую каршину; передѣ глазами нашими Игорь побѣжалъ къ проспнику, какъ горноспай, *поплылъ*, какъ гоголь, *пошекѣ не оглядываясь*, какъ волкъ, и наконецъ, когда уже былъ далеко, *полетѣлъ плавно*, какъ соколъ, подѣ понкими, ушренними шуманами, избивая гуси и лебеди. Какое роскошное воображеніе! сколько каршинъ надобно писашъ живописцу!

Замѣшимъ однакожъ, что опшъ излишней пылкости воображенія слогъ автора для непривыкшаго можетъ показаться иногда шемнымъ: *не буря соколы занесе трезѣ поля широкая; галици стады бѣжатъ къ Дону великому.* Здѣсь подѣ соколами разумѣюшся Русскіе, а подѣ галками Половцы; но Авторъ, увлеченный воображеніемъ, не пояснилъ метафоры. Такъ въ другомъ мѣстѣ: *другаго дни вельми рано*

красавья зори свѣтъ повѣдаютъ, зрѣнья туги съ моря идуть, хотять прикрыти зетыре солнца, а въ нихъ трепещуть синія мѣлніи, быти грому великому. . . . Здѣсь подѣ шучамъ разумѣюща Полувцы, а подѣ чешырьмя солнцами предводисельспвующіе Князья: Игорьъ, Всеволодъ, Владиміръ и Свяшославъ; но вдругъ можно сію метафору принять въ собственномъ смыслѣ.

Въ Словѣ о полку Игоревомъ встрѣчается еще родъ сравненія, имѣющаго форму оприцанія, и особенно свойственнаго просоподеической Русской поэзіи: *Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше; нѣ своя вѣща пѣрсты на живыя струны вѣскладаше.* Здѣсь пальцы, копорыхъ на обѣихъ рукахъ десять, сравнены съ десятию соколами, а струны со спадомъ лебедей; сравненіе смѣлое и живописное.

Кромѣ сравненій есть множество прекрасныхъ метафоръ: *дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далеге залетѣло; небылонъ обидѣ порождено ни соколу, ни кресту, ни тебѣ, зрѣный воронъ, поганый Половгине!* (о нравахъ Половцовъ см. Несш. библ. Рос. спр. 14; какъ прилично поганый Половганинъ названъ здѣсь ворономъ, хищнымъ и пишающимся всякою нечистою). . . . *Ингварь, и Всеволодъ, и вси три Мъстиславиги, нехуда гнѣзда щестокрильци! . . . , камо, туръ, поскогаше, своимъ златымъ шеломамъ посвѣгивая. . . . единъ же изрони дущу изъ*

храбра тѣла грезѣ злато ожереліе. . . . ш. е. чпо
 Изяславѣ испекѣ кровью, кошпоя, опѣ подобія
 цѣвша, метафорически названа злпшымѣ оже-
 рельемѣ; здѣсь вещи не сравниваються, а изоб-
 ражаються. Сія прекрасная фигура, ш. е. мета-
 фора, дѣлаешѣ слогѣ чрезвычайно живописнымѣ;
 воображеніе рисуешѣ вдругѣ двѣ каршины по-
 рознь: одну, имѣющую прямой, или собственнп
 смыслѣ; другую непрямої, или метафорической.
 Есть также примѣры аллегоріи, или продолжен-
 ной метафоры; такѣ описано цѣлое сраженіе
 Кіевскихѣ Ярославичей съ Полошскимѣ Всесла-
 вомѣ: *на Немизѣ снапы стелють головами, мо-
 лотять тєпи харалужными, на тоцѣ животѣ кла-
 дуть, вѣють дущу отѣ тѣла. . . .* Аллегорія пра-
 вильна и выдержана; чпшапель удобно соеди-
 няешѣ поняшіе о молодшѣбѣ хлѣба съ спрашнымѣ
 кровопролишїемѣ. Разказѣ Кіевскихѣ Боярѣ о
 походѣ Игоря есть также аллегорической: *се бо
 два сокола слетѣста съ отня стола злата по-
 искати града Тѣмцтороканя, а любо испити
 шеломомѣ Донц. Уже соколома крильца припѣ-
 шали поганыхѣ саблями, а самую опцтоша вѣ
 пцтины желѣзны. Темно бо бѣ вѣ третій день:
 два солнца померкоста (здѣсь метафора заим-
 спвована опѣ солнечнаго зашмѣнїя), оба багрная
 стѣлна погасоста (та же мысль, шо есть, чпо
 Игорь и Всеволодѣ взяшы вѣ плѣнѣ; но только
 метафора повидимому заимспвована опѣ сѣ-
 вернаго сїянїя. Сіе показываешѣ богашспво во-
 ображенїя, кошпое, не довольно будучи одною
 каршиною, рисуешѣ другую, хошя онѣ обѣ оз-*

начаюшъ то же самое), и съ нима молодая мѣ-
сяца, Владиміръ и Святѣславъ, тьмою ся по-
волокоста. На рѣцѣ, на Каалѣ тьма свѣтъ по-
крыла.

Слогъ автора изобилуешъ пакже гипербо-
лами; но сія рѣзкая фигура пакъ искусно упо-
треблена, что почти нечувствительна: они же
(спруны) сами Княземъ славу рокоташу....
подъ трубами повити, подъ шеломи вѣзвѣлѣ-
яни, конецъ копія вѣсѣкѣрмленіи. . . орѣтѣями,
и японгицами, и кожухы нагаша мосты мостити
по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ.... ты бо
можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шело-
мы выльяти.... не ваю ли злагеными шеломи
по крови плаваста? . . . изъ Кыева дорискаше до
куръ Тьмѣтороканя. . . тому въ Полотскѣ поз-
вонциша зацтренюю рано у Святыя Софіи въ ко-
локолы; а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. . . При-
мѣры обращенія и одушевленія находящя выше,
гдѣ я говорилъ о самомъ авторѣ и объ изобрѣ-
шеніи, или чудесномъ.

Мы видѣли, какъ вѣрно списываешъ авторъ
окружающую его природу; всѣ его фигуры за-
имствованы опъ оной. Такъ нѣжная душа пое-
па, подобно ясному лону воды, изображаешъ въ
себѣ созерцаемая ею вещи.

Младенецъ щасливый уже любимецъ Феба;
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣшы, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быспряя и полный мрака лѣсъ.

Онъ въ лону машери, приникнувъ, улыбался,
 Когда веселый Май цвѣтами убирался.
 И жавронокъ вился надъ зеленью полей;
 Злашая ль радуга, пророчица дождей,
 Весь сводъ лазоревый подернешь облішаньемъ?
 Ее привѣщивалъ невнятнымъ лепешаньемъ,
 Ее манилъ въ себѣ младенческой рукой.
 Чшо видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,
 Чшо видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра жишель,
 Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранишель,
 Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ попомощу передатьъ. . .

Батюшковъ.

Я заключу сіе разсужденіе слѣдующимъ
 сравненіемъ: Гомерова Илиада, или Оссіанова Те-
 мора естъ правильный, обширный садъ, надъ
 украшеніемъ котораго искусство шрудилось не
 меньше природы; Слово о Полку Игоревомъ естъ
 изящный ландшафтъ, поражающій прелестною
 своею дикостію, и подобный описанному Дер-
 жавинимъ въ его *водопадѣ*:

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
 При спрашной сей красѣ природы,
 На ушломъ пнѣ, кошорый свисъ
 Съ ушеса горъ на яры воды.

Тутъ нѣтъ ничего правильного; но люби-
 пель сельской природы восхипися имъ, и ни-
 когда не наскучитъ созерцашъ дикія его красопы.

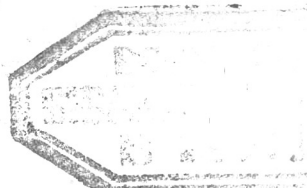
Скажемъ нѣсколько словъ о *механизмѣ сло-
 га*; періоды его крапки, и заключающъ въ себѣ,
 нешолько сами, но часши ихъ, опдѣльный

смыслъ; отъ ешого происходишь гармонія, похожая на нѣкоторый размѣръ. Въ ешомъ авшорѣ Слова о Полку Игоревомъ сходспвуесть много съ ученымъ переводчиномъ Оссіана , Макферсономъ, котораго прозу знаменимый соопечешвенникъ его называесть *мѣрною* (the measured prose), и говоришь, что въ ней слышны разные роды звучныхъ кадансовъ, или размѣровъ (Blair, in his critic. dissert. on the poems of Ossian, p. 302); по же самое можно сказаць и о прозѣ Слова о Полку Игоревомъ.

С Л О В О
о
П О Л К У И Г О Р Е В О М Ъ .

В

С Л О В О

О

ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ,

СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

A tale of the times of old! the deeds of days of other years!

OSSIAN.

Не лѣпо ли ны бяше, братіе, нагати старыми словесы ¹⁰ трудныхъ ¹¹ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Нагати же сътѣй пѣсни по былинамъ сего времени ¹², а не по замышленію Бояню; Боянъ бо вѣщій ¹³ аще кому хотяше пѣснь творити, то расѣтекашеся мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ; помняше бо реть пьрвыхъ временъ цубицѣ, тогда пущаще ¹⁰ соколовъ на стадо лебедей. Который дотегаше, та преди пѣснь пояше ¹⁴: старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редедю ¹⁵ предѣ пълкы Касожьскыи ¹⁶, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ¹⁰ соколовъ на стадо лебедей пущаще; нѣ своя вѣщія пьрсты на живыя струны ¹⁷ вѣсвкладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху ¹⁸.

С Л О В О

О

ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА.

Речь первыхъ временъ! былины дней другихъ лѣтъ!

О С С И А Н Ъ.

Не приспойно ли бы намъ было, брашья, воспѣшь древнимъ языкомъ прудную повѣсть о войскѣ Игоревомъ, Игоря Свяшославовича? Воспѣшой же бышь шой пѣснѣ по былямъ сего времени, а не по вымыслу Боянову; Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню шворить, по носился мыслью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками; помнилъ онъ сказаніе давноминувшихъ временъ о войнѣ, и тогда пускалъ десяшь соколовъ на спадо лебедей. Кошорой соколъ долеталъ, шу напередъ пѣсню онъ пѣлъ: древнему Ярославу, храброму Мещи-славу, кошорой зарѣзалъ Редедю передъ полками Касожскими, прекрасному Роману Свяшославовичу. Боянъ же, брашья, не десяшь соколовъ на спадо лебедей пускалъ; но свои хитрые першпы на живыя струны вскладывалъ, сіи же сами Князьямъ славу гласили.

Погнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну чумъ ¹⁹ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ; напѣлнися ратнаго дѣха, наведе своя храбрыя пѣлки ²⁰ на землю Половецкѣю ²¹ за землю Рускѣю ²². Тогда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое сѣлнце, и видѣ отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты ²³, и рече Игорь къ дружинѣ ²⁴ своей: „братіе и дружино! лице жь бы потяту ²⁵ быти, неже положену быти ²⁶; а всядемъ, братіе, на свои бѣрзьи комони, да позримъ синего Дону!“ Спали Князю чумъ похоти искѣсити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступы ²⁷. „Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици! хощу главу свою приложити, а любо испити шеломамъ Дону.“ О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія пѣлки щекоталъ, скагя, славію, по мыслену древу, летая чумомъ подѣ облакъ, свивая славы ²⁸ оба польи сего времени, рища вѣ тропу Трояни ²⁹ грезѣ поля на горы; пѣти было пѣснь Игореву, того Ольга вѣчкѣ. Не буря соколы занесе грезѣ поля широкая, галици стады бѣжатъ къ Дону великому; ги ли вѣсѣпѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ ³⁰ вѣчге? Комони ржѣтъ за Сѣлою, звенить слава вѣ Киевѣ, трубы трубятъ вѣ Новѣградѣ, стоятъ стязи вѣ Путивль ³¹; Игорь ждетъ мила брата, Всеволода ³².

Воспоемъ же, брашья, повѣспъ епу ошѣ древняго Владиміра до нынѣшняго Игоря, кошорой успремилъ всѣ свои мысли на *подвигъ сей*, и поосприлъ сердце свое мужеспивомъ; наполнившись военнаго духа, навелъ онѣ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь взглянулъ на свѣшное солнце, и увидѣлъ ошѣ него шьмой всѣхъ своихъ воиновъ покрышыхъ, и сказалъ Игорь дружинѣ своей: „брашья и дружина! лучше изрублену бышь, нежели полонену бышь; а сядемъ, брашья, на своихъ лихихъ коней, да посмопримъ синяго Дону!“ *Вспало Князю на умъ желаніе ошвѣдашь воды изъ Дону великаго, и геройское спремление засшупило ему знаменіе (засшавило пренебречь).* „Хочу, сказалъ онѣ, копье переломишь въ самыхъ дальнихъ спепяхъ Половецкихъ съ вами Русскіе! хочу голову свою положишь, либо испнишь шлемомъ *воды изъ Дону.*“ О Боянѣ, соловей спараго времени! когдабы ты сіи полки воспѣлъ, скача, соловей, по мысленному дереву, летая умомъ подѣ облаками, увивая славами (увѣковѣчивая) обѣ половины сего времени, рыща по дорогѣ Траяновой черезъ поля на горы; пѣшь было *тебѣ* пѣсню Игорю, шого Олега внуку. Не буря соколовъ занесла черезъ спепи широкія, галки спадками лешяшѣ къ Дону великому; развѣ не воспѣшь ли было (чшо! когда бы воспѣшь) *тебѣ*, мудрой Боянѣ, Велесовѣ внукѣ? Кони ржущѣ за Сулой, звенишѣ слава въ Кіевѣ, шрубы шрубяшѣ въ Новгородѣ (Сѣверскомѣ), вѣющѣ знамена въ Пушивлѣ; Игорь ждешѣ милаго браша, Всеволода.

И реге ему буй турь ³³, Всеволодъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю! оба есма Святъславлигя; сѣдлай, брате, свои бѣрзыи кони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на-переди. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети ³⁴, подѣ трѣбами повити, подѣ шеломи възвлѣбѣни, конецъ коня въсѣкѣрмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, лѣци у нихъ напряжени, тѣли отѣтворени, сабли извострени; сами скажутъ, акы сѣрыи влци въ полѣ, ищѣги себѣ гти, а Князю славы ³⁵.“ Тогда вѣступи Игорь Князь въ златъ стремь, и побѣха по гистому полю: сѣлнце ему тьмою путь заступаше; ношь, стонѣщи ему грозою, птиць убѣди; свистѣ звѣринѣ въ стази ³⁶; дивѣ ³⁷ кличетъ върху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и Поморію, и Посѣлію ³⁸, и Сурожу ³⁹, и Корсѣню ⁴⁰, и тебѣ, Тъмѣтороканьскый бѣлванѣ ⁴¹! А Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому; крыгати телегы полѣнощи, рци лебеди расѣнѣщени. Игорь къ Дону вои ведеть; ѣже бо бѣды его пасѣтъ птиць ⁴², подобію влци грозу вѣсѣрожатъ по яругамѣ, орли клетомѣ на кости звѣри зовѣтъ, лисици брешѣтъ на гърленныи щиты. О Русьская земле! ѣже за шеломанемѣ ⁴³ еси; дѣлго ногъ мѣркнетъ ⁴⁴, заря свѣтъ ⁴⁵ запада, мѣла поля покрыла, щекотѣ славій ѣспе, говорѣ галить убѣди ⁴⁶. Русци великая поля гърленныи щиты прегородиша, ищѣги себѣ гти, а Князю славы.

Сѣ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя ⁴⁷

И сказалъ ему сильной шуръ, Всеволодъ: „одинъ у
 меня брашъ, одинъ свѣшъ свѣшлый, шы Игорь!
 оба мы Свяшославовичи; сѣдай, брашъ, своихъ
 лихихъ коней, а мои для шебя гошовы, осѣданы
 у Курска напереди. А мои Куряне искусные
 всадники, подъ шрубами повисы, подъ шлемами
 взелѣяны, св осприя копя вскормлены; дороги
 имъ знаемы, луки у нихъ напянушы, колчаны
 ошопкнущы, сабли ошущены; сами скачущъ,
 какъ сѣрые волки въ полъ, ища себѣ чесши,
 а Князю славы.“ Тогда вступилъ Игорь Князь въ
 золошое спремя, и поѣхалъ по чисшому полю:
 солнце ему шьмой дорогу засшупало; ночь, сто-
 нущая грозой ему, пшищъ разбудила; воюшъ
 звѣри шпадами; филинъ кричипъ на вершинѣ
 дерева, велитъ послушашъ землѣ незнаемой,
 Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и шебѣ. Тьму-
 шпороканской болванъ! А Половцы непроложен-
 ными дорогами побѣжали къ Дону великому;
 кричашъ (скрыпяшъ) шелеги ихъ въ полуночи,
 словно лебеди разлешѣвшіеся. Игорь къ Дону
 воиновъ ведешъ; уже бѣды его пасущъ пшищъ;
 волки ужасъ раждающъ *вытьемъ* по оврагамъ,
 орлы крикомъ на шрупы звѣрей зовущъ, лисицы
 лающъ на багряные щипы. О Русская земля!
 уже за высотой шы (скрылась изъ виду); давно
 ночь шемнѣшъ, свѣшлая заря пропала, шуманъ
 поля покрывъ, пѣніе соловьиное заснуло, крикъ
 галичей прѣбудился. Русскіе широкія шпепи
 перегородили багряными щипами, ища себѣ
 чесши, а Князю славы.

Рано въ пяшницу смяли *они* нечисшые полки

пѣлки Половезьскыя ⁴⁸, и расбѣсѣшася ⁴⁹ стрѣ-
лами по полю, помгаша красныя дѣвки Поло-
везьскыя, а съ ними злато, и паволоки, и дра-
гыя оксамиты; орьтѣмами ⁵⁰, и японгицами, и
кожухы нагаша мосты мостити по болотомѣ
и грязивымѣ мѣстомѣ, и всякими цзорогыи По-
ловезьскыми. Чьрленѣ стягѣ, бѣла хорюговѣ,
гьрлена голка ⁵¹, сребрено стружіе ⁵² храброму
Святѣславлигю. Дремлетъ въ полѣ ⁵³ Ольгово,
хороброе енѣздо ⁵⁴, далече залетѣло; небылонѣ
обидѣ порождено ни соколу, ни крегету, ни тебѣ,
гьрный воронѣ, поганый Половгине! Гзакѣ бѣ-
житъ сѣрымѣ вѣлкомѣ; Конзакѣ ему слѣдѣ пра-
витъ къ Дону великому,

Другаго дни вельми рано ⁵⁵ кровавыя зори
свѣтѣ повѣдають, гьрныя тѣги съ моря идуть,
хотять прикрыти 4 свѣнца; а въ нихѣ тре-
пещуть синія мѣлніи. Быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ Дону великаго; тѣ
ся копіемѣ приламати; тѣ ся саблямѣ потру-
гати ⁵⁶ о шеломя Половезьскыя, на рѣцѣ, на
Каялѣ, у Дону великаго. О Русьская земле! чѣ
за ⁵⁷ шеломянемѣ еси; се вѣтри, Стрибожи ⁵⁸
внѣци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя
пѣлки Игоревы. Земля тѣтнетъ ⁵⁹, рѣкы мѣт-
но текуть, пороси поля прикрывають, стязи
глаголють; Половци идуть отѣ Дона, и отѣ
моря, и отѣ всѣхѣ странѣ. Русьскыи пѣлки
отѣступниша; дѣти бѣсови кликомѣ поля пре-
городиша, а храбріи Русѣци преградиша гьрле-
ными щиты ⁶⁰. Ярѣ тѣре, Всеволоде! стоиши

Половецкіе, и разсыпавшись спрѣлами по полю, помчали прекрасныхъ дѣвокъ Половецкихъ, а съ ними золошо, и парчи, и дорогіе бархашы; оршмами, и епанчами, и шубами, и всякими нарядами Половецкими начали моспы моспиль по болошамъ и грязнымъ мѣсшамъ. Багряное древко, два знамя бѣлое и багряное же, серебряное всеоружіе *наградой* храброму Святославовичу. Дремлешъ въ полѣ Олегово, храброе гнѣздо, далеко залетѣло; не родилось оно шерпѣшь обиды ни ошъ сокола, ни ошъ кречепа, ни ошъ шебя, черной воронѣ, нечистой Половчанинѣ! Гзакъ бѣжипѣ сѣрымъ волкомъ; Кончакъ за нимъ въ слѣдѣ спѣшипѣ къ Дону великому.

На другой день весьма рано кровавья зари свѣпѣ възвѣщаюпѣ, черныя пучи сѣморя идупѣ, хопяпѣ закрыпѣ чешыре солнца; а въ нихъ извиваюпѣся синія молніи. Быпѣ грому великому, ипши дождю спрѣлами сѣ Дону великаго; шупѣ копьямъ поломапѣся; шупѣ саблямъ погрѣмѣпѣ о шлемы Половецкіе, на рѣкѣ, на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земля! уже за высокоп шы; вошъ вѣпры, Сприбожевы внуки, вѣюпѣ сѣ моря спрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля звучипѣ, рѣки мушно шекупѣ, пыль поля покрываепѣ, знамена шумяпѣ; Половцы идупѣ ошъ Дона, и ошъ моря, и ошъ всѣхъ споронѣ. Русскіе полки ошшупили; дѣши бѣсовы (Половцы) крикомъ поля перегородили, а храбрые Русскіе перегородили багряными щипами. Люшой шурѣ, Всеволодѣ! ты стоишь на оборонѣ, прыщепѣ на

на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши ⁶¹ о шеломи мези харалуужными ⁶². Камо, турѣ, поскогыше, своимѣ златымѣ шеломомѣ посвѣживая, тамо лежать поганья головы Половезьскыя, поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя ⁶³ отѣ тебе, арѣ туре, Всеволоде! Кья раны дороги, братіе, забывѣ зти, и живота, и града Чьрнигова, отня, злата стола, и своя милья хоти ⁶⁴, красныя Глббовны свыгая и обыгая? Были свѣзи Трояни, минуци лѣта Ярославли, были пѣлци Ольговы, Ольга Святѣславлига ⁶⁵; тѣй бо Олегѣ меземѣ крамолу коваше, и стрѣлы по земли свѣаше, ступаетъ въ златѣ стремянѣ въ градѣ Тъмүтороканѣ. Тоже звонѣ слыша давный, великый Ярославѣ; а Владимірѣ, сынѣ Всеволожь ⁶⁶, по вся цтра цши закладаше въ Чьрниговѣ ⁶⁷. Бориса же Вягеславлига слава на судѣ ⁶⁸ приведе, и на конину, зелену наполому постла за обиду Ольгову, храбра и млада Князя. Съ тоя же Каялы Святонѣлкѣ по свѣзѣ я ⁶⁹ отца своего междю Цгорьскыми иноходьци ко Святѣй Софїи, къ Кыеву. Тогда при Ользѣ Гориславлиги ⁷⁰ свѣашеся и растяше цсобицами; погибаше жизнь Даждьбожа внука ⁷¹, въ княжихѣ крамолахѣ вѣци геловѣкомѣ свкратишась. Тогда по Русьскойой земли рѣдко ратаеве ⁷² кыкаху; нѣ гасто врани грааху, трупїя себѣ дѣляге; а галици свою реть говоряху, хотятъ полетѣти на цѣдіе. То было въ ты рати и въ тыи пѣлкы; а сице и рати не слышано: съ

воиновъ стрѣлами, гремишь о шлемы мечами
 булашными. Куда, шуръ, ни бросишься, своимъ
 золошымъ шлемомъ поблескивая, шамъ лежашъ
 нечислыя головы Половецкія, изщепаны саблями
 калеными шлемы Аварскія отъ тебѣя, люпой
 шуръ, Всеволодъ! Какія раны дороги, брашья, за-
 бывшему почести, и жизнь, и городъ Черниговъ,
 опеческой, золошой пресполь, и свои любимѣй-
 шія прихоши, прекрасной Глббовны (супруги
 своей) привычки и обычаи? Были бшвы Трая-
 новы, минули лѣша Ярославовы, были ополченія
 Олеговы, Олега Свяшославовича; ешолъ по
 Олегъ мечемъ вражду ковалъ, и стрѣлы по землѣ
 сѣялъ, всшупаешъ въ золошое спремѣ въ городъ
 Тьмушороканъ. Также слышалъ давнишнюю, ве-
 ликую молву Ярославъ; а Владиміръ, сынъ Всево-
 лодовъ, всякое ушро уши закладывалъ въ Черни-
 говъ. Бориса же Вячеславовича слава ко гробу при-
 вела, и на конскую, зеленую попону положила
 за обиду Олегову, храбраго и молодаго Князя.
 Съ шой же Каялы Свяшополкъ послъ бшвы
 поднялъ *тѣло* опца своего между Венгерскими
 иноходцами, и *повезъ* къ Свяшой Софіи, въ Кіевъ.
 Тогда при Олегъ Гориславовичѣ сѣялись и ра-
 сли междуусобія; погибала жизнь Даждъбожа
 внука, въ княжихъ враждахъ дни человекамъ
 сокращались. Тогда по Русской землѣ рѣдко
 земледѣльцы восклицали; но часшо вороны
 каркали, шрупы по себѣ дѣля; а галки свою
 речъ говорили, хошашъ полешѣшь на покормку.
 То было въ шѣ бшвы и въ шѣ ополченія; а
 шакой жестокой бшвы и не слыхано: съ раннихъ

заранія до вѣтера, съ вѣтера до свѣта летать стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шеломя, трещать конія харалужная въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половечьскыя. Чьрна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровію польяна; тугою въздоша по Рѹсьской земли ¹³. Что ми шѹмить? Что ми звенить давегя рано предѣ зорями? Игорь пѣлки заворогаеть; жаль бо емѹ мила брата, Всеволода. Бишася день, бишася друкый, третьего дни кѣ полуднію надоша стязи Игоревы ¹⁴. Тѹ ся брата разлѹгиста ¹⁵ на брезѣ быстрой Каялы; тѹ кроваваго вина не доста; тѹ пирѣ доконгаша храбріи Рѹсици, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рѹсьскую. Низить трава жалощами ¹⁶, а древо съ тугою кѣ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала; уже пѹстыни силу прикрыли. Вѣстала обида въ силахѣ Даждѣбожа внука, вѣстѹпила дѣвою на землю Трояню, вѣсѣплескала лебедиными крылы на синѣлѣ морѣ, ѹ Дону плещѹги ¹⁷, ѹбѹди жирна времена ¹⁸. йсобица Княземѣ на поганья погыбе; рекоста бо братѣ братѹ: „се мое, а то мое же.“ И нагаша Князи про малое, се великое, мѣлвити, а сами на себе крамолѹ ковати; а поганіи съ всѣхѣ странѣ приходящѹ съ побѣдами на землю Рѹсьскую. О! далеге зайде соколѣ, птиць бѣя кѣ морю; а Игорева храбразо пѣлѹ не кресити. За нимѣ кликнѹста Карна и Жля, поскогиста по Рѹсьской земли, смагѹ мѣгюги въ пламянѣ розѣ ¹⁹. Жіены Рѹсь-

лучей упра до *позднихъ* вечера, съ вечера до свѣша лешяшъ стрѣлы каленыя, гремяшъ сабли о шлемы, шрещашъ копья булашныя, въ степи незнаемой, среди земли Половецкой. Чорная земля подъ копышами *коней* коспиями была по сѣяна, а кровью полиша; шуго (худо) пришло Русскимъ людямъ. Чпо, *слышится* мнѣ, шумишъ? Чпо, *слышится* мнѣ, звенишъ давича рано передъ зарею? Игорьъ полки заворачивашъ; жаль ему милаго брата, Всеволода. Бились день, бились другой, на шрешій день около полудня пали знамена Игоревы. Тушъ два брата разлучились на берегу быспрой Каялы; шумъ кроваваго вина не достало; шумъ пиръ докончили храбрые Русские. свашовъ попоили, а сами полегли за землю Русскую. Нивнешъ права отъ жалосши, а дерево съ горя къ землѣ наклонилось. Уже, брата, не веселая година воспала (пора насшала); уже гущыни войско покрыли. Воспала обида въ войскахъ Дажьдбожа внука, вспупила дѣвой на землю Траянову, всплескала лебедиными крылами на синемъ морѣ, у Дону плещучи, разбудила шумныя времена. Переспали Князя ходишъ войной на нечисыхъ; молвилъ братъ брату: „ешо мое, и шо мое же.“ И начали Князя про малое, ешо великое, говоришъ (завидовашъ), и сами на себя вражду ковашъ; а нечисые со всѣхъ споронъ приходили съ побѣдами на землю Русскую. О! далеко залешѣлъ соколъ, избивая пшицъ у моря; а Игорева храбраго полку не воскресишъ. За нимъ крикнули Карна и Жля, усшремились въ Русскую землю, мча съ собою

скыя вѣсѣплакашась, аркузи⁸⁰: „уже намѣ своихъ милыхъ ладѣ⁸¹ ни мыслию сѣмыслити, ни думою сѣдумати, ни огима свѣлядати; а злата и сребра ни мало того потрепати.“ А вѣстона бо, братіе, Кіевѣ тугою, а Чърниговѣ напастѣми; тоска разліяся по Рцѣьской земли⁸², пегаль жирна теже средѣ земли Рцѣьскыя. А Князи сами на себе крамоу коваху⁸³; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рцѣьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отѣ двора. Тѣи бо два храбрая Святѣславлигя, Игорь и Всеволодѣ, уже лжу⁸⁴ цѣудиста, которую то баше успилѣ отецъ ихъ⁸⁵, Святѣславѣ грозный, великій, Кыевскый. Грозою баше, притрепталѣ своими сильными пѣлгы и харалужными мези, наступи на землю Половегѣьскую, притопта хѣлми и яругы, вѣзѣмѣти рѣкы и озеры, исѣсѣши потоки и болота; а поганого Кобяка изѣ лѣку моря⁸⁶, отѣ желѣзныхъ, великихъ пѣлговѣ Половегѣьскыхъ, яко вихрь выторже; и надеся Кобякѣ вѣ градѣ Кыевѣ, вѣ гридицѣ Святѣславли⁸⁷. Тѣ Нѣмци и Венедици⁸⁸, тѣ Греци и Морава поють славу Святѣславлю, кають⁸⁹ Князя Игоря, иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы, рѣкы Половегѣьскыя. Тѣ⁹⁰ Рцѣьскаго злата насыпаша, тѣ Игорь Князь высѣдѣ изѣ сѣдла злата, а вѣ сѣдло кощево⁹¹; чныша бо градомѣ забралы⁹², а веселіе пониге. А Святѣславѣ мѣтенѣ сонѣ видѣ: „вѣ Кыевѣ нагорахъ, си ногѣ сѣ ветра, одѣваху⁹³ мя,

пожары въ пламенномъ рогѣ. Жены Русскія всплакали, причипая: „уже намъ о своихъ мильхъ мужьяхъ ни мыслью не помыслишь, ни думой не вздумашь, ни глазами на низъ не поглядѣшь; а золошомъ и серебромъ ни сколько не побрячашь.“ Вспоналъ, брашья, Кіевъ отъ горещи, а Черниговъ отъ напашей; поска разлилась по Русской землѣ, печаль глубокая пекла среди земли Русской. А Князья сами на себя вражду ковали; а нечиспые, побѣждая ихъ въ набѣгахъ своихъ на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ сѣ двора. Сіи два храбрые Свяшославовичи, Игорьъ и Всеволодъ, уже разбудили льготу, копорую было усыпилъ ошецъ ихъ, Свяшославъ грозной, великой Князь Кіевской. Грозой *Половцовъ* былъ, засшавилъ шрепешашъ своими сильными полками и булашными мечами, насшупилъ на землю Половецкую, пришопшалъ холмы и овраги, взмушилъ рѣки и озера, изсушилъ прошоки и болоша; а нечиспаго Кобяка отъ излучины моря (Азовскаго), изъ середины желѣзныхъ, великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихоръ, испоргнулъ; и попался Кобякъ въ городъ Кіевъ, во дворецъ Свяшославовъ. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, шамъ Греки и Моравцы поюшъ славу Свяшославоу, хаюшъ (порицаюшъ) Князя Игоря, копорой погрузилъ жиръ земли Русской (богашество) на дно Каялы рѣки Половецкой. Тутъ насыпали Русскаго золоша; шупъ Игорь Князь пересѣлъ изъ сѣдла своего золошаго въ простое сѣдло опрока. Уныли городскія спѣсны, и веселіе поникло; а Свяшославъ дурной сонъ видѣлъ: „въ Кіевѣ на горахъ

реге, гърною наполюю, на кровати тисовѣ, гърпаху ми синее вино съ трудоу⁹⁴ смѣшено, сыпаху ми тѣщи ми тулы поганыхъ тльковинѣ⁹⁵ великый женьгюгѣ⁹⁶ на лоно, и нѣгують мя; уже дѣскы безѣ кѣнеса⁹⁷ въ моемѣ теремѣ златовѣрѣмѣ. Всю ноцѣ съ ветера босцви⁹⁸ врани възѣрааху ц Пльскѣнска⁹⁹, на болони¹⁰⁰ бѣша, дѣбрь Кисаню, и не сошли¹⁰¹ къ синему морю. И ркоша Бояре¹⁰² Князю: „ уже, Княже, тѣга цѣмѣ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня¹⁰³ стола злата поискати града Тѣмѣтороканя¹⁰⁴, а любо испити шеломамѣ Дону¹⁰⁵. Уже соколома крильця припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ пѣтины¹⁰⁶ желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день; два сѣлнца помѣркоста, оба багряная стѣлна погасоста; и съ нима молодая мѣсяця, Владимірѣ¹⁰⁷ и Святѣславѣ, тѣмою ся поволокоста, на рѣцѣ, на Каялѣ тѣма свѣтѣ покрыла. По Русьской земли прострошася Половци, акы пардѣже гнѣздо¹⁰⁸, и въ морѣ погрузиша¹⁰⁹, и великое бѣство подасть Хиновѣ. Уже снесеса хѣла на хвалу, уже тресну нѣжда¹¹⁰ на волю, уже вѣржеса дивѣ на землю. Се бо Готѣскыя¹¹¹, красныя дѣвы вѣсѣпѣша на брезѣ синему морю; звоня Русьскымѣ златомѣ, поють время Бусово, лѣбѣють мѣсть Шароканю¹¹²; а мы уже, дружина, жадни веселія!“ тогда великый Святѣславѣ изрони злато слово, слезами смѣшено¹¹³, и реге: „ о моя сыновѣя, Игорю и Всеволоде! рано еста нагала Поло-

въ ешу ночь свечера, одѣвали меня, говорилъ онѣ
своимѣ Боярамѣ, чорнымѣ покровомѣ на кровашѣ
 песовой, подносили мнѣ синее вино, св ядомѣ
 смѣшенное, сыпали мнѣ крупной жем-
 чугѣ въ колѣна, и нѣжашѣ меня; уже доски
 безѣ мапицы въ моемѣ шеремѣ золошверь-
 хомѣ. Всю ночь св вечера босые вороны прокар-
 ками у Пѣнска, усѣлись на болонѣ, *гдѣ*
 лощина Кисанова, и не слѣшли къ синему мо-
 рю.“ И молвили Бояре Князю: „уже, Князь,
 печаль насѣ сокрушила; два сокола слѣшли
 св опцовскаго престола, золошаго доспашѣ го-
 родѣ Тьмушороканѣ, либо испишѣ шлемомѣ *воды*
изѣ Дону. Уже соколамѣ крылья обрубилѣ не-
 чисныхѣ саблями, а самихѣ опушали желѣзами.
 Темно спало въ прешій день; два солнца по-
 меркли, оба багряные столпа погасли, и св
 ними молодые мѣсяцы, Владимірѣ и Свяшославѣ,
 шьмой одѣлись, на рѣкѣ, на Каялѣ шьма свѣшѣ
 покрыла. По Русской землѣ простерлись По-
 ловцы, какѣ леопардово гнѣздо, и въ морѣ (Азов-
 ское) загнали *остатокѣ Русскихѣ*; и *сѣ* большую
 дерзосшѣ придашѣ *изѣ* Хану. Уже вознеслась
 хула на хвалу; уже воспало насиліе на сво-
 боду; уже *сѣ* *вершинѣ дѣрева* спустился филинѣ
 на землю. Вотѣ Гошскія, прекрасныя дѣвы вспѣ-
 ли на берегу синяго моря; бряча Русскимѣ золо-
 шомѣ, поюшѣ время Бусово, славяшѣ мщеніе
 Шураканово; а мы, *твоя* дружина, хошимѣ еще
 веселья!“ Тогда великій Князь, Свяшославѣ вы-
 ронилѣ золошое слово, св слезами смѣшенное,
 и молвилѣ: „о мои племянники, Игорь и Все-

везьскую землю мези цвѣлтии ¹¹⁴, а себѣ славы
 искати; нѣ негестно одолѣста, негестно бо кровь
 поганцю проліяста. Ваю храбрая сердца въ же-
 стоцѣмъ харалузѣ сѣкована, а въ бцести зака-
 лена; се ли сѣтвориста моеи сребренѣи сѣдинѣ?
 А цже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и
 многовои брата моего, Ярослава сѣ Чьрнигов-
 скими былями ¹¹⁵, сѣ Моцуты, и сѣ Татра-
 ны, и сѣ Шельбиры, и сѣ Топзакы, и сѣ Ревцы, и
 сѣ Ольберы ¹¹⁶. Ти бо безѣ щитовѣ сѣ заса-
 пожныкы кликомѣ пѣлкы побѣждають, звонати въ
 прадѣдную славу; нѣ рекосте: „мужаимся са-
 ми! преднюю славу сами похитимѣ, а заднюю
 ся сами подѣлимѣ.“ А ти диво ся, братіе, ста-
 рцу помолодити? коли соколѣ въ мытехѣ ¹¹⁷
 бываетъ, высоко птиць вѣзѣбываетъ, не дастъ
 енѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло: Князи ми не
 пособіе; на ниге ¹¹⁸ ся години обратиша.“ Се
 цу Римѣ ¹¹⁹ кризати подѣ саблями Половегьскы-
 ми ¹²⁰, а Владимірѣ, подѣ ранами; тѣца и
 тоска сынцу Глѣбову ¹²¹. Великій Княже, Всево-
 лode ¹²²! не мыслію ти прелетѣти издалега от-
 ня, злата стола поблюсти; ты бо можеши Вѣл-
 ецу веслы раскропити, а Донѣ шелома выльяти.
 Аже бы ты былѣ, то была бы тага по ногатѣ,
 а кощей по рѣзанѣ ¹²³; ты бо можеши посуху
 живыми шерешыры ¹²⁴ стрѣляти, удалыми
 сыны Глѣбовы ¹²⁵. Ты, бѣи Рюриге и Давиде!
 не ваю ли злагеная шелома по крови плаваша?

володѣ! рано начали Половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искашь; но худо одолѣли, худо кровь нечистую пролили. Ваши храбрыя сердца извѣ жоспкаго булаша скованы, и въ мужествѣ закалены; чшо *вы* сдѣлали съ моей серебряной сѣдиной? Уже не вижу власи сильнаго, и богатаго, и многорашнаго брата моего, Ярослава съ Черниговскими *Ковчями*, съ Могушами, и съ Тапранами, и съ Шельбирами, и съ Топчаками, и съ Ревугами, и съ Ольберами. Сии безщиповѣ съ засапожниками (родѣ кинжаловѣ) крикомѣ полки побѣждаютъ, звоня въ прадедовскую славу (идучи по слѣдамѣ славныхѣ прадедовѣ); но сказали: „спанемѣ мужашься! приобрѣтемѣ сами славу въ попомствѣ, а слава предковѣ не естъ еще наша.“ А развѣ диво, братья, спарому помолодѣшь? когда соколѣ линяешъ, высоко пшицѣ гонитъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но по худо: Князья мнѣ не пособіе; години наничъ выворопились (все вверъхѣ дномѣ оборопилось).“ Вошъ у Римѣ кричатъ подѣ саблями Половецкими, а Владиміръ подѣ ранами; горе и шоска сыну Глѣбову. Великій, Князь Всеволодѣ! мыслью не перелешъ шебѣ издалека для охраненія опцовскаго, золошаго престола; шы можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донѣ шлемами вылишь. Когда бы шы былъ *здѣсь*, по *пльнныя*, *Половецкія* жены продавались бы по ногашѣ, а опроки *ихъ* по рѣзанѣ; шы можешь посуху живыми шереширами спрѣляшь, удалыми сынами Глѣбовыми. Мужеспвенной Рюрикѣ и Давидѣ! не ваши ли позолоченые шлемы по крови плавали? не ваша

не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы
 тури, ранены саблями калеными, на полѣ не-
 знаемѣ? Вступита, Господина, въ злата стре-
 мя за обиду сего времени, за землю Русь-
 скую, за раны Игоревы, бжего Святъславлига!
 Галигъскый Осмомысле, Ярославѣ ¹²⁶! высоко
 сбдиши на своемѣ златокованнѣмѣ столѣ,
 подперѣ горы Цгорьскыя своими желѣзными
 пѣлкы, заступивѣ Королеви путь, затворивѣ
 Дунаю ворота, мезя бремены грезѣ облакы,
 суды рядя до Дуная; грозы твоя по землямѣ
 текутъ, отѣтворяеши Киеву врата, стрѣляе-
 ши сѣ отня, злата стола Салтани за земля-
 ми. Стрѣлай, Господине, Конзакъ, поганого Гза-
 ка ¹²⁷ за землю Русьскую, за раны Игоревы, бжего
 Святъславлига! А ты, буй Романѣ ¹²⁸ и Мъсти-
 славе ¹²⁹! храбрая мысль носитъ васѣ, цмѣ на дѣ-
 ло; высоко плаваеши на дѣло въ бцести, яко со-
 колѣ на вѣтрехѣ ширяеся, хотя птицю въ буй-
 стѣ одолѣти. Суть бо ц ваю желѣзныи напор-
 зи ¹³⁰ подѣ шелома Латинскыма; тѣма треску
 земля и многы страны хинови. Литва, Ятвязи,
 Деремела и Половци сѣлицы свои повѣргоша, а
 главы своя поклониша подѣ тыи мези хара-
 лужныи ¹³¹. Нѣ цже, Княже Игорю, цтърнѣ сѣли-
 цю свѣтѣ ¹³², а древо не бологомѣ листвѣе сро-
 ни; по Руси, по Сѣлѣ грады подѣблиша ¹³³, а
 Игоревъ, храбраго пѣлку не кресити. Донѣ ти,
 Княже, клигеть, и зоветъ Князи на побѣду;

ли храбрая дружина рыкаешъ, какъ шуры, раненые саблями калеными, на полѣ незнаемомъ? Вспушише, Государи, въ золошые спремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Свяшославовича! Галицкой Осмомыслъ, Ярославъ! высоко сидишь ты на своемъ золошокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, засшупивъ Королю дорогу, зашворивъ Дунаю вороша, бросаая пягосши черезъ облака, господсшвуя до Дуная; спрашно имя швое по всей землѣ, опшворяешъ Киеву вороша, спрѣляешъ сѣ опщовскаго, золошаго престола въ Сулпановѣ земель дальнихъ. Спрѣляй, Государь, въ Кончача, въ нечисшаго Гзака за землю Русскую, за раны Игоревы, мужешшвеннаго Свяшославовича! А пы, мужешшвенной Романъ и Мспиславъ! храбрая мысль спремешъ васъ на умной (славной) подвигъ; высоко возносишья пы на мужешшвенной подвигъ, какъ соколъ на вѣспрахъ ширяясь, хощя *всякую* пшщцу въ спремении одолѣшь. У васъ желѣзные нагрудники подѣ шлемами Лашинскими; имени вашего славою полна земля и многія владѣнія ханскія. Липва, Япвяги, Деремела и Половцы копья свои побросали, а головы свои подклонили подѣ шѣ мечи булашные. Но уже, Князь, Игорь, *для тебя* солнце не свѣшшшъ, и дерево не къ добру лисшья сронило; по Роси, по Сулѣ города подѣмили, и Игорева храбраго войска не воскресишь. Донѣ шбя, Князь, кличешъ и зовешъ Князей на побѣду; Ольговичи, храбрые

Ольговичи, храбрии Князи, достѣли на брань. Инѣварь, и Всеволодѣ, и вси три Мьстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрильци! не побѣдными ли жребіи собѣ власти расѣхытисте? кое ваши златыи шеломы, и сѣдищи Ляцьскыи, и щиты? загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русьскую, за раны Игоревы, бѣго Святѣславля. Уже бо Сула не тегеть сребренными струями къ граду Переяславлю ¹³⁴, и Двина болотомѣ тегеть онымѣ грознымѣ Пологаномѣ подѣ кликомѣ поганыхъ ¹³⁵. Единѣ же Изяславѣ ¹³⁶, сынѣ Васильковѣ, позвони своими острыми мегѣ о шеломы Литовьскыя, притрепа славу дѣду своему, Всеславу; а самѣ подѣ гърлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ Литовьскыи мегѣ, и сѣхыти ю ¹³⁷ на кровать, и рекѣ: „дружинцу твою, Княже, птицѣ крылы пріодѣша; а зѣбри кровь полизаша!“ Не бысть тѣ брата Брягьслава, ни другаго Всеволода; единѣ же изрони женьгюжну душу изѣ храбра тѣла грезѣ злато ожереліе. Уныли голоси, пониге веселіе, трубы трубятъ Городеньскыя ¹³⁸. Ярославѣ ¹³⁹ и вси внуци Всеслави! уже понизить стязи свои, вонзить свои мегѣ верже ни; уже бо выскогисте изѣ дѣдней славы ¹⁴⁰. Вы бо своими крамолами нагасте наводити поганья на землю Русьскую, на жизнь Всеславлю ¹⁴¹; которое бо баше насиліе отѣ земли Половегьскыя? На седьмомѣ вѣцѣ Трояни вѣрже Все-славѣ жребій о дѣвицу себѣ любу ¹⁴²; тѣй клю-

Князья, поспѣли на войну. Ингварь, и Всеволодъ, и всѣ при Мстиславичи, нехудаго гнѣзда шестюкрильцы! не побѣдами ли *вы* приобрѣли себѣ могущество? къ чему вамъ золотые шлемы, и щипы, и конья Польскія? загородите въ поле вороша своими оспрыми спрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, мужеспвеннаго Свяшославовича. Уже Сула не печешъ серебряными спруями къ городу Переяславлю, и Двина болопомъ печешъ къ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ крикомъ нечиспыхъ. Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими оспрыми мечами о шлемы Липовскіе, припрелалъ славу дѣду своему, Всеславу (презошелъ его славой); а самъ подъ багрянными щипами на кровавой правѣ припрепанъ Липовскими мечами, и на *смертной* пошелъ восхипилъ ее (славу), и сказалъ: „дружину швою, Князь, пшищъ крылья одѣли; а звѣри кровь полизали!“ Не было шупъ брата *его* Брючислава, ни другаго брата, Всеволода, одинъ же выронилъ жемчужную *свою* душу изъ храбраго шѣла черезъ золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселіе, шрубы шрубяшъ Городенскія. Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! уже понизите знамена свои, вложите въ *ножны* мечи свои поврежденные; уже выскочили *вы* изъ дѣдовской славы (совсѣмъ непохожи спали на славнаго дѣда). Вы своими враждами начали наводитъ нечиспыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславоу; какое было насилье отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Траяновомъ бросилъ Всеславъ жеребей о милыхъ ему дѣвицахъ

ками ¹⁴³ подѣпърся о кони, и скози къ граду Києву, и дотгся стружіемъ злата стола Києвскаго ¹⁴⁴. Скози отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пѣлвоги изъ Бѣлаграда ¹⁴⁵, обѣсися синѣ мѣлѣ; цтрѣ же вонзи струкѹсы ¹⁴⁶, отѣтвори врата Новѹграду ¹⁴⁷, разѣшибе славу Изяславу ¹⁴⁸, скози вѣлкомъ до Немизи съ Дудѹтокѣ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять гени харалѹжными, на тоцѣ животѣ кладѹть, вѣють дѹшу отѣ тѣла; Немизѣ кровава брезѣ небологомъ ¹⁴⁹ бѣста посѣяна, посѣяна костями Рѹсѣскихъ сыновѣ. Всеславѣ Князь людянѣ судяше, Княземъ грады рядяше; а самѣ въ ногѣ вѣлкомъ рискаше, изъ Києва дорискаше до кѹрѣ Тѣмѹтороканя ¹⁵⁰, великому Хрѣсови ¹⁵¹ вѣлкомъ пѹть прерискаше. Тому въ Полотскѣ позвониша зацѹтренюю рано ц Святѹю Софію въ колоколы; а онѣ въ Києвѣ звонѣ слыша. Аще и вѣща дѹша въ друзѣ тѣлѣ, нѣ гасто бѣды страдаше; тому ¹⁵² вѣщій Боянѣ и первое припѣкѹ смысленый рече: „ни хытру ни гораздѹ, ни птицею гсраздѹ суда Божія не минути.“ О! стонати Рѹсѣской земли, помянѹше пѣрвѹю годинѹ и пѣрвыхъ Князей: того стараго Владиміра не лѣзѣ бѣ привоздити къ горамъ Києвскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рѹриковы, а друзіи Давидовы; нѣ рози нося имѣ, хоботы пашѹть; копія ¹⁵⁴ поють на Дунаи.

клюками подпершись, *сблѣ* онѣ на коней, и поскакалъ къ городу Кіеву, и дошкнулъ всеоружіемъ до золотого престола Кіевскаго. Побѣжалъ отъ нихъ (отъ Кіевлянъ) лютымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлгорода, завѣсившись синимъ шуманомъ; по упру же вонзилъ спрыкусы, ошворилъ вороша Новугорода (великому), разшибъ славу Изяславу, побѣжалъ волкомъ съ Неменя до Дудушокъ. На Немень головы спелюшъ, какъ снопы, молошяшъ цѣпами булашными, на *кровоавой* ладонѣ (мѣсто, гдѣ молошяшъ) жизнь кладушъ, вѣютъ душу ошътѣла; Неменя кровавые берега не добромъ были посѣяны, посѣяны косями сыновъ Русскихъ. Всеславъ Князь людей судилъ, Князьямъ города раздавалъ; а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ, изъ Кіева послѣвалъ до *пѣнія* пѣшуховъ въ Тьмушорокань. Ему въ Помошкѣ рано позвонили къ зашреннѣ у Свяшой Софіи; а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хошя иной челоувѣкъ и *благоразуменъ*, *каковъ былъ Всеславъ*; однакожъ онъ часто бѣдами страдалъ. Ему *то* мудрой, смыленной Боянъ съ начала *сей* припѣвъ сказалъ: „никакому хипрецу, ни искуснику, ни шакому искуснику, кошорой, какъ ппица лепашъ, суда Божія не миновашъ.“ О! спонашъ Русской землѣ, вспомянувъ первыя времена и первыхъ Князей: того древняго Владимира не лзя было пригвоздитъ къ горамъ Кіевскимъ; нынѣ знамена его спали *одни* Рюриковы, а другіе Давидовы; но враги ихъ, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, пашушъ *на нихъ*; оружіе *ихъ* славится на Дунаѣ.

Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею ¹⁵⁵,
 незнаемъ рано кызеть: „полетю, рече, зегзицею
 по Донови ¹⁵⁶, омогю бобраиъ рѣкавъ въ Каалъ
 рѣцѣ, цтру Князю кровавья его раны на же-
 стоцѣмъ его тѣлѣ.“ Ярославна рано плазеть
 въ Путивль на забралъ, аркузи: „о вѣтре,
 вѣтрило! тѣмъ, господине, насильно вѣщи? тѣ-
 мъ мыгѣши хиновскыя стрѣлки на своєю не-
 трудною крильцю на моя лады вои? мало ли ти
 бѣше горъ подъ облакы вѣяти, лелѣюги корабли
 на синѣ морѣ? тѣмъ, господине, мое веселіе по
 ковылію развѣя?“ Ярославна рано плазеть
 Путивлю городу на заборолъ, аркузи: „о Днѣ-
 пре словутицю ¹⁵⁷! ты пробилъ еси каменныя
 горы сквозѣ землю Половезьскую, ты лелѣ-
 ялъ еси на себѣ Святѣславли насады ¹⁵⁸ до
 пѣлку Кобякова; възвлелѣи, господине, мою
 ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ немъ слезъ на
 море рано!“ Ярославна рано плазеть въ Пу-
 тивль на забралъ, аркузи: „свѣтлое и тре-
 свѣтлое сѣлнце! всѣмъ тепло и красно еси; тѣ-
 мъ, господине, простре горягюю своєю лѣгю на
 ладъ вои, въ полѣ безвѣводнѣ жаждею имъ лѣци
 сѣпряже, тѣгою имъ тѣли затѣ?“

Прыснѣ море полцнощи, идѣтъ сморци ¹⁵⁹
 мѣглами; Игореву Князю Богъ путь казеть
 изъ земли Половезьской на землю Русьскую къ
 отню, злату столу. Погасоша ветеру зари;
 Игорь не ¹⁶⁰ спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мы-
 слію поля мѣрить отъ великаго Дону до ма-

Ярославниѣ голосѣ слышишя; одна, какъ *горемышная* кукушка, рано кличешъ (причишаешъ) она: „полечу кукушкой къ Дону, омочу бобровой рукавѣ въ Каялѣ рѣкѣ, ушру Князю кровавыя его раны на жоспкомѣ его шѣлѣ.“ Ярославна рано плачешъ въ Пупивлѣ на городской стѣнѣ, причишая: „о вѣшерѣ, вѣшерѣ! къ чему, государь, сильно дуешь? къ чему мчишь ханскія стрѣлки своими легкими крыльями на воиновѣ моего мужа? мало ли шебѣ было горѣ подѣ облаками душѣ, лелѣя корабли на синемѣ морѣ? къ чему, государь, мое веселье поковыли (родѣ спенной правы) развѣялѣ?“ Ярославна рано плачешъ на городской стѣнѣ Пупивля, причишая: „о Днѣпрѣ пресловушой! пы пробилѣ каменные горы сквозѣ землю Половецкую, пы лелѣялѣ на себѣ суда Свяшославовы до войска Кобякова; взмелѣй *на себѣ*, государь, моего мужа ко мнѣ, дабы не посылала къ нему слезѣ на море рано!“ Ярославна рано плачешъ въ Пупивлѣ на городской стѣнѣ, причишая: „свѣшное и пресвѣшное солнце! пы всѣмѣ шепло и красно; къ чему, государь, просшерло горячій свой лучъ на воиновѣ моего мужа, въ полѣ безводномѣ жаждою имѣлуки свело, горесшью имѣ колчаны зашкнуло?“

Хлынуло море въ полуночи, находяшѣ сумерьки подобно шуману; Князю Игорю Богѣ дорогу кажешъ изѣ земли Половецкой въ землю Русскую, къ опщовскому, золошому пресполу. Погасли въ вечеру зари; Игорь не спитѣ, Игорь бодрешуешѣ, Игорь въ мысляхѣ поля мѣрешѣ

лаго Донця. Комонь въ полуноги; Овлуръ ¹⁶¹ свисну зарѣкою, велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть; кликну, стукну земля, въ шумѣ трава. Вежи ся Половетьскыя подвизаша; а Игорь Князь поскоги горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣржеса на бѣрзѣ комонь, и скоги съ него, и босымъ вѣлкомъ потеге къ лицу Донця, и полетѣ соколомъ подѣ мѣлами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вѣлкомъ потеге, трѣся собою студенцу росу; претѣреоста бо своя бѣрзая комоня. Донецъ реге: „Княже, Игорю! не мало ти величія, а Конзаку нелюбія, а Русьской земли веселія.“ Игорь реге: „о Донце! не мало ти величія, лелѣвшу Князя на вѣлнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣлами подѣ сѣнію зелену древу; стрѣжаше е гоголемъ на водѣ, тайцами на струяхъ, гѣрнядѣми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, реге, рѣка Стѣгна, худу струю имѣя, пожрши гюжи рѣгѣи, и стругѣ расѣстре на кусту? Уношу, Князю, Ростиславцу затвори Днѣпръ темна березѣ; плагется мати Ростиславля по цѣоши, Князи, Ростиславѣ ¹⁶², цѣнѣша цѣбты жалобою, и древо еѣ тѣгою къ земли преклонилось.“ А не сорокы вѣтроскотоша, на

опѣ великаго Дону до малаго Донца. *Для побѣга Игорю готовѣ конь въ полночь; Лаверь свиснулѣ за рѣкой, да ешѣ знашѣ Князю. Князю Игорю не бышѣ въ плѣнѣ; кликнула, спукнула земля, зашумѣла шрава. Телеги Половецкiя двинулись, и Игорь Князь побѣжалѣ горноспаемѣ къ шроспнику, поплылѣ бѣлымѣ гоголемѣ (родѣ ушки) по водѣ, бросилѣ на лихаго коня, сскачилѣ съ него, и босымѣ волкомѣ побѣжалѣ къ лугу Донца, и полешѣлѣ соколѣмѣ подѣ шуманами, избивая гусей и лебедей на завшракѣ, обѣдѣ и ужинѣ. Когда Игорь соколѣмѣ полешѣлѣ, то Лаверь волкомѣ побѣжалѣ, опряхивая съ себя спуденую росу; надорвали своихѣ лихихѣ коней. Донецѣ сказалѣ: „Князь, Игорь! не мало для шебя славы, для Кончака досады; а для Русской земли веселья.“ Игорь отвѣчалѣ: „о Донецѣ! не мало и для шебя славы; шы лелѣялѣ Князя на волнахѣ, сплалѣ ему зеленую праву на своихѣ серебряныхѣ берегахѣ, одѣвалѣ его шеплыми шуманами подѣ сѣнiю зеленого дерева, сперегѣ его гоголемѣ на водѣ, чайками (родѣ рыболова) на спруяхѣ, и чернышами (родѣ ушки) на вѣшрахѣ. Такова ли, примолвилѣ онѣ, рѣка Спугна, имѣющая дурную спрую (быспрое печенiе), пожирающая чужiе ручьи, и разбивающая спруги (родѣ судовѣ) о кусшы? Юношѣ, Князю, Роспиславу затворилѣ Днѣпрѣ шемные (лѣсомѣ поросшiе) берега свои; плачешя машь Роспиславова по юношѣ, Князѣ, Роспиславѣ; уныли цвѣшы опѣ плача, и дерево съ горя къ землѣ наклонилѣ.“ А не сороки за-*

слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Конзакомъ; тогда врани не грааху, галици помѣлкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша ¹⁶³ только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, солови веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Мѣлвитъ Гзакъ Конзаку: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколигя ¹⁶⁴ расѣстрѣляема своими златеными стрѣлами.“ Рече Конзакъ ко Гзѣ: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а нѣ соколыца опутаема ¹⁶⁵ красною дѣвицею.“ И рече Гзакъ къ Конзаку: „аще его опутаема красною дѣвицею, ни нама будетъ соколыца, ни нама красныя дѣвици, то погнутъ наю птици бити въ полѣ Половетьскомъ.“

Рекъ Боянъ и ходы на Коганя, пѣсньтворца стараго времени Ярославля, Святъславля, Ольгова ¹⁶⁶: „тяжко ти головѣ кромѣ плетю! зло ти тѣлу кромѣ головы!“ Русьской земли безъ Игоря ¹⁶⁷; свѣнце свѣтитъ на небесѣ, Игорь Князь въ Русьской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоса грезѣ море до Києва. Игорь ѣдетъ по Боричеву ¹⁶⁸ къ святѣй Богородици, Пирогощѣй ¹⁶⁹; страны ради, гради весели, пѣше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлигю, бую турц, Всеволоду ¹⁷⁰, Владиміру Игоресигю ¹⁷¹; здрави Князи и дружина, побарая за Христьяны на поганыйя пѣлки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

спрекопали, по слѣдамъ Игоревымъ вѣздятъ Гзакъ съ Кончакомъ; тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не спрекопали, полько *въ лѣсу* по деревьямъ бѣгали дятлы, долбленьемъ дорогу къ рѣкѣ показывающъ, соловьи веселыми пѣснями свѣшъ возвѣщаютъ. Молвитъ Гзакъ Кончаку: „ежели соколъ ко гнѣзду лепишъ, то соколенка разспрѣляемъ своими позолочеными спрѣлами.“ Сказалъ Кончакъ Гзаку: „ежели соколъ ко гнѣзду лепишъ, то мы соколенка опускаемъ прекрасной дѣвицей.“ *На сіе* ошвѣчалъ Гзакъ Кончаку: „ежели его опускаемъ прекрасной дѣвицей, то у насъ не будетъ ни соколенка, ни прекрасной дѣвицы, и начнутъ насъ пшпцы бить въ степи Половецкой.“

Воспѣлъ Боянъ и походы на Кагана, пѣснопворецъ древняго времени Ярославова, Свято-славова, и Олегова, *воспѣлъ*: „*пшжело быть шебѣ* головѣ безъ плечъ! худо *быть шебѣ шѣлу* безъ головы!“ Русской землѣ безъ Игоря; солнце свѣшпшся на небѣ, Игорь Князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поющъ на Дунаѣ; голоса *ихъ* вьюшся черезъ море (Черное) до Кіева. Игорь вѣдетъ по Боричеву къ Свяшой Богородицѣ, Пирогощей; земля *Русская* радуешся, города веселяшся, пѣвши пѣсню старымъ Князьямъ, а попомъ молодымъ. Слава Игорю Святославовичу! Слава сильному шуру, Всеволоду! Слава Владиміру Игоревичу! Да здравспвуютъ Князья и дружина, воюя за Христіанъ прошивъ нечиспыхъ. Слава Князьямъ и дружинѣ!

ПѢСНЬ ВОИНСТВУ ИГОРЕВУ.

*Древни подвиги! воскресните;
Были мрачныя минувшихъ лѣтъ!
Озаритесь пѣснопѣнїемъ.*

О С С І А Н Ъ.

Не воспѣшь ли, милы брѣшіе, любѣзные,
Мѣрой древней, заунывной не воспѣшь ли намъ
О псходѣ на Половцовъ Князя, Игоря,
О походѣ неудачномъ Свяшославлича?
Повѣсть, жалосши досшойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою;
Вѣщій Бардъ онъ пѣшь когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу расшекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ,
Зоркимъ, спзымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки;
Помнилъ рѣчь временъ минувшихъ, и пускалъ тогда
Десять соколовъ на сшадо лебединое.
Дошекалъ кошорый соколъ, младъ, ясецъ соколъ,
Ту и пѣлъ онъ прежде пѣсню: либо старому
Ярославу, намъ законы мудры давшему;
Либо храброму Мстиславу, поразившему
Предъ Касожскими полями Редедю сильнаго;
Либо красному Роману Свяшославличу.
А внукъ Велесовъ не десять ясныхъ соколовъ
Напускалъ на бѣло сшадо, лебединое;
На живы сшруны онъ вѣщи персшы вскладывалъ,
Сшруны сами рокошали похвалу Князьямъ.

А почнемъ мы пѣснь ошѣ сшараго Владимира,
 Пѣснь обѣ Игорѣ, о храбромѣ Свяшославичѣ,
 Чшо полки навелѣ на землю Половецкую
 За обиду и за раны земли Русскія,
 Духа рашнаго исполнившисъ навелѣ онѣ ихѣ,
 Успремилѣ свои всѣ мысли онѣ на подвигѣ сей.
 Игорь, Князь шогда возрѣлѣ на солнце свѣшное;
 Прикрывало оно шьмою всѣ полки его.
 „О дружино моя храбрая, рекѣ Игорь Князь,
 Лучше всѣмѣ не бышѣ живымѣ намѣ, чѣмѣ плененымѣ!
 Мы на борзы кони всядемѣ, позримѣ Дону мы.“
 Захотѣлѣ ошвѣдашѣ Игорь Дону синяго,
 Пренебрегѣ онѣ ошѣ решива сердца знаменье.
 „Приломишѣ копье хочу я, рекѣ дружинѣ онѣ,
 По конецѣ, хочу я, поля Половецкаго;
 Приложу свою главу я сѣ вами, брашье,
 Либо шлемомѣ изопью я Дону синяго!“
 О Боянѣ! о соловей минувша времени!
 Соловьемѣ шы щекошалѣ буйшуровѣ подвиги,
 Ты подѣ облаки парилѣ воображеніемѣ
 (*Не дошелѣ до позднихѣ внуковѣ ты, божественный,
 Время стерло твои пѣсни сѣ хартій древности;
 Но ты дышешѣ вѣ пѣсни звучной войску Игоря,
 И мы внемлемѣ рокотанье струнѣ живыхѣ твоихѣ!*);
 Пѣши Игорю шебѣ бы сладку, звучну пѣснь,
 Какѣ воспѣлѣ шы мрачны были сшарины сѣдой,
 По дорогѣ волкомѣ рыская Траяновой.
 Черезѣ доли занесла не буря соколы,
 Кѣ Дону жѣ синему бѣжашѣ сшадями галицы
 (Вспѣшѣ шебѣ было, Бояне, внуче Велесовѣ!).
 Ржушѣ и шопаяшѣ за Сулой кони борзые,
 О походѣ слава вѣ Кіевѣ давно звенишѣ,
 Трубы шрубяшѣ вѣ Новѣградѣ повоинскому,
 Во Пушивлѣ же знамена развѣвающа;

Мила браша, Всеволода Игорь два дни ³² ждешь.
 И речешь ему, буйшурю Всеволодъ, яръ шуръ:
 „У меня единъ ты, браше, свѣшлый свѣшъ единъ!
 Только двое насъ съ шобою Свяшославличей.
 Кони борзые сѣдлай скорѣе, Игорю,
 А мои сшояшъ у Курска ужъ осѣдланы!
 А мои Куряне, кмеша храбры, свѣдомы;
 Подъ военною грозою они повишы,
 Подъ желѣзными шеломы возмелѣяны,
 Съ жешка, оштра харалуга копій вскормлены;
 Къ Дону синему пуши, яруги знаемы.
 Лукъ нашянушъ у буйшуровъ завсегда шугій;
 Тулъ ошворенъ, полный вѣчно смершносныхъ шпрѣлъ;
 Сабля длинная, каеная изосшрена;
 Сами скачушъ, какъ голодны волки, сѣрые,
 Ищушъ въ полѣ Князю славы, похвалы себѣ.“
 Игорь Князь шогда всшупаешъ во злашый шпремень,
 На конѣ онъ борзомъ ѣдешъ по чисту полю,
 Солнце шьмою засшупаешъ Князю къ славѣ пушь.
 Сшонешъ шемна ночь грозой ему, и будишъ шищъ;
 Воюшъ звѣри, чу шпадами воюшъ цѣлыми;
 Сверху древа грозно кличешъ дивъ, зловѣщій дивъ;
 Онъ велишъ земли послушани незнаемой,
 Волгѣ, Сурожу, Корсуню, и Поморію,
 И шебѣ, Тьмушороканскій иштуканъ глухій!
 А Половцы правяшъ къ Дону пушь великому;
 Какъ распушценные лебеди скликаюшя,
 Такъ въ полувочи скрыпяшъ шяжелы возы ихъ.
 Игорь шакже полкъ ведешъ свой къ Дону синему;
 Но бѣды ему вѣщаюшъ шищы вѣщія,
 Грозно воюшъ по яругамъ волки сѣрые,
 Звѣри хищныя сѣбѣгаюшя на клекш орловъ,
 На щипы лисицы брешушъ, на червленые.
 Ты уже за шеломянемъ, земле Русская!

Меркнешь шемна ночь, и свѣшлый свѣшъ зари запалъ,
 Мгла густая покрываешъ всѣ поля кругомъ,
 Сладкій щекотъ соловьиный по кустамъ заснулъ,
 Безумолный говоръ галичь просыпаешся.
 Вошъ червлеными щипами заградился полкъ;
 Такъ онъ ищешъ Князю славы, похвалы себѣ.

Рано въ пашницу враговъ узрѣли Русичи;
 Пошопшали Половецкіе полки они,
 И рассыпавшись сшрѣлами по числѣ полю,
 Въ плѣнъ помчали красны дѣвы, Половецкія,
 Злашо, бархашы и шванн драгоцѣнныя;
 Епанчами жъ, узорочьями ихъ всякими
 По болошамъ, попямя начали мосшы мосшишь.
 Князю Игорю досшалось знамя бѣлое,
 Сшягъ червленый, чолка, сребренное сшружіе.
 Дремлешъ въ полѣ шы, Олега гнѣздо храброе,
 Ахъ, далече залешѣло отъ своей земли!
 Ты отъ пшицѣ шерпѣшь обиды не родилося;
 Ни младому, ясну соколу, ни вречешу
 Ты, гнѣздо, въ свой вѣкѣ еще не поддавалося,
 Ни шебѣ, поганый, черный вранъ, Половчине!
 Сѣрымъ волкомъ Гзакъ бѣжшвъ широкой шепію,
 Правшвъ слѣдѣ ему Кончакъ ко Дону синему.

По ушру кровавы зори свѣшъ повѣдаюшъ;
 Какъ ночь шемна, идушъ съ моря шучи черныя,
 И хошашъ прикршшь чешыре солнца свѣшлыя;
 Сини молніи шрепешушъ въ черныхъ шучахъ шѣхъ.
 Быши грому, быши шрепешу великому,
 И ишши дождю сшрѣлами съ Дону сняго:
 Тушъ шо копямя на Каялѣ приламашися;
 Тушъ шо саблямъ изосшренымъ, саблямъ Русичей,
 О шеломы Половецки пошручашися.

Ты уже за шеломянемъ, земле Русская!
 Се на храбрую дружину Свяшославлича
 Съ моря синяго сшрѣлами вѣшѣ буйный вѣшрѣ,
 Внука Сшрибожа чу шумишѣ враговѣ знаменами.
 Топошѣ коней, шопошѣ борзыхъ, полемѣ слышшися;
 Гѣни мушны, пылъ гуспая помрачаешѣ даль.
 Се ошѣ Дона, се ошѣ моря, се ошѣ всѣхъ сторовѣ
 Хищны варвары, Половцы показалися;
 Храбрыхъ Русскихъ обешупили дѣши бѣсовы,
 Долѣ широкій огласидѣ громкимъ кликомъ ихъ.
 Огражденье изѣ щисовѣ шворишѣ полѣ Игоревѣ;
 Ты, ярѣ шуре, Всеволоде, боронишѣ его!
 Ты сшрѣлами на поганы вои прыщеши,
 Харалужными мечи о шлемы гремлеши.
 Камо, шурѣ, шы ни коскочишѣ, шамо падшихъ рядѣ;
 Гдѣ зланымъ своимъ шеломомъ ни посѣвшишѣ шы,
 Тамѣ лежашѣ главы поганы, Половецкiя.
 И Аварскiе шеломы ихъ поскепаны
 Ошѣ шебя, шурѣ, Всеволоде, ошпрой саблюю!
 О, какиа ему раны, брашье, дороги!
 Онѣ ошавилѣ нѣгу, почеши, веселу жизнь,
 Градѣ Черниговѣ и зланыи прешолѣ, ошеческiй;
 Онѣ ошавилѣ милу ладу⁸¹, красну Глѣбовну,
 Ея нѣжныя заботы, шихiй нравѣ ея.
 Были сѣчи грозны нѣкогда Траяновы,
 Миновали дѣша славы Ярославовой,
 Прощекли междуусобiя Олеговы;
 Свяшославличѣ онѣ крамолу вѣвѣ мечемѣ ковалѣ,
 Засѣвая всю сшрѣлами землю Русскую,
 Прыща ими со шшала Тьмушороканскаго.
 Ярославѣ охошно кѣ брашу преклонялѣ свой слухѣ,
 А Владимiрѣ крѣпко уши зашыкалѣ свои;
 Вячеславлича же слава привела на судѣ,
 Положила на пошону его конскую

За обиду Ольга, храбра и млада Князя.
 Святополкъ съ шоя жь Каялы шбло взялъ опца,
 Взялъ по сѣчѣ ко Свяшой Софїи, Кїевской.
 Зло сильнѣе возрасшало межусобное,
 Возрасшало при Олегѣ Гориславичѣ;
 Погибала ни за что жизнь внука Дажьбожа.
 Въ шѣхъ крамолахъ княжихъ людѣмъ сокращились дни ;
 Рѣдко рашая веселый раздавался гласъ,
 Врановѣ карканье на шрупахъ всюду слышалось,
 Или галицы одни перекликалися,
 На обильный пиръ лешѣшь собираясь шучами.
 Но и въ шѣ не слышно было раши дни шакой;
 Съ свѣшомъ до ночи, и съ ночи до свѣшла свѣта,
 Свищущѣ спрѣлы, свищущѣ часшыя, каленыя,
 О шеломы гремлющѣ сабли изосшреныя,
 Съ шрескомъ копыи харалужны сокрушающѣся,
 Брани громъ гремищѣ въ раздолїи невѣдомомъ,
 Посреди земли далекой Половецїя.
 Черной кровїю суха земля вся поляна,
 Подъ копышами коней кошьми посѣяна;
 Сильный врагъ одолѣваещѣ храбрыхъ Русичей.
 Чшо шумищѣ миѣ? предѣ зорями рано чшо звенищѣ?
 Игорь Князь заворочаещѣ полкъ разсшроенный⁷⁴;
 Жаль ему сердечно браша, Всеволода жаль.
 Бились день они, два бились; а на шрешїй день,
 Пали Игоря знамена предѣ полуднями.
 Тушѣ два браша на Каялѣ разлучилися,
 Тушѣ кроваваго вина пишь не достало имѣ,
 Тушѣ докончили пиръ славно храбры Русичи,
 Попоиши свашы досыша, какѣ водншся,
 Сами въ полѣ полегли за землю Русскую.
 Вошѣ ошѣ жалосши поникла вся шрава въ лугахъ,
 Облились цвѣшы лазоревы росою слезѣ,
 Ошѣ печали преклонилися древа къ земли.

Не веселая година всшала, брашіе,
 Мракъ пусшыни прикрываетъ силу Русскую!
 Всшала въ воинствѣ обида внука Дажьдожа,
 На Траянову всшупила землю дѣвою,
 Лебединными всплескала крылы на морѣ,
 Близко Дону восплескала, близко синяго,
 Пробудила времена вздремавши, шучныя.
 На поганыхъ пересшали Князи рашовашъ,
 Сшали брашу брашъ во малосши завидовашъ,
 На себя ковашъ крамолу сами начали;
 А поганые со всѣхъ споронѣ сѣ побѣдами
 Сшали часто находишь на землю Русскую.
 О, далече зайде соколъ, бѣя пшицѣ у моря!
 Не пресишь полку ужъ храбра, полку Игоря.
 Жля и Карна раззоряютьъ землю Русскую,
 Ушоляютьъ ея жажду росой пламенной;
 Тушъ восплакали злощасныя жены, аркучи:
 „Милыхъ ладъ своихъ ни мыслію намъ смыслиши,
 Ни очами поглядѣшь, ни думой вздумаши;
 А ужъ злаша и серебра не пошрепаши въ вѣкѣ.“
 Кіевъ шонешъ, а Черниговъ, брашье, бѣдешвуетъ!
 Разлилась шоска великая по всей земли,
 Пошекла печаль глубокая средь Русскія.
 А Князья куютьъ крамолу пуще прежняго,
 А поганые по бѣлкѣ емлютьъ дань сѣ двора,
 Раззоряютьъ въ конецъ приходяютьъ землю Русскую
 (Спящу льгошу пробудили Свяшославличи);
 Залѣчилъ ея всѣ раны Свяшославъ было.
 Хищныхъ варваровъ Половцевъ онѣ грозою былъ;
 Укрошилъ было ихъ буйство Всеволодовичъ,
 Пришопшалъ яруги, холмы сильной рашію;
 Ихъ взмушилъ озеры, рѣки, изсушилъ ключи;
 А поганого Кюбьяка ошъ луки моря,
 Изъ среды полковъ желѣзныхъ вихремъ вышоргнулъ,

И ошвелъ во спольный Кіевъ въ полону его.
 Тамъ Моравы, Венедицы, Греки, Нѣмцы шамъ,
 Величаютъ Свяшослава, каютъ Игоря,
 На словушой кшо Каялѣ, быспрой рѣченькѣ,
 Пересѣлъ въ сѣдло кощя изъ злаша сѣдла,
 Кѣмъ въ пуспыни пала многа сила Русская.
 И унынье, какъ осенія ночь, шемная,
 И во гридницахъ, и въ хижинахъ просшерлося,
 И изчезло благоденствіе градовъ и селъ.
 Свяшославъ же, Князь Великій, видѣлъ мушенъ сонъ;
 Онъ разсказывалъ его своимъ Боярамъ такъ:
 „Снилось мнѣ, чшо будшо, съ вечера во Кіевѣ,
 Одѣвали меня черной паполomoю
 На кроватѣ, на шесовой (ужъ не гробъ ли шо?),
 И вино мнѣ подносили, съ ядомъ смѣшено,
 А на лоно жемчугъ крупный (слезы) сышали,
 Самаго жъ меня лелѣяли и нѣжили;
 Ужъ безъ внеса въ злашOVERьхомъ доски шеремѣ.
 А у Пльиска ночь всю вороны прокаркали,
 На болоньи, гдѣ Кисаня дебрь усѣлися;
 Чшобъ зловѣчимъ полешѣши къ морю синему!“
 И рекутъ ему Бояре мудры, Кіевски:
 „Полонила, Княже, шуга умъ Боярѣ швоихъ!
 Се два сокола слешѣли со шшала опшня;
 Захошѣлось поискашъ Тьмушороканя имъ,
 Илъ ищипъ злашымъ шеломомъ Дону синяго.
 Имъ припѣшали Половцы крильца саблями,
 Ноги шушали пушинами желѣзными.
 Въ шрешій день шшолпы погасли два багряные,
 Въ ясный полдень два померкли солнца свѣшлыя,
 Съ ними мѣсяцы младае два зашмилися;
 На рѣкѣ, Каялѣ быспрой, помрачилъ свѣшъ.
 А Половцы, какъ голодно гнѣздо, пардуже,
 По земли просшерлисъ Русской, жгушъ, зоряшъ ее;

Буйства придало ихъ Хану одолѣнье по ;
 Нѣшъ конца опустошеньямъ и насильшвамъ ихъ.
 Сверху древа дивъ злобщій свергся на землю,
 Русскимъ золошомъ звеняшъ дѣвицы Гошскія,
 Моря синяго по берегу вьюшся пѣсни ихъ ;
 Въ нихъ поюшъ месь Шураканю, время Бусово ;
 А для насъ, швоей дружины, нѣшъ веселія !“
 Тушъ злашое Свяшославъ Нязъ слово выронилъ
 (Со слезой оно горючей было смѣшено) :
 „О родные вы мои, о Свяшославличи !
 Раго начали искаши славы въ полѣ вы,
 Раго начали Половцовъ избивашъ мечемъ ;
 Вы нечесно одолѣли, кровь ихъ пролили.
 Въ васъ сердца изъ харалуга жесшка скованы,
 Калены они решивы въ дикой буесши ;
 Ахъ ! что сдѣлали съ моими сѣдинами вы ?
 Гдѣ Черниговски Ковуи, Ярославъ, мой брашъ ?
 Гдѣ союзна изъ Могушовъ и Ташрановъ рашъ ?
 Изъ Шельбировъ и Топчаковъ гдѣ полки швои ?
 Гдѣ Ревуги и Ольберы ? я не вижу ихъ.
 Безъ щиповъ они съ княжалами спремяшся въ бой,
 Кликомъ раши побѣждаюшъ сопрошивныя ,
 Славой предковъ превзойши хошяшъ безстрашныя ;
 „Мы дѣлами будемъ славны, а не предками !“
 Говоряшъ они, и идушъ по слѣдамъ ошцовъ.
 Старикъ помолодѣши, брашье, диво ли ?
 Высоко взбиваешъ соколъ, пшищъ линиячи,
 Не даешъ онъ имъ въ обиду своего гнѣзда.
 То бѣда, что ошъ Нязей не жди пособія ;
 Времена други восшали, измѣнилось все !“
 Се у Римъ кричашъ подъ саблями погаными,
 Володимиръ же чу шонешъ ошъ кровавыхъ ранъ,
 Сыну Глббову шоска, печаль великая.
 Нязъ Великій, Всеволодъ, что не помыслишъ шы

О защитѣ золоша спола, опеческа?
 Раскропишь, буй шурѣ, шы можешь Волгу веслами,
 Довѣ желѣзными шелома можешь выльяхи;
 Ты давно смирилъ бы гордосшь Половецкую,
 По ногашѣ бы ихѣ жены продавалися,
 И ихѣ плѣнны по рѣзани малы дѣщица.
 Ты живыми шерешеры, сыны Глѣбовы,
 Удалыми, можешь посуху сшрѣляши, Князь!
 Ты, буй Гюриче, Давиде! ваши плаваюшѣ
 Во крови враговѣ шелома позлащенные;
 Какѣ израненые саблями калеными
 Скачушѣ шурѣ, вашѣ рыкаешѣ храбрый вѣ полѣ полкѣ.
 Во злашый сшремень вшущише, Князи храбрые,
 За обиду вы вшущише сего времени,
 За плѣнѣ Игоревѣ, за раны Свяшославлича!
 Ярославѣ, Осмомысле хшщрый, Галицый!
 На столѣ сидишь високо злашокованномѣ,
 Подперѣ шы полки своими горы Угорски,
 Засшущилѣ шы Королю пушь, шы прешишь ему;
 До Дуная власшь просшрѣ шы, заперѣ входѣ вѣ него.
 Ты шяжелы мечешь бремены чрезѣ облаки;
 Сшрахи, грозы швои, Княже, по землямѣ шенушѣ,
 Ошворяеши враша шы сшольну Кіеву,
 Ты сшрѣляеши вѣ Салшановѣ земли дальнїя;
 Во врага сшрѣляй Кончана, вѣ Гзава варвара,
 За безчестїе сшрѣляй земли всей Русскїя,
 За плѣнѣ Игоревѣ, за раны Свяшославлича.
 Ты, Романѣ и Мшиславѣ, Князи буїи!
 Вы, какѣ соколы, во буесши ширяешесь;
 Одолѣшь, убишь хошише всяку пшицу вы;
 Вы исполнены опшваги, гордыхѣ замысловѣ;
 У васѣ папорзы желѣзны, шлемы Римскїе;
 Васѣ шренещушѣ земли дальни, сшраны ханскїя;
 Деремела и Яшвяги ваши плѣнницы,

А Половцы и Лишва повергли копїи,
 Подклонили подѣ мечи ваши главы свои.
 Но для Игоря лучи померкли солнечны,
 И не бологомъ сронило древо лишвіе.
 Ужъ по Роси и по Сулѣ дѣляшъ городы;
 И ужъ Игорева, храбра не кресишь полку,
 Слышишь, Княже, кличешъ Донѣ себя, великій Донѣ!
 Онѣ зовешъ васѣ на побѣду, Князи Рускіе!
 И Ольговичи доспѣли на кроваву брань.
 Всеволодѣ, и Ингварь Князь, всѣ шри Мсшиславичи!
 Вы, пернашы шешокрильцы нехуда гнѣзда!
 Не побѣдами ль сшяжали вы могущешво?
 Вамѣ на что жѣ злашы шеломы, Ляцки сулицы?
 Заградите входѣ вы, Князи, во чиснѣ поле,
 Заградите вы спрѣлами смершоносными,
 Ошомсшите за обиду земли Рускія,
 За плѣнѣ Игоревѣ, за раны Свяшославлича.
 Кѣ Переяславлю, подѣ грознымѣ кликомѣ варваровѣ,
 Ужъ не кашивѣ Сула спруй своихѣ серебряныхѣ,
 И Двина шечешъ болошомѣ кѣ древню Полошску.
 Харалужными своими позвонилѣ мечи
 О Лишовскіе шеломы Изяславѣ единѣ;
 Пришрепалѣ онѣ славу дѣду, и пришрепанѣ самѣ,
 Онѣ Лишовскими мечами во чиснѣмѣ полѣ.
 На шравѣ кровавой лежа, и кончаяся,
 Онѣ вѣщалѣ: „ швою дружину прїодѣли, Князь,
 Крылы пшицѣ, и полизали хищны звѣри кровь!“
 Такѣ единый (брашьевѣ не было обѣихѣ шувѣ),
 Такѣ единый, нешмщеный, неоплаканный,
 Изрониѣ изѣ шѣла душу онѣ жемчужную,
 Чрезѣ злашое изрониѣ онѣ ожереліе.
 Гласы смолкли, и веселье помрачилось;
 Трубы шрубашѣ Городенскія, унылыя.
 Ярославѣ и вси Всеславли внуци, буйные!

Днесъ понизише свои знамена гордыя,
 И мечи свои вонзише поврежденные;
 Вамъ ли свѣшлюю сіяши славой дѣдовскою?
 Вы крамслами своими первы начали
 Наводишь на землю Русскую поганые,
 Наводишь на жизнь Всеслава, дѣда вашего;
 Прежде было ли насилье ошв Половцовъ шѣхъ?
 На седьмомъ Траяна вѣкѣ храбрый Князь, Всеславъ
 О любыхъ себѣ дѣвицахъ бросилъ жеребій;
 Подпершись ключами бодро, сѣлъ на кони онъ,
 И помчался вихремъ къ Киеву, и спружіемъ
 Онъ дошнулъ до злата прешола, Киевска.
 Люшымъ звѣремъ поскочилъ онъ изъ Бѣлаграда,
 Поскочилъ въ глухую полночь, мглой одѣвшись,
 Ошворилъ враша спринусами Новуграду,
 Помрачилъ сіянье славы Изяславовой.
 Поскочилъ съ Дудушоръ волкомъ до Немизы онъ;
 Не снопы на шой Немизѣ спелюшв головы,
 Харалужными молошяшв цѣпы ошпрыми,
 На кровавомъ шокѣ вѣюшв духъ ошв шѣла прочь.
 Напились брега Немизы кровью Русскою,
 Напились одѣшы сѣгомъ, льдомъ окованны 149.
 Князь Всеславъ не зналъ покоя, людямъ судъ шворилъ,
 Раздавалъ Князьямъ удѣлы, волкомъ рыскалъ въ ночь,
 Поспѣвалъ въ Тьмушорокань до куръ изъ Киева.
 Позвонили ему въ Полошскѣ къ зашрени,
 А онъ слышалъ звонъ во Киевѣ; шаковъ онъ былъ!
 Но каковъ разумень ни былъ, а ошв бѣдѣ спрадалъ;
 И ему злашу припѣвку вѣщій рекъ Боянъ:
 „Какъ быхипрѣ, гораздѣ кшо ни былъ, первый былъ мудрецъ,
 Хошъ бы пшицею лешалъ кшо по поднебеси;
 Не минуешв онъ однакожъ суда Божія!“
 О, спонаши земли Русской, о, спонаши ей,
 Помянувъ годину первую и Князей первыхъ!

Того стараго Владиміра и въ старости ¹⁸³
 Не лъзя было пригвоздиши къ горамъ Кіевскимъ.
 Отъ раздѣловъ погибаешь, земле Русская,
 Но и шумъ еще шы, машъ буйшуровъ, славнисься,
 Полный славою сыновъ швоихъ Дунай печешъ!

Какъ въ глухомъ бору зегзицынъ, Ярославинъ гласъ
 Рано слышишся въ Пушнвлѣ, на градской шѣвѣ:
 „Полечу, рече, зегзицей къ Дону синему,
 Омочу рукавъ бибряный во Каялѣ я,
 Обошру кровавы раны Князю на шѣлѣ.“
 Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи:
 „Вѣшре, вѣшре! шы чему насильно вѣши?
 Чему мычешъ, господине, сшрѣлки ханскія,
 Мычешъ крыльцами своими шиховѣйными
 На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря?
 Горъ подъ облаки шебѣ не мало вѣяши,
 Корабли лелѣя черны на синѣ морѣ;
 Какъ ковыль мое веселіе развѣялъ шы.“
 Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи:
 „Ты пробилъ, Днѣпре словушичь, горы каменны,
 Ты насквозъ земли пробилъ ихъ Половецкія,
 На себѣ суда лелѣялъ Свяшослави шы;
 Возлелѣй мою шы ладу, возлелѣй ко мнѣ,
 Да не слала бѣ къ нему рано слезъ я на море!“
 Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи:
 „Солнце свѣшлое! шы всѣмъ еси шенло, красно;
 Ты чему просшре лучи свои горячіе
 На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря,
 Луки имъ спряже въ безводнѣ полѣ жаждею,
 За спиной зашче имъ шулы крѣпкой шугою?“

Взволновалось море синее въ полуночи,
 Какъ шуманъ, просшперся сумракъ; Князю Игорю

Богъ пущь кажешь, изъ земли пущь Половецкiя
 Въ землю Рускую къ злашу сполу, ошеческу.
 Свѣшъ зари погасѣ вечерней, Игорьъ Князь не спитъ;
 Мѣришъ мыслию поля онѣ между Донами.
 Борзый конь готовѣ сѣ полночи, ржешъ и шонаешъ,
 Бѣешъ копышомѣ сѣ нешерпѣнья, и грызешъ бразды;
 Вѣрный Овлурѣ за рѣкою свиснулѣ Игорю,
 Разумѣшъ велишъ онѣ Князю, чшо давно пора.
 Кликѣ и шопошъ раздалися, поле сшуннуло,
 Вежи двинулись за Княземъ Половецкiя.
 Поскочилѣ онѣ горносшаемѣ легкимѣ къ шпросшю,
 Бѣлымѣ гоголемѣ онѣ поплылѣ, сѣлѣ на борзый конь,
 И пошекѣ къ Донцу лугами онѣ босымѣ волкомѣ,
 Полешѣлѣ подѣ мглами ушра яснымѣ соколомѣ,
 Избивая гуси, лебеди сшаницами
 На обѣдѣ себѣ, на завшракѣ и на ужину.
 Волкомѣ Влурѣ пошекѣ, спрясаючи росу сѣ себя;
 Надсадили Игорьъ, Влурѣ своихѣ добрыхѣ коней.
 „Княже, Игорю, речешъ ему Донецѣ рѣка,
 Для шебя не мало славы и величiя,
 Для Кончака же досады и нелюбiя;
 А для Русской всей земли веселья, радости!“
 Игорьъ, Князь речешъ въ ошѣшѣ на шо Донцу рѣкѣ,
 „Развѣ мало чесши шакже для шебя, Донецѣ,
 Чшо лелѣялѣ на волнахѣ шы Князя, Игоря,
 Сшлалѣ шраву ему шы мягкую, зеленую,
 Сшлалѣ на сребреныхѣ ему шы берегахѣ своихѣ,
 Одѣвалѣ его шы, Князя мглами шеплыми
 Дрешъ развѣсисшихѣ подѣ сѣнию зеленою,
 Чайной, гоголемѣ сшерегѣ шы на водѣ его,
 А на буйныхѣ, рѣзкихѣ вѣшрахѣ легкой чернядью.
 Сшугна шакѣ рѣка сердишная не дѣлаешъ,
 Разбиваешъ она сшруги о кусшы свои.
 Росшиславу зашворилѣ Дѣврѣ шемны береги;

Горько плачешся по сынѣ Ростиславля машь,
 И ошѣ шуги преклонилися древа къ землѣ,
 И уныли всѣ ошѣ жалобы въ лугахѣ цвѣшны.“
 Не сороки шо шроскочушѣ, ѣздяшѣ Гзакѣ, Кончакѣ,
 По слѣдамѣ они шо ѣздяшѣ Князя, Игоря;
 Смолкѣ шшицѣ говорѣ, шекшомѣ дяшлы кажущѣ пушѣ къ рѣкѣ,
 Соловьѣ веселымѣ пѣнемѣ свѣшѣ повѣдающѣ.
 „Разшрѣляемѣ соколенка, рекѣ Кончаку Гзакѣ,
 Разшрѣляемѣ, коли соколѣ ко гнѣзду лешиншѣ.“
 „Пѣшѣ опушамѣ его мы красной дѣвицей.“
 „Чшо жѣ намѣ пользы въ шомѣ, речешѣ оняшѣ Кончаку Гзакѣ,
 Ни его у насѣ не будешѣ, и ни дѣвицы,
 И насѣ въ полѣ Половецкомѣ шшицы битѣ почнушѣ.“

На Кагана ходы шавже вѣщій рекѣ Боянѣ,
 Пѣсношворецѣ дней минувшихѣ, Ярославовыхѣ,
 Рекѣ припѣвку онѣ разумну, достшопамяшну:
 „Тяжело главѣ безѣ плечѣ бышѣ, безѣ главы плечамѣ!“
 А безѣ Игоря бышѣ худо Русской всей землѣ;
 Солнце на небѣ, а въ Русской Игорь Князь земли.
 На Дунаѣ распѣваюшѣ красны дѣвицы;
 Черезѣ море вѣюшся пѣсни ихѣ до Кіева.
 Игорь ѣдешѣ къ Широгощѣ по Боричеву;
 Вся земля полна веселія и радости,
 Грады Русскіе ликующѣ, пѣснь поющѣ Князьямѣ.
 Чешѣ и слава вамѣ, Князьѣ хриштолубивые,
 Всеволодѣ, буй шурѣ! Владимірѣ! Игорь, солнышко!
 Чешѣ и слава и шебѣ, дружино храбрая,
 На поганые за Церковѣ побарающа!

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

(1). Такъ говоряшъ перв. Изд. другіе самовидцы починѣ опредѣляюшъ его древность, увѣряя, что онъ не спарѣ былъ XVI вѣка (Сынъ опечесн. LXX, 35).

(2). Дабы чипашели имѣли понятіе о переводѣ А. С. Шишкова, я приведу его собственныя слова: „сего ради разсудилось мнѣ предложить, или паче *передѣлать* (одни Гомеры имѣюшъ право *поправлять* равныхъ себѣ; но передѣлывашъ Гомеровъ, какъ свѣшъ ученый споишъ, никому въ голову не приходило) оную (пѣснь) такимъ образомъ, чтообъ оспаляя всѣ красоты подлинника, безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста *сократить* (что жъ пользы въ етомъ сокращеніи? они еще *невразумительнѣе* будущъ), или *пропустить* (гораздо лучше, безъ всякой порчи и думы), прочія же, пребующія распротраненія, дополнишъ своими приличными, и на вѣрояшныхъ догадкахъ основанными умспвованіями. “Соч. и перев. Рос. акад. ч. I, стр. 202. Въ самомъ дѣлѣ такое предложеніе приличнѣ назвашъ *передѣлкою*; шолько на что похожа будешъ еша *творческая* передѣлка?

(3). А не стариннымъ, Русскимъ языкомъ, какъ сказали въ заглавіи перв. Изд. и шѣмъ ввели многихъ въ заблужденіе, тогда шакъ не говорили; сіе должны мы заключишъ изъ почныхъ словъ автора: *не льпо ли ны баше, братіе, нагати старыми словеси?*

Одно ученое общество предложило для рѣшенія задачу, коей главная мысль заключалась въ слѣдующемъ: на какомъ языкѣ писано Сл. о пол. Иг. на древнемъ ли Славенскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій? На сіе можно бы не шутя, весьма коротко и удовлетворительно отвѣчать: ни на томъ, ни на другомъ: 1) что за древній языкъ, существовавшій въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія? не говорю о томъ, что наша біблія переведена въ Моравіи (Исп. гос. Рос. I, стр. 250). Положимъ, что нѣкоторыя церковныя книги дѣйствительно переведены при В. К. Ярославѣ Владиміровичѣ (Библ. Рос. 106); слѣдуешь ли изъ сего, чтобы до Ярослава (и даже до Владиміра) существовалъ другой языкъ? когда и о чемъ измѣнишься оному? Мы видимъ, что Варяги, бывшіе народъ господствующій въ Россіи, едва ли оставили слѣды своего языка въ нашемъ; попрошивъ совершенно позабыли свой собственный, и черезъ два или три поколѣнія сдѣлались настоящими Славянами. Сверхъ того оныя времена Ярославовыхъ намъ осталась памятникъ *Русская Правда*; ученое общество могло бы сличить слова оной съ словомъ Сл. о пол. Иг. и тогда бы увидѣло, кою изъ нихъ древнѣе. 2) Что за областныя нарѣчія? ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго, и развѣ Бѣлорусскаго, (а), соспа-

(а). П. М. Карамзинъ нацѣпываетъ еще *Суздальское* и *Новгородское*, Т. I, пр. 240; но въ первое зашли изъ

жившихся, когда сіи области опшпергнушы были отъ Россіи вскорѣ послѣ нашествія Ташаръ; а тогда отъ Ильмена до Днѣпра, также какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ. Разница въ выговорѣ и нѣсколько словъ, принадлежащихъ одной какой либо губерніи, не составляютъ еще особаго нарѣчія.

Но что сказать о намѣреніи одного изъ переводчиковъ Сл. о пол. Иг. извяснять смыслъ онаго словами, взятыми изъ языковъ: Польскаго, Чешскаго, Кроашскаго, *Виндійскаго* (надлежало бы: Виндскаго), Далмашскаго, *Корніольскаго* (надлежало бы: Карніольскаго), Сорабскаго

неизвѣснаго языка только нѣкошорыя слова, а въ послѣднемъ вся разница едва ли не въ одномъ выговорѣ, на пр. *лодія, розбой, Черниговѣ, чернецѣ*, вмѣсто: *ладія, розбой, Черниговъ, чернецъ*. Онъ самъ приводитъ словаученаго Чеха, Добровскаго: „ежели ошмѣны въ двухъ или трехъ нарѣчіяхъ могутъ быть подведены подъ общія правила одной Грамматики, то ихъ не должно считать разными нарѣчіями, хотя нѣкошорыя слова иначе произносятся, и нѣкошорыя имѣютъ смыслъ особенный. Но ежели два нарѣчія существенно не согласны въ Грамматику, тогда признаю ихъ разными.“ Исш. гос. Рос. Т. I пр. 242.

Даже нѣкошорыя окончанія какой-нибудь части рѣчи, несходныя съ общимъ употребленіемъ, не суть еще особое нарѣчіе; такъ въ Коспромской губерніи вмѣсто шворисель. над. употребляютъ дашель. ешо сдѣлаю не *рукамъ*, онъ слабъ *ногамъ*, и пр. но кто жъ употребляетъ? невѣжество; слѣдуешь ли изъ сего, чтобы было Коспромское нарѣчіе?

(Лаузицкаго), Босницкаго, или еще Босненскаго (надлежало бы: Боснійскаго) и Рагузскаго? Какое отношеніе имѣюшѣ сїи девять языковѣ, особливо нынѣшній Польской, погда еще не существовавшій (епо по же, чпо извясняшѣ Лашинской языкѣ Гипшанскимѣ или Французскимѣ), кѣ языку, кошорымѣ писано Сл. о пол. Иг.? почши такое же, какое комешы кѣ нашей Атмосферѣ. Еспшли нѣсколько словѣ, исчезнувшихѣ вѣ нынѣшнемѣ Русскомѣ (на пр. *кметь*, *яругѣ*, *комонь*, *турѣ*, *зегзица*), сохранились вѣ Польскомѣ, по слѣдуешѣ ли изѣ сего, чшобѣ была возможность Сл. о пол. Иг. обвясняшѣ симѣ послѣднимѣ? Я едва имѣю поняшїе о Польскомѣ языкѣ; но вошѣ нѣсколько примѣровѣ, достапочныхѣ, кажешся, для убѣжденїя вѣ справедливости сего замѣчанїя: 1) вѣ Сл. о пол. Иг. и *нѣгують* (ошѣ *нѣга*: *нѣгую*, *нѣговать* и *нѣжу* *нѣжить*; шакѣ ошѣ *годѣ*, *лѣшо*, *пора*: *годою*, *неупошреб. годовать* и *гожу*, *годить*), шо же, чпо *нѣжатѣ*; Г. Пожарскїй полкуешѣ, чпо епо Польское *пегује*, *прошиво-рѣчу*, *спорю* (спр. 68); но сїе очевидно происходшѣ ошѣ Лашинскаго *него*, оприцаю, не признаю. 2) Г. Пожарскїй пишешѣ, чпо *каять* на Польскомѣ языкѣ *каіас* (выг. шакже *каять*) значшѣ *жалѣть* (спр. 67); но проспонародное *хаать*, *хулишѣ*, *порицашѣ*, *осуждашѣ*, ешѣ шо же, чпо спаринное *каать*, ошѣ кошораго происходшѣ *окаянной*, *осужденной*, *прокляпой*. 3) Попольски: *гилш*, шо же, чпо порусски: *или* (спр. 40); но вѣ перв. изд. *гилш* неправильно напечаташано слишно (надлежало бы порознь: *ш*, *лш*), а

ци, или еще *ци*, значить *развѣ*: „а гудиво ся, браше, спару помолодиши? . . . *ци* есьмо не Князи же?“ 4) *И на каницу, зелену наполому постла* Г. Пожарскій прелагаетъ *и на шелковое зеленое покрывало* положила, ~~полкуя~~, что Польское *кани* значить *шелковой зервь* (спр. 62); но *каницу* очевидно описка вмѣсто *коницу*, конскую. Рѣчь о Князѣ, Борисѣ Вячеславовичѣ, убишомъ въ сраженіи, кошорога шѣло, видно, было положено на конскую попону или чепракъ.

(4) Въ прешьемъ изданіи (Г. Пожарскаго) прибавлены новыя ошибки къ старымъ: *распекашешся, пѣлки, Свяшславличю, съ нихъ, Русицы, прегородиша, възграяну, храбрыя, ряда, Яшвази, Рускихъ, Свяшславлича; вмѣсто: растекашется, пѣлкъы, Святъславлигю, въ нихъ, Русицы, преградиша, възграяху, храбрая, ряда, Ятвязи, Рускихъ, Святъславлига*. Теперь, еспьли каждой издашель будешъ прибавляшь, а не *убавлять* ошибки; въ какомъ видѣ предшанешъ Сл. о пол. Иг. предъ нашихъ правнуковъ?

(5) Вопреки общему мнѣнію, я почишаю Сл. о пол. Иг. писаннымъ въ началѣ XIII вѣка (см. пр. 171). Геродотъ, кошорому въ первой годѣ Пелопонесской войны было 53 года, родился за 483 года до Р. Х. (см. Авла Геллія, XV, 23); а исшорикъ сей пишешъ, что Гомеръ и Гесіодъ спарѣ его 400 лѣшъ (Исп. II, 53). Слѣдспвенно разспоянія между Гомеромъ и Пѣвцомъ Игоря будешъ около 2100 лѣшъ.

(6) Война Каледонянъ съ Римлянами продолжалась до самой смерти Императора Сеп-

пимія Севера, копорой и умеръ въ Йоркѣ, въ 211 году по Р. Х. Въ эпоху Фингалова; ибо полагають, что *Каракулъ*, копорого Оссіанъ называетъ *сыномъ Царя Вселенныя* (см. поему: *Комала*), есть *Каракалла*, сынъ сего Императора, бывшій при оцѣ своемъ въ Брипаніи (какого великаго полководца, каковъ былъ *Каракалла*, мудрено ли побѣдиль Царю Морвена?). Фингалъ не былъ тогда еще женатъ на Роскранѣ, машери Оссіановой; а сей, извѣстно, сочинялъ поемы свои въ самой глубокой старости; слѣдственно жилъ, вѣроятно, въ исходѣ III вѣка. Такимъ образомъ разстоянія между Оссіаномъ и Пѣвцомъ Игоря будетъ около 900 лѣтъ.

(7) Въ сіе мѣсто по переводу Коспрова (см. поему: *Сраженіе съ Каросомъ*): „его бесѣды были столь же мрачны и непонятны; сколь мрачно повѣствованіе о предкахъ нашихъ, доколѣ духъ Бардовъ не озарилъ еще временъ прешедшихъ.“

(8) Блеръ, слѣдуя Макферсону, называетъ Фингала и Темору *эпическими поемами*; но они, говоря его же словами, также сославляють піишическую исторію вѣка Фингалова; слѣдственно также *историческія*.

(9) Сему мѣсту подражалъ В. А. Жуковскій въ посланіи своемъ къ *Воейкову*:

О вѣщерь, вѣщерь! что ты вѣщешь?

Ты не ошъ милаго несешься,

Ты не принесъ веселья мнѣ;

Играй съ косашкой въ вышивѣ,

По поднебесью съ облаками,
 По синю морю съ кораблями,
 Сшрѣлу пернашую ошвѣй
 Ошв друга, радости моей.

(10) Т. е. старымъ или древнимъ языкомъ; какой же ешо былъ *старой языкъ*? Славенской или церковной, каковымъ въ самомъ дѣлѣ Сл. о пол. Иг. большою часпю писано (а). Сей языкъ, которымъ въ Россіи *никогда* не говорили (б), со времени введенія Христіанской вѣры, сдѣлался книжнымъ языкомъ, пошому чшо былъ подведенъ подѣ правила, шогда какъ Русской былъ нарѣчіе, совершенно необразованное, которымъ писашь ни одному авшору въ голову не приходило. Но какъ правила Славенскаго

(а) Однимъ словомъ такимъ же, какимъ писаны древнѣйшія лѣшописи: *Новгородская, Кіевская, Волынская*, въ конхъ найдеше и шѣ же шаринныя, Русскія слова; но нашурально, чшо Сл. о пол. Иг. понимашь гораздо шруднѣе. Въ немъ, какъ въ произведеніи Поезіи, слова часшо упошреблены не въ собшвенномъ, а переносномъ смыслѣ, а и собшвенной ошв древности не всегда ясеиъ.

(б) Переселеніе Славянъ съ Дуная на Днѣпръ и на Волховъ необходимо должно было измѣнишь первоначальное произношеніе, а съ съ нимъ вмѣстѣ и Грамматику Славенскаго языка. Н. М. Карамзинъ не спанешь ошрицаешь, чшо Русской языкъ родился ошв Славенскаго; но сѣдуя его повѣшвованію, чшо Славяне Дунайскіе ошавили свое древнее ошечество на сѣверѣ (т. е. на Волховѣ), гдѣ нашель ихъ Св. Апостолъ Андрей (Ист. гос. Рос. I, сшр. 50, 56), выходилъ напрошвѣ.

языка не были собраны вмѣстѣ, и имъ надлежало учиться не изъ Грамматики, а изъ прилѣжнаго чпенія священнаго писанія, по писавшіе, не пверды были въ оныхъ, и больше или меньше сбивались на Русское, живое нарѣчіе, чему мы видимъ убѣдительный примѣръ въ нашемъ авшорѣ, копорой именно говоритъ, что онъ хочеть воспѣвать *старымъ* языкомъ, и потчасъ сбивается на новой, на пр: *о пѣлцу, по былинамъ, лебедей*; пославенски надлежало бы: *о пѣлцѣ, по былиномъ, лебедій*. Но нешолько слова, цѣлыя выраженія находимъ Русскія: *заря свѣтъ зашла, мѣла поля покрывла. . . Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала. . . вѣстала обида въ силахъ Даждьбожа внука, и пр.*

(11) Перв. Изд. перевели *трудный* прискорбный; А. С. Шишковъ такъ извѣщаетъ сіемѣшо: „не непристойно намъ будетъ, братіе, начать повѣствованіе наше о походѣ Игоря шѣмъ словомъ, какимъ въ древнія времена описывались многотрудные подвиги.“ Но гдѣ ешо въ подлинникѣ? *трудный* упопрелено въ собсвенномъ его значеніи; мы говоримъ: *трудное* дѣло, *трудное* предпріяшіе, ш. е. шребующее *труда*, а всякое сочиненіе шребуеть онаго.

(12) Здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ (за обиду сего времени) ясно видно, что пѣвецъ Игоря воспѣвалъ современное ему произшествіе, даже едва ли самъ не участвовалъ въ походѣ. Слѣдующія слова засшавляють сіе подозрѣваніе: *то ми шумить? то ми звенить давега рано предъ зорями?* . . . здѣсь авшоръ, описывая Каляльское

сраженіе, говоривъ именно о себѣ; слова его могутъ приняты быти въ спрогомѣ, историческомъ смыслѣ. Опъшого походъ сей такъ возвеличенъ въ глазахъ его, опъшого повѣствованіе его согласно то съ шѣмъ, то съ другимъ лѣтописцемъ; мнѣніе сіе кажешся больше, нежели догадка.

(13) Сокращенное причастіе гл. *вѣмъ*; но *вѣщій* (въ смыслѣ: *вѣщая* или *зловѣщая птица*) естъ такъже сокращ. прич. гл. *вѣзю*, *вѣщаю*, опъш копорого происходивъ древнее, знаменитое *вѣге*, и новѣйшее *вѣщувъ*. Упопрещительная и нынѣ часпица *вѣтъ* или *вить* (въ нѣкопрыхъ словахъ и Великороссіане *ѣ* произносятъ, какъ *и*, на пр: свѣдѣшельство, *свидѣтельство*; дѣшя, *дитя*) естъ такъже сокращеніе неопред. накл. гл. *вѣмъ*, и опъ *вѣтъ* происходятъ: старинное *вѣтство*, колдовство (Исп. гос. Рос. I, пр. 506); *вѣтія* или *витія*, краснобай, орапоръ; *вѣтійство* или *витійство*, краснорѣчіе; *вѣтійственный* или *витійственный*, краснорѣчивый.

(14) Пер. Изд. гревели:., памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на спадѣ лебедей пущеннымъ: чей соколъ долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася. “Здѣсь шѣни нѣшъ подлинника; что слово, то ошибка. А. С. Шишковъ думаетъ, что епо былъ *обыгай*, существовавший между Князьями, что они, ѣздивши на соколиную охоту, бывшую всегда любимымъ увеселеніемъ нашихъ Князей, рѣшали такимъ образомъ споръ: кому напередъ должна быти воспѣха въ похвалу пѣсня (причи-

ной сему пер. Изд. они перевели: копорой *гей*, ша или шу, въ древней Славенской Грамматикѣ винип. пад. сходенъ съ именип. *тому*); но Романъ Красный, убитый въ 1079 г. не могъ веселиться на охотѣ съ дѣдами своими, Ярославомъ Спарымъ и Мспиславомъ Храбрымъ, умершими: первой въ 1054, второй въ 1036 г. а особливо прославился какимъ либо подвигомъ, чшобѣ бытъ воспѣшу на ряду съ ними. Г. Пожарскій полагаетъ, чшо обычай сей наблюдался *между Славенскими стихотворцами* (причиной сему опять пер. Изд. они перевели: *это повѣдая о какомъ либо сраженіи*); но сіе мнѣніе должно бытъ основано на Исторіи, копорая молчитъ, чшобѣ при дворахъ нашихъ Князей были пѣсношворцы, пакже какъ у Кельшовъ Барды, или у Скандинавовъ Скалды; мы знаемъ только двухъ: Бояна и Пѣвца Игорева. Г. Бупковъ одного мнѣнія съ Г. Пожарскимъ; но къ сему прибавляетъ онъ, чшо Сл. о пол. Иг. писано не однимъ авторомъ, а *многими* (мысль спранныя, но не новая; Нѣмецкіе ученые почитали Иліаду, пакже писанную не Гомеромъ, а рапсодистами), составявшими общество пѣсношворцовъ, подобное не нашимъ ученымъ обществамъ, а обществу *Кягаковъ* или Черкесскихъ пѣсношворцовъ; доказательство же его: 1) авторъ въ началѣ поемы говоритъ: „не лѣпо ли *ны* бѣше брашіе;“ но пакъ говоритъ всѣ авторы, ш. е. во мн. числѣ; а напрошивъ нѣсколько авторовъ вмѣстѣ не скажутъ: „чшо *ми* шумишь? чшо *ми* звенишь?“ *братіе* же есть обращеніе, или къ пріятелямъ, или ко всѣмъ вообще

Русскимъ. 2) „А мы уже дружина жадни веселія;“ и еще: „а чи диво ся, братіе, спару помолодиши?“ но сія дружина и сіи брація сушь не пѣсношворцы, а Кіевскіе бояре (Вѣсп. Евр. СХХІ, спр. 111, и слѣд.). Чашашели припомняшъ (см. выше, стр. 28); что авторъ сравниваетъ десяшь першовъ Бояна съ десяшью соколами, а спруны со спадомъ лебедей; *помняше, пущаще, пояше* естъ прешіе лице и относится къ Бояну. Смыслъ ясенъ: *пѣснь пояше*; кто? *Боянъ*; кому? *старому Ярославу, храброму Мьстиславу, красному Роману* (теперь мы знаемъ по крайней мѣрѣ кого пѣлъ древнѣйшій Русской бардъ). Сверхъ того должно замѣшшь, что Боянъ тогда пускалъ десяшь соколовъ (ш. е. вскладывалъ десяшь першовъ на спруны; здѣсь аллегорія), когда вспоминалъ рѣчь или сказаніе первыхъ временъ. Далѣе: *который соколъ дотегаше, та преди пѣснь пояше* (авторъ продолжаетъ аллегорію; но соколъ значивъ уже не першъ, а сказаніе), которое сказаніе вспоминалъ онъ, шу напередъ пѣсно пѣлъ; но ешьлибъ онъ такимъ образомъ выразился, то сіе было бы и проза, и повшореніе; а теперь и стихошворно, и замысловашо.

(15) Касожскій Князь, Редедя, исполинъ и богатырь (*бѣ бо великъ и силенъ*, Библ. Рос. спр. 101), по обычаю шѣхъ *Гомеровскихъ* временъ, вызвалъ Мспислава на единоборство; сей, поборовъ Редедю, зарѣзалъ его ножемъ, и въ слѣдствіе сдѣланнаго между ними напередъ условія, плѣнилъ его жену и дѣшей, а на Касоговъ наложилъ дань. Сіе происходило въ 1022 году.

(16) Древніе Касоги суть нынѣшніе Черкесы; Императоръ Константинъ Багрянородной, писавшій около 948 года, кладетъ спрану *Касахию*, названную такъ отъ народа *Касаховъ*, у самой подошвы Кавказскихъ горъ, тамъ, гдѣ живутъ Черкесы, воихъ спрана раздѣляется на верхнюю и нижнюю Кабарду (Nord. Gesch. 521). Осепинцы и нынѣ ихъ зовутъ древнимъ именемъ Касаховъ (Исп. гос. Рос. I, спр. 172), сами же себя Черкесы называютъ *Адигами* и *Аделами*, ш. е. *островными жителями*; поелику живутъ частію по островамъ нижней Кубани (Опис. въ Рос. госуд. обип. нар. II, 49), а *Черкесъ* есть слово Ташарское, составленное изъ *теръ* дорога, и *кесмень* опрѣзашъ (а); слѣдственно прямой смыслъ онаго *разбойникъ*. Аравишяне Черкесовъ называютъ *Мемлехи* (Nord. Gesch. 519), изъ кошорыхъ мы Европейцы сдѣлали *Мамелюковъ*; такъ одинъ и тотъ же народъ бываетъ иногда извѣстенъ въ исторіи подъ разными именами.

Отъ сихъ *Касоговъ* или Черкесовъ Н. М. Карамзинъ выводилъ имя и происхождение *казаковъ* (Исп. гос. Рос. V, спр. 393); вопреки сему замѣшимъ: 1) казаки никогда не составляли на-

(а) Сіе пишеть пушешественникъ Клапротъ (Вѣст. Евр. LXIV, 15); Фишеръ думалъ, что *Черкесъ* испорчено изъ *Кергесъ* (такъ называетъ пушешественникъ Рубрувискъ Черкесовъ), кошорое слово будшо то же, что *Киргисъ*, и на Ташарскомъ языкѣ значить: смердъ, мужикъ, голь, бѣднякъ (Nord. Gesch. 411).

рода, а издревле были родъ войска, или обществъ военныхъ людей, и первое ихъ учрежденіе находимъ въ Рязани (Исп. гос. Рос. V, пр. 321). 2) Опшъ Касоговъ, покоренныхъ Свяшославомъ I въ 966 году, до *Рязанскихъ казаковъ*, упоминаемыхъ въ *Лѣтописяхъ* подъ годомъ 1444, прошло 478 лѣтъ, разспояніе времени и мѣста слишкомъ далеко, и кромѣ ничпожнаго сходства имени нѣтъ никакого опношенія. Правда Воскресенская *Лѣтопись* (II, 21) уничпожаешъ сей промежутокъ, увѣряя, что древніе, *черные Клобуки*, подъ коими разумѣлись Торки, Берендеи, или Беренди-чи, и даже Печенѣги, суть по же, что *Черкасы* (или Черкесы); но ешо должна бытъ новѣйшая вспавка (чему въ *Лѣтописяхъ* есть множество примѣровъ); ибо слово *Черкесъ*, какъ я уже сказалъ, есть Ташарское, и Русскіе безъ сомнѣнія опшъ Ташаръ научились шакъ называть Касоговъ. Въ нынѣшнихъ *Кара-калпакахъ* надобно искать древнихъ, черныхъ Клобуковъ; ихъ имя поже значить, и у нихъ есть преданіе, что дѣды ихъ живали нѣкогда въ воспочной Россіи (Рычк. Оренб. поп. I, 173, 174). 3) Слово *казакъ* есть Ташарское, а пошому и учрежденіе сего войска находимъ послѣ нашествія Ташаръ; соплеменные имъ Киргисы сами себя называютъ *Сара-кайсаки*, п. е. *степные казаки* (Опис. въ Рос. гос. обш. нар. II, 115). Одна Ташарская пѣсня, сочиненная въ Сибирѣ на смерть пѣши Ермаковыхъ казаковъ, убитыхъ въ сраженіи, начинаешся шакъ: *анылѣ, анылѣ, бишъ казакъ!* п. е. *воины, воины, пѣшь казакъ* (Сиб. исп. Мил. 185)! слово сіе на Ташарскомъ

языкъ значить человека, у котораго нѣтъ семьи, или поспояннаго жилища (Сиб. Исп. Фиш. 59); почто въ семъ же смыслѣ говорится: *онъ вольной казакъ*. Въ крестьянствѣ *казакъ*, *казагиха* называется вольной работникъ, или работница. 4) Естли казаки назывались *Черкасы*, то по роду *Черкесы*, что на Днѣпрѣ, бывшему первоначальнымъ жилищемъ Запорожскихъ казаковъ; а не потому, чтобъ они были родомъ Черкесы или древніе Касоги.

(17) Хотя здѣсь инструментъ и не названъ, но кромѣ гуслей бытъ некакому; извѣстно по Исторіи, что Славяне, по крайней мѣрѣ Балтійскіе, еще въ VI столѣтіи славились искусствомъ играть на гусяхъ (Изв. Виз. исп. I, 52), да и самой инструментъ изобрѣпенъ Славянами, и названіе его находится въ одномъ ихъ языкѣ.

(18) Въ Бѣлоруссіи и нынѣ говорятъ: *онъ рогогитъ*, хохочетъ; воды *рогогитъ*, громко шумятъ; громъ *рогогитъ*, сильно гремитъ (Сл. о пол. Иг. Пож. 33). Державинъ въ своемъ *водопадѣ* употребилъ *грохогетъ* въ томъ же самомъ значеніи:

Грохогетъ ехо по лѣсамъ,
Какъ громъ, гремящій по горамъ.

Въ крестьянствѣ *грохотомъ* называется деревянная машина, на которой капаютъ ячмень или пшеницу, чтобъ чище были; при чемъ происходитъ шумъ, отъ котораго машина и называется грохотомъ. Отъ етого же вѣроятно

произошло названіе *гороха*, что онъ шумитъ, когда ссыпаютъ его.

(19) Въ Славенскомъ языкѣ *умъ* значитъ *мысль*; такъ въ Евангеліи отъ Матѳея, XXII, 37: „возлюбиши Господа, Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всею *мыслію* своею;“ отъ Марка, XII, 30: „и всѣмъ *умомъ* своимъ;“ XII, 33: „и всѣмъ *разумомъ*;“ въ Нѣмецкой библии во всѣхъ прехъ мѣс-пахъ: *gemüth*. Г. Пожарскій переводитъ (замѣшше: въ прозѣ для ясности): *перепоясалъ умъ крѣпостію*; но *истягнутъ* въ Славенскомъ языкѣ значитъ: испытать, извѣдать, опробовать, *истяжи мя*, пс. CXXXVIII, 28, *prüfe mich, try me, sondez moi*.

(20) Игоревое войско состояло изъ пяти полковъ, шестой былъ сводной изъ спрѣлковъ (см. пр. 48), и всѣ они были конные (см. пр. 60); но трудно опредѣлить число воиновъ въ каждомъ. Вѣроятно ихъ было не больше (если не меньше) 10000 Грековъ, которыхъ краснорѣчіе Ксенофонша учинило безсмертными.

(21) Подъ годомъ 1114 въ лѣтописяхъ сказано: „бишася Половци съ Торки и съ Печенѣги у рѣки Дону, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и придоша Торцы и Печенѣзи къ Володимеру. (Исп. гос. Рос. Т. II, пр. 218).“ Слѣдственно вошъ когда Половцы утвердились на Дону, прогнавши опшуда Торковъ и Печенѣговъ, Тьмушороканъ же опшняли они у Русскихъ вѣроятно ранѣе; ибо послѣ 1094 года объ немъ уже не упоминается. За рѣкою Хоролемъ, впа-
Ж

дающимъ въ Псѣль, начинались кочевья Половецкія; вошъ какъ близко были оныя отъ самаго Кіева, и какъ удобно Половцамъ было жечь и грабить Россію, гдѣ въ первой разѣ явились они въ 1055 году. Сей варварской, Азіатской народъ вышелъ изъ обширныхъ степей близъ Каспійскаго моря, и былъ единоплеменный Печенѣгамъ, съ которыми говорилъ даже однимъ языкомъ (Изв. Виз. исп. IV, 174), Туркоманамъ (у Неспора *Торкменямъ*), Торкамъ (Библия. Рос. 145), и Моголамъ (Исп. гос. Рос. III, стр. 234). Путешественникъ XIII вѣка, монахъ Рубруквисъ пишетъ, что они сами себя называли *Капшамъ* (см. его *voyages* въ Бержерон. изд. стр. 26), то же, что *Кипчакъ* (въ Уфимскомъ уѣздѣ есть родъ Башкирцовъ, и нынѣ такъ называющихся, см. Сиб. исп. Фиш. стр. 26), которое названіе Абулгази даетъ вообще всѣмъ народамъ, обитавшимъ между рѣками: Ураломъ, Волгою и Дономъ, и причисляетъ ихъ къ Тапарамъ (см. его *Hist. des. Tat.* 45, 47); между тѣмъ извѣстно, что Моголы и Тапара совершенно различной породы, и несходны между собою ни языкомъ, ни наружносцію: первые суть братья Калмыкамъ, а послѣдніе Туркамъ. Вошъ какъ трудно разбираешь происхожденіе народовъ, и означить съ точностію вѣшви одного корня; а мы хотимъ узнать достоверно, какой именно народъ древніе разумѣли подъ именемъ Скиѳовъ и Сарматъ. Слово *Половцы* есть Русское, и происходитъ отъ гл. *полосить*; ибо они безпрестанно приходили грабить и ловить въ плѣнъ. Гре-

ки называли ихъ *Команами*; Неспорѣ съ омерзениемъ опзывается обѣ ихъ нравахъ (Библ. Рос. 14).

(22) Въ лѣтописяхъ причина сего похода такъ описывается: „въ шо же лѣшо (по лѣш. по Кен. сп. 1186) здумаша Ольговы внуцы, занеже бяху не ходили шого лѣша со всѣми Князьями (см. пр. 87); но сами поидоша особѣ, рекше: ци есьмо не Князи же? пойдемъ, шакожѣ собѣ хвалы добудемъ.“

(23) Когда союзники Маія 1 пришли къ Донцу, шо сдѣлалось шакое необыкновенное, солнечное зашмѣние, чшо днемъ видны были звѣзды; оное такъ описано въ лѣтописяхъ: „мѣсяца Маія въ 1 день, на памяшь свяшаго пророка Еремея, всреду на вечерни бысть знаменіе въ солнцы, шемно бысть вельми, и сие бысть больши часа, яко и звѣзды видѣши, и во очію бѣ у челоуѣкѣ зелено; а солище сошворися, аки мѣсяцѣ, и изѣ рогѣ его, аки огонь палящѣ, изхожаше: и бѣ видети зело спрашно, и ужаса исполнено знаменіе (лѣш. по Ник. сп. II, 247).“

(24) Дружину Князя соспавляли его *Бояре*, *Отроки* или *дѣтскіе*, и *Гридни* или *мегеноши* (опѣ Шведскаго слова *gred*, мечь); такъ ниже Кіевскіе бояре говоряшѣ В. К. Свяшославу III: *а мы цже дружина жаднивеселія!* ш. е. а мы, (швоя) дружина, хошимъ еще веселія! Однимъ словомъ изѣ дружины соспоялѣ Княжеской дворѣ, опѣ коего произошло и слово *дворянинѣ*; а не опѣ шого, чшо крещьянскіе дворы за службу жаловались.

Н. М. Карамзинъ замѣчаетъ, что слово *дворяне* въ лѣтописяхъ употреблено въ смыслѣ придворныхъ, въ описаніи 1174 г. (Исп. гос. Рос. III, пр. 22).

(25) Происходитъ опъ древняго гл. *тети*, сѣчь, бишь: „Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту, и вѣщи сѣ горы по Боричеву на ручай; 12 мужа приспави *тети* жезліемъ.“ Несп. Исп. гос. Рос. I, пр. 459.

(26) Сіи и послѣдующія Игоревы слова: *хощу главу свою приложити, а любо испити шеломамъ Дону!* ш. е. паду, или буду на Дону (а)! напоминающъ крашкую, но сильную рѣчь знаменитаго предка его, Святослава I: „уже намъ не камо ся дѣши (дѣшься), волею и неволею спаша прошиву, да не посраимъ земли Русьскыя, но ляжемъ коспъми шу; мершвыи бо срама не имущъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжаша, но спанемъ крѣпко; язѣ же предѣ вами пойду. Аще моя глава ляжешъ, по промышляйше о собѣ (Исп. гос. Рос. I, пр. 403).“
Никогда вымыслъ не возвысился до такой силы.

(27) Въ перв. изд. было: *спала Князю чумъ похоти*; авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать въ двойсп. чис. но пославенски надлежало бы: *спадостѣ*, или *спалѣ естѣ Князю чумъ похотѣ*. Нынѣ говорится: у него охота *спала*, пропала; вода

(а) Кажешся чего бы простѣе и яснѣе; но Г. Пожарскій написалъ цѣлыя двѣ страницы изъясненій, и наконецъ изъяснилъ шакъ; „хощу главу свою приложитъ къ толу, чтобы приобрѣсть землю Половецкую, или напишется шлемомъ Дону (стр. 40).“

спала, унала, сбыла; но въ спарину спали похоти значило: вспали, припали желанія (какія?) *искусити Дону великаго* (шакъ надлежало бы словамъ спошпшь, сего пребуешъ еспешшвенной порядокъ мыслей; но върояшно писцы перемѣшали), опшвѣдашь (воды изв) Дону великаго; а не *щастья извѣдать* на Дону, какъ перевели пер. Изд. поелику Игорь ниже говоритъ: *а любо испити шеломѣ* (воды изв) *Дону*. Конечно епо буквальной смыслъ; но кому, кажепся, придетъ въ голову, что Игорь предпринялъ походъ на Донъ шолько за шѣмъ, чтобъ опшвѣдашь или напишъся Донской воды. Далѣ: *и жалость* (въ Славенскомъ языкѣ значилъ спремленіе, рвеніе, горячностъ: „*жалость* дому швоего снѣспъ мя, Иоан. II, 17;“ сіе же самое мѣсто, на кошорое здѣсь въ Евангеліи ссылка, во Псалшири переведено: „*ревностъ* дому швоего снѣде мя, пс. LXVIII, 10.“) *ему знаменіе заступни*, и (геройское) спремленіе заслонило ему знаменіе, ш. е. заспавило пренебречь; а не *унитожило* его, какъ перевелъ Г. Пожарскій. Можешъ ли рвеніе унитожилъ запшмѣніе? И въ Кіев. лѣш. Игорь на слова своихъ боярв: *се есть не на добро!* говоритъ: „брашіе и дружино! шайны Божія никпо же не вѣспъ, а знаменію шворецѣ Богѣ и всему міру своему; а намъ что сѣшворитъ Богѣ, или добро, или наше зло, а по намъ видѣши (Исп. гос. Рос. III, пр. 69).“ Клеомбротъ, полководецѣ Лакедемонскій, въ подобномъ случаѣ не былъ шакъ разсудителенъ и неупрашимъ; онъ шакъ испугался запшмѣнія (въ 480 г. до Р. X.), опъ кошорого среди бѣла дня сдѣлалась шма, подоб-

ная ночной (Herodot. VII, 37), что бросилъ войско, и черезъ нѣсколько дней умеръ.

(28) Здѣсь *славы* будетъ швор. пад. ибо имениш. *оба полы*; что жъ авторъ разумѣетъ подъ обѣими половинами *сего* (замѣшльпе: не древняго) времени? думаю: походъ Игоря и возвращеніе его изъ пѣна. *Сивая славы*, увивая славами, ш. е. увѣковѣчивая въ пѣсни своей подвиги Игоря; да и по смыслу, кажется, то же; ибо авторъ говоритъ выше: *абы ты сія пѣлкы ущекоталъ*. Перв. Изд. дали симъ словамъ совершенно произвольной смыслъ:., сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ.“

(29) Въ Сл. о пол. Иг. упоминается въ чешырехъ мѣстахъ о *Троянѣ*; пер. Изд. никакъ не могли догадаться, что за такой *Троянѣ* (Ироич. пѣснь, слр. 6). Н. М. Карамзинъ справедливо замѣшилъ, что епо Римской Императоръ Траянъ, завоевавшій Дакію, что *тропа Траянова* (А)

(А) Сія *тропа* или *дорога Траянова*, какъ дѣйствительно она названа въ одной просонародной пѣсни, сочиненной во время войны съ Турками, при Императрицѣ Еватеринѣ II:

На разсвѣтъ было въ середу,

На дорогѣ, на Траяновой,

Подшли мы близко къ лагерю (Карман. пѣсен.).

есшь земляной валъ, въ иныхъ мѣстахъ и поныи въ сажень вышнюю; одна ошрасль его или направленіе, почти паралельное Дунаю, и примѣнное на разстояніи 110 верствъ, упирается въ Прушъ выше селенія Колюбаши; другая ошрасль идетъ берегомъ Дибспровскаго лимана, и вверхъ по Дибспру до Каушанъ; наконецъ

есть *via Trajani*, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи, и идущая отъ береговъ Дуная до Пруша и далѣе на Востокъ по южной Россіи, что *въги Трояновы*, какъ было въ перв. изд. есть описка, а надобно *сѣги*, и что отъ временъ Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе седми вѣковъ; но 1) лѣточисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель Сл. о пол. Иг. могъ также ошибиться; или 3) число 7 есть описка (Исп. гос. Рос. I, пр. 69). Н. М. Карамзинъ не сказалъ только, что такое *земля Троянова*; но ещо есть Дакия, которую Славяне видно такъ называли отъ имени ея завоевателя; но авторъ, не зная настоящихъ ея границъ, распространилъ ее до самаго Дона. Слѣдственно въ началѣ II вѣка (Траянъ царствовалъ 98—117 г. по Р. Х.) Славяне жили уже въ Дакии, гдѣ вѣроятно вмѣстѣ съ Гетами, вели сіи несчастныя войны противъ Римлянъ, продолжавшіяся пять лѣтъ (the Hist. of

шретиа, простирающаяся почти на 100 верствъ, разграничавашъ собственно такъ называемую Бессарабію, или Буджакъ, съ Молдавіею, и также упирается въ Прушъ между Лекю и Леовымъ (Ошеч. зап. Свин. VI, 245, и слѣд.). Гиббонъ думалъ, что ещо въ самомъ дѣлѣ была военная дорога (a military road); но ещо было, вѣроятно, укрѣпленіе, подобное Антонинову валу въ Шотландіи.

Г. Пожарскій полкуетъ опять, что *тропа* на Польскомъ, Чешскомъ и Кроашскомъ языкахъ значилъ *войско*; вѣрнѣе, но на что намъ искахъ въ сихъ шрехъ языкахъ значенія слова *тропа*, когда оно есть въ Русскомъ, всякому извѣстно, и сверхъ того согласно съ историческимъ смысломъ.

the decl. and fall of the rom. emp. I, 7), и споль памяшныя для нихъ, что они счишали, видно, годы съ сей пагубной для нихъ эпохи. Симъ удовле-творительно объясняется явное и большое сходство Славенскаго языка съ Лашинскимъ и Нѣмецкимъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 245, 246; Готы въ III столѣтїи жили также въ Дакии). Изъ Дакии Славяне въ продолженіе пяти столѣтїй расселились до моря Бальшійскаго и до рѣки Ельбы, а не *отъ оныхъ до моря Адриатическаго, Мореи и Азіи* (Исп. гос. Рос. I, стр. 29, ш. е. что и Аншы, жившіе по берегамъ Азовскаго моря, пришли опшудаже; народы переходили изъ Азіи въ Европу, а не изъ Европы въ Азію), на чемъ основана вся система Н. М. Карамзина о Венадахъ вопреки почному свидѣтельству правдолюбиваго Неспора (Б).

(Б) „По мнозѣхъ же временехъ (по разбѣяніи народовъ) сѣли сушь Словене по Дунаеву, гдѣ есть Угорская земля (Венгрія) и Болгарская земля, и ошѣ шѣхъ Словенъ разыдошася по земли, и прозвашася именъ своими, гдѣ сѣдши на какомъ мѣстѣ (Библ. Рос. стр. 6).“ Сіе ясное сказаніе Неспора Н. М. Карамзинъ почишетъ *взятымъ изъ Византійскихъ историковъ*; а доказательство: *кажется* (Исп. гос. Рос. I, стр. 30); но съ такою легкостію не лзя опшвергать свидѣтельства опца Русской Испорїи. Въ его время могло быть общее преданіе, что Славяне въ Россію пришли съ Дуная; мы видимъ, что подобное преданіе о кровавыхъ, Траяновыхъ сѣчахъ въ Дакии; сохранилось слишкомъ черезъ тысячю лѣтъ (а).

(а) Даже то, что авторъ Сл. о пол. Иг. ошибочно счишетъ вѣки, прошекшіе ошѣ Траяна до Всеслава, и называетъ его

Времени сего довольно будетъ неполько для

П. М. Карамзинъ шоржешвенно отказался рѣшить вопросъ: *откуда и когда Славяне пришли въ Россію* (Исп. гос. Рос. I, сшр. 52; но онъ рѣшенъ Несшоромъ); а все для того, чшобъ Славянъ произвешти отъ Венедовъ, отъ кошорыхъ самъ же онъ производитъ Лашышей (въ чемъ я совершенно согласенъ): „когда Гошвы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восшочные берега моря Бальшійскаго, смѣшались шамъ съ ошашнами первобышнихъ жишелей, ш. е. съ Гошвами, начали истрешлять лѣса для хлѣбопашешва и прозвались *Латышами*, или обинашелями земель расчищенныхъ, ибо *лата* знаменуешъ на Липовскомъ языкѣ расчищешіе (Исп. гос. Рос. I, сшр. 58).“ Гошвы удалились къ предѣламъ Римской имперіи въ половинѣ III шолѣшя, а Грешеской землеошасешль, Шшолемей, жившій во II шолѣшш, пишешъ, чшо уже въ его время Венеды жили на юго-восшочныхъ берегахъ Бальшійскаго моря (б). Имя Венедовъ очевидно ишпорчено изъ *Вендовъ*, ш. е. чшо Римляне узнали оное отъ народовъ Тешшонскаго племени, и Венеды первоначално безъ сомнѣнія были Славяне; но послѣ, когда ишпоршили языкъ свой (в), и прозвались *Лашышами*, свой-

Трояномъ, Дакію же распросшраешшь до самаго Дона, и даешъ ей свое названіе: земля Троянова, служитъ въ пользу преданія; ибо показываешъ, чшо оно родилось отъ Славянъ. Я не знаю, почему бы можно его отшвергнушь?

(б) Т. е. въ Пруссіи, Курляндіи и Лифляндіи (Nord. Gesch. сшр. 170), гдѣ и понынѣ отчасши живутъ пошомки ихъ Лашыши. Во время Плинія и Ташиша, или въ I шолѣшш, Венеды жили близъ Вислы и граничили къ Югу съ Дакією (Исп. гос. Рос. I, сшр. 15); слѣдешвенно въ продолженіе шолѣшя подвинулись они далѣ къ Сѣверу, а не къ Югу или къ Адриашическому морю ближе (Исп. гос. Рос. Т. I, сшр. 29).

(в) Языкъ Лашышскій ешъ ишпорченной Славенскій, шавъ

сего разселенія; но и для приобрѣтенія бѣлизны

сшвенно ли называть ихъ Славянами, и шакимъ образомъ смѣшивашъ народы и вѣки? Когда мнѣ говоряшъ о Венедахъ, шо я понимаю Тацшovýchъ и Пшолемевыхъ Венедовъ, или пошомковъ ихъ Лашышей; а не Вендовъ Нѣмецкихъ, или вообще Славянъ V и послѣдующихъ сполшшій.

Робертсонъ прекрасно говоритъ въ своей the History of America, II, 29: those regions of conjecture and controversy belong not to the historian; his is a more limited province confined to what is established by certain, or highly probable evidence, ш. е. область догадокъ и споровъ не принадлежитъ историку; его владѣнїе ограничивается тѣмъ, что достовѣрно, или что очевидно вѣроятно. Здѣсь напрощивъ: все основано на пущой догадкѣ Шлецера (г), что Венды, какъ называли Славянъ народы Тевтонскаго племени, искони жили на берегахъ Бальшійскаго моря и рѣки Ельбы (Nord Gesch. спр. 9, 116, 335; при-

что больше, нежели половина Лашышскихъ словъ суть чиспыя Славенскія, шакже и въ Грамматицѣ обѣихъ языковъ находишся больше, нежели случайное сходство, на пр. гл. es dohmtaj, азъ думаю; tu dohmta, ты думаеши; wünsch dohmta, онъ думаетъ; meh dohmtajam, мы думаемъ; jchs dohmtajet, вы думаете; wiñi dohmta, они думаютъ. И Шлецеръ утверждаетъ, что древѣшшій Славенскій языкъ есть Лашышскій (Nord. Gesch. s. 316, анмерк. е, f); слѣдшвенно первой произошла отъ послѣдняго. Ое ученой слѣпшшї!

(г) Самъ Шлецеръ, кошорому Н. М. Карамзинъ шолько что послѣдовалъ, говоритъ, что общее мнѣнїе о Венедахъ есть, что они пришли въ Германїю и на берега Бальшійскаго моря въ V сполшшїи; но мнѣнїе сїе онъ ошвергаетъ, какъ родившееся въ неисторическія времена, когда не умѣли различить ни происхождения, ни преселенія какого народа, сдѣлавшагося въ послѣдспвїи извѣсшнымъ своими великими дѣлами, или собшвеннымъ именемъ (Nord. Gesch. s. 116).

лица и русыхъ волосъ (В), едва ли не главнаго

звано *достоѣрныи* сомнительное сказаніе Неспора, что св. Апостолъ Андрей доходилъ до мѣста, гдѣ нынѣ Новгородъ Великій, и нашелъ шамъ Славянъ (Исп. гос. Рос. I, стр. 50, пр. 70; развѣ Венедовъ? пошому что тогда имени Славянъ еще не было (А); а дошовѣрное его сказаніе, что Славяне въ Россію пришли съ Дуная *солнительныи*).

Вообще все, что ни говоритъ П. М. Карамзинъ о Венедо-лашыхъ, наполнено сомнѣніями и противорѣчіями; да шакъ и должно бытъ, когда нѣтъ ничего вѣрнаго. Вездѣ: *ежели, вѣролно, можетъ быть* (Т. I, стр. 15, 31; ешо ли языкъ испорика?). Только ушвердительно

(А) Ошъ Славянъ св. Апостолъ Андрей ошправился къ Варягамъ, а ошъ сихъ въ Римъ (Библ. Рос. стр. 7); сіе сказаніе показываешъ шолько, что морскіе и сухопутные походы Варяговъ въ Грецію (о сихъ походахъ см. Nord. Gesch. cap. VII) во время Неспора въ Россіи были еще въ свѣжей памяти. О происхожденіи сказанія вошъ что говоритъ Шлецеръ:, Ипполитъ, ученикъ Иринея, первый сказалъ, что св. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе Скиѣамъ и Фракамъ; а Оригенъ, Дороеей и Никифоръ увѣряюшъ въ шомъ же самомъ. Всѣ разумѣли подъ Скиѣею неизвѣшную землю выше Фракіи, и ближайшую къ Поншу; но какъ черезъ нѣсколко сошъ лѣшъ начало разсвѣшашъ на Сѣверѣ, и сей новой свѣшъ назвали древнимъ именемъ часпицы онаго, Скиѣею, шо св. Апостолъ Андрей долженъ былъ пушешествовать изъ Корсуни въ Кіевъ, и изъ Кіева въ Новгородъ (окончанія сказанія Шлецеръ, видно, не зналъ), и первый обращаешъ Русскихъ и Славянъ (Nord, Gesch. 211).“ Впрочемъ нашъ Геродотъ не взялъ на свою душу сего сказанія, припешъ данъ своему вѣку, передалъ намъ его (шакже, какъ басню Юрья Тароговича, что нѣмой языкъ Югра шрешіи годъ просѣкаешъ гору, и просѣкъ шолько небольшое окошечко (Исп. гос. Рос. II, пр. 64), оговоря однакожъ: „яко жерекоша.“ Какой же кришки больше пребовашъ ошъ уединеннаго жипеля мирной кельи въ XI вѣкѣ? Байеръ въ XVIII приложилъ печать ушвержденія къ сему сказанію (Исп. гос. Рос. I, пр. 66); а Г. Исто-

доказательствъ Европейскаго происхожденія Славянъ (Г).

и сказано: что еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Р. Х. (ш. е. во времена Геродота) было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Ериданъ впадаетъ въ Сѣверный океанъ, и гдѣ живутъ Венеды (Т. I. снр. 14); вошъ сіе мѣсто, вѣроятно переведенное изъ Nord. Gesch. снр. 8: „онъ самъ (Геродотъ) не зналъ ничего вѣрнаго объ ешой самой крайней споронѣ Европы, кромѣ того, что нѣкошорая рѣка, ошъ варваровъ называемая Ериданъ, впадаетъ въ море къ Сѣверу, откуда, какъ сказывали, шолъ яншаръ (гдѣ же Венеды и Сѣверной океанъ? (е);“ и еще въ другомъ мѣстѣ: *Венеды еще до временъ Филипповыхъ были уже извѣстны на берегахъ моря Балтійскаго* (ш. I, пр. 52 (ж); но ешо по-же, что Венеды исконы

риографъ въ XIX пользуется онымъ для сооруженія системы своей о Венедо-лапышахъ, ошвергалъ въ шо же время другое подобное сказаніе Несшора, что св. Аносполы, Павелъ и Андроникъ, были шакже учителями Славянъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 505). Онъ самъ говоритъ: „люди знающіе (ш. е. Шлецеръ; жаль, что онъ не воспользовался его дѣльною кришикою) сомнѣваюшся (совсѣмъ не вѣрншъ) въ истинѣ сего Андрева пушешествія (Исп. гос. Рос. I, пр. 66);“ на что жъ онъ почишаешъ его истиннымъ?

(е) Надобно сказать, что Геродотъ не имѣлъ понятія не только объ Ериданѣ (кошорое названіе Греческое, и выдуманное спихошворцами) и Пруссіи; но и спранахъ Европы, лежащихъ къ западу ошъ Чернаго моря. На пр. онъ пишешъ, что рѣка Испръ вышекаешъ изъ города Пирены, что Кельшы жили за Геркулесовыми сполбами на самомъ краю Европы, и что Испръ течешъ посреди оной (Nord. Gesch. s. 8. anmerk. k.), ш. е. онъ предшавлялъ Европу длиною полосою земли, простирающеюся ошъ Воспока къ Западу, посреди коей текъ Дунай, выходящій изъ Пиренейскихъ горъ; ибо въ имени города Пирены безъ сомнѣнія скриваюшся сіи горы.

(ж) Прошиворѣчье: выше сказано, что Венеды заняли юго-восшочные берега моря Балтійскаго въ половинѣ III шолѣ.

Но откуда Славяне пришли на Дунай? Здѣсь

жили на берегахъ Бальшійскаго моря, и также досто-
вѣрно, какъ древнее преданіе Славенскихъ народовъ о
Сынѣ Филипповомъ (з).

Слѣдующія мысли невольно заславляютъ кришкы
взяшьяся за перо (замѣшьте: въ Логинѣ, также какъ въ

шія; ибо въ сіе время Гошы удалились къ предѣламъ Римской
имперіи.

(з) Такъ названа нелѣпая сказка объ Александрѣ Великомъ,
внесенная невѣждами въ лѣтописи (Исп. гос. Рос. I, пр. 70), а на-
стоящее древнее преданіе о Траянѣ названо сказкою (Исп. гос.
Рос. I, стр. 31). Правда самъ Н. М. Карамзинъ говоритъ: „мно-
гіе вѣрили симъ нелѣпостямъ;“ но въ пр. 69. сказано: „объ Алек-
сандрѣ Великомъ см. пр. 70, также Спанислав. Сарницк. Appa-
les Polonoium, кн. II, стр. 377, Мавра-урбина Исторіографію
народа Славенскаго, стр. 3, и Раича Исторію разныхъ Славен-
скихъ народовъ, изд. Вѣнскаго, I, 5;“ слѣдственно и на сіи не-
лѣпости ссылка. Я не знаю, что Мавро-урбинъ, Сарницкій и
Раичъ пишутъ о дѣлахъ Александра Великаго съ Славянами; но
увѣренъ, что кромѣ басенъ пишашъ имъ нечего. Справно так-
же, что Н. М. Карамзинъ, называя находящееся въ Сл. о пол. Иг.
преданіе о Траянѣ сказкою, въ шо же время защищаешъ его,
какъ истинное.

Замѣшимъ, что въ пр. 70 между прочимъ сказано: „ скоро
ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую (Новгородскую),
осшальные жители ушли на Бѣлыя воды, ш. е. Бѣлоозеро или
Тинное озеро, и назвалия Вешью, другіе на Дунай къ древнимъ
племенамъ своимъ, а въ Словенскѣ (небываломъ городѣ) и въ
Русѣ общаши шогда одни дикіе звѣри. Черезъ нѣкоторое время
Словени возвратились на берега Волхова, и привели съ собою
многихъ Скивовъ и Болгаровъ; но скоро Бѣлые Угры явились
въ спранѣ ихъ и раззорили оную до конца. Тогда Словени Чер-
номорскіе, услышавъ о раззореніи опечешвенной земли своей,
опять пришли шуда, и пр.“ Не шо ли же самое пишешъ Н. М.
Карамзинъ въ своей исторіи: „но вѣрояшно, что Славяне, уг-
нѣшенные ими (Болгарами), опчасши дѣйшвительно возврати-
лись изъ Мизіи къ Сѣвернымъ своимъ единоземцамъ (Т. I, стр. 31).“

мрачный свѣспильникъ Кліи не озаряетъ болѣ

Машемашикѣ, одна истина происпекаетъ изъ другой; а пущыя предположенія ведушъ къ шаковымъ же заключеніямъ): „но если и добродѣтели, и пороки *народные* всегда происходяшъ ошъ нѣкошорыхъ особенныхъ обшояпельствѣ и случаевъ, шо не можно ли заключишъ, что Славяне были нѣкогда облагошворены иноспранцами, что признашельность вселила въ нихъ любовь къ гостепримству, а время обрало его къ обыкновенію и законѣ священнѣй? . . . Здѣсь предшавляюща мыслямъ нашимъ славныя Финикіяне, кошорые за нѣсколькѣ вѣковъ до Р. Х. могли шорговашъ съ Бальшійскими Венедями, и бышъ ихъ насшавниками въ счасшавыхъ изобрѣшеніяхъ ума гражданскаго (Исп. гос. Рос. I, 60).“ Какое уваженіе къ нашимъ заключеніямъ послѣ сего будшъ имѣшъ чшашели (не говорю уже о шорговлѣ Финикіанѣ съ Венедями, ничѣмъ недоказанной)? Сѣмя добра насаждено въ сердце наше самимъ Творцемъ; гостепримство свойшвенно всякому необразованному народу; ешо добродѣтель, украшающая общество больше въ младенчествѣ, нежели въ совершенномъ возрастѣ. Древніе Евреи, Греки, Каледонцы и Славяне шоль же священнымъ почитали гостепримство, какъ нынѣшніе Аравшяне, Черкесы и Черногорцы.

Но пора кончишъ ешо длинное и для другихъ ушомшительное замѣчаніе; мнѣніе Н. М. Карамзина о Венедолашьяшяхъ, пли обѣ Европейскомъ происхожденіи Славянѣ, нимало не ошнимаешъ надлежащаго достошнства у его исторіи. Жаль шолько, что онѣ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія послѣдовалѣ Шлецеру, челѣвѣку ученому; но упорному въ своихъ мнѣніяхъ и пршспрашному до крайности.

(В) Вошъ мнѣніе мое о происхожденіи слова Русь

широлюбиваго изыскашеля истины, вдохнув-

или *Русская земля*: Волховскіе Славяне прозвались шакѣ ошѣ *русыхѣ* волосѣ; даже слова Нестора: „избрашася 3 брашья сѣ роды своими, и пошша по собѣ всю Русь (ш. е. раздѣлили по себѣ всю Русскую землю; слѣдственно она до нихѣ еще шакѣ называлася, а не то, что они забрали сѣ собою всѣхѣ Русскихѣ людей, ш. е. Варяговѣ. Несторѣ сказалѣ уже сѣ кѣмѣ шри браша пришли кѣ Славянамѣ: сѣ роды своили),“ какѣ будшо прошиворѣчашѣ прежнему его сказанію: „и пошша за море кѣ *Варягомѣ, Руси.*“ Памяшь, ошѣ чего *Русь*, или Русская земля, получила названіе, совершенно погибла; ошчалось одно преданіе, что Варяги положили начало ей; шакимѣ образомѣ: *и отѣ тѣхѣ Варяговѣ, находниковѣ прозвашася Русь, и оттолѣ словетѣ Русская земля.* Не забудьше, что Несторѣ писалѣ свою лѣтопись спуща 250 лѣшѣ послѣ сей эпохи; что помнимѣ мы о Царѣ, Иванѣ Васильевичѣ? Всякое словесное преданіе смолкло.

Замѣшимѣ, что почти всѣ имена Славенскихѣ племенѣ и самыхѣ рѣкѣ, гдѣ они усѣлись, упоминаемыя Несторомѣ, могушѣ бышѣ удобно произведены изѣ Славенскаго языка; я приведу нѣсколько шакowych примѣровѣ: 1) *Днѣпрѣ* или *Днипрѣ* (Малороссіяне и нынѣ произносяшѣ *ѣ*, какѣ *и*), ошѣ *дна* (начало *днѣ*, или *дни*; буквы *е*, *и* сушь измѣненія полугласной *ѣ*) и *пратѣ*; поелику вода *претѣ* сѣ великимѣ шшремленіемѣ вѣ пороги, или каменя, лежащіе на *днѣ* (Зап. Зуева, стр. 253). 2) *Днѣстрѣ* или *Днистрѣ*, шакже ошѣ *дна* и *стиратѣ*; поелику вода вѣ своемѣ шшремленіи, вѣрояшно, *стираетѣ*, или ворошишѣ со *дна* каменя. 3) *Донѣ*, 4) *Дунѣ* или *Дунай* (*ай* прибавочной, ничего незначащій слог; можетѣ бышѣ приѣвѣ), вѣ сущес-

шей въ него мысль пишеть сіи строки; здѣсь

шѣ одно и то же имя, и также происходить отъ *дна*; буквы *о*, *у* суть измѣненія полугласной *ѵ*, на пр. *Бѣгѣ*, *Богѣ* или *Бугѣ* (а); *дѣбѣ*, *дубѣ* или *добѣ*, ш. е.

(а) Н. М. Карамзинъ пишеть въ своей исторіи, ш. 1, пр. 182: „Ломоносовъ (а за нимъ и Леклеръ), основываясь на повѣстии Славянъ о божественности рѣкъ, думалъ, что самое имя Вышняго Существа, Богъ, происходитъ отъ Буга, мысль совсѣмъ невѣроятная (напрощивъ слишкомъ вѣроятная; такъ у Финновъ имя Божіе Юмала произошло отъ главнаго идола ихъ Йомала; поелику надобно же было произвести изъ ихъ языка имя истиннаго Бога, котораго они не знали)! Славяне поклонялись Творцу и Міроправителю безъсомнѣнія гораздо прежде, нежели рѣкамъ.“ Но чѣмъ онъ ешо докажеть? Прокопіемъ; но была ли возможность секретарю Велисарія изслѣдывать духовныя мнѣнія варварскаго народа, котораго языка онъ даже не зналъ? Множество Славянскихъ языческихъ боговъ, и въ томъ числѣ имена рѣкъ Немизы (идолъ Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и воздухомъ; но имя его доказывають, что онъ былъ изображеніе Немизы, или цѣлѣшняго Неменя) и Буга противное тому доказывають. Можеть быть Славяне (Днѣпровскіе) и воображали, что ешо было какое то невидимое Существо, производящее громъ и молнію, почему и назвали его Перуномъ (отъ гл. перу, см. пр. 123, бук. а, употребительнаго и нынѣ въ неопред. накл. переть, и въ сложныхъ: упереть, подпереть; а не отъ Индѣйскаго праздника, Перунъ-Понголь, ш. е. Великій Понголь, Исп. гос. Рос. VIII, пр. стр. 129. Кшо доказалъ, что Славяне вышли изъ Индіи?); но чтобы они присоединяли къ сему понятію (слишкомъ философическія для народа варварскаго) о Творцѣ и Міроправителѣ, сего еще заключить не лзя. Короче, еспьлибъ они ихъ имѣли, то понятія сіи заключались бы въ самомъ словѣ Богъ, какъ у Евреевъ въ словѣ Іегова.

Вошь еще доказательство, что Богъ и Бугъ одно и то же слово (напередъ замѣшимъ, что буква *г*, которая нынѣ имѣеть звукъ Лапинской *g*, въ старину произносилась, подобно *к*, на пр. *кдѣ*, вмѣсто *гдѣ*, см. Рус. Прав. Кза, вмѣсто *Гза*, пошь

долженъ онъ спраншвовашь въ шуманной

добль или *добрь* (буквы *л*, *р* измѣняюся одна на другую); *дѣхъ*, *дохъ* или *духъ*; *вѣздѣхъ*, *вздохъ* или *воздохъ*; *сѣбль*, *столъ* или *стулъ* (Исх. гос. Рос. II, пр. 555); *мѣшка*, *лошка* или *мушка*; *бѣй*, *бой* или *буй*; *мѣравь*,

же, что и *Гзакъ*, упоминаемый въ Сл. о пол. Иг. Кююкъ или *Каюкъ*, вмѣсто: *Гаюкъ*, см. Исх. гос. Рос. III, пр. 71, IV, пр. 8; *книга*, вмѣсто: *гнига*, см. Спис. Рус. памят. спр. 57). Я нашель, что Славенская азбука, кромѣ просаго названія буквъ, заключаешь въ себѣ смыслъ; первоначальное ихъ названіе, вѣроятно, было слѣдующее: *Азь*, *Букъ* (или *Бугъ*), *Вѣдю* (въ проспор. и нынѣ: *вѣду*), *Глаголю*, *Добро*, *Ешь*, *Живешь*, *Земля* *Иже*, *Г*, *Како*, *Люди*, *Мыслешь*, *Нашь*, *Онъ*, *Покой*, *Рцю*, *Слово*, *Твердю*, и пр. ш. е. я Бога вѣдаю, глаголю: добро ешь (шому), живешь (въ древ. Слав. грам. вин. пад. сходень съ имениш. и живешь что, а не на чѣмъ) на землѣ кшо и, какъ люди, мыслишь; нашъ Онъ (ш. е. Богъ) покой рцю, Слово (ш. е. имя Божіе; переводъ Греческаго *Логосъ*) швержу, и пр. Мысль весьма приличная для того, кшо позналъ истиннаго Бога, и спашь мыслишь, подобно людямъ, ш. е. посредшвомъ письма изображашь свои мысли. Сей смыслъ Славенской азбукѣ данъ безъ сомнѣнія въ подражаніе Еврейской, въ кошорой св. Иеронимъ находилъ шашшвенной смыслъ (Hier. ep. ad. Paulam de alphab. hebr. ps. CXVIII).

Докшоръ Аншонъ производилъ слово Богъ ошъ бѣгу, или бигу; по его мнѣнію бѣгъ, или движеніе Небеспыхъ шѣль сообщило, какъ Грекамъ (*Θεος* шакже ошъ гл. *θέω*, бѣгу,) шакъ и Славянамъ понятіе о Вышнемъ Сущешѣ. Конечно буква и измѣняешя на о, и Богъ удобно можетъ бышь произведено ошъ бигъ; по спранно, что два народа, шакъ хипро и шакъ согласно, мыслили при избрѣшеніи слова Богъ, когда два человѣка рѣдко шакъ согласно мысляшь.

Говорилъ ли о производшѣ слова Богъ Кушенинскаго лексикона (спр. 253) ошъ богатъ? многосложныя слова происходилъ ошъ односложныхъ, а не односложныя ошъ многосложныхъ; и пошому гораздо вѣрояшнѣе, что богатъ произошло ошъ Богъ.

области догадокъ и соображеній. Щаспливъ, морав или мурава, шрава (ошъ ешого мравий или муравей, чшо въ шравѣ водихся, а не ошъ слураго цвѣша, Изв. Рос. акад. IX, 92; кошорое древнѣе: мравий или муравей? и пошому корня должно искашь мравію; да и муравей ближе къ муравѣ, нежели къ слурой). 5) Дулѣбы или Долѣбы, такъже Дулѣбское или Долѣбское озеро (Исп. гос. Рос. II, пр. 536), ошъ дѣль, дуль или долъ. 6) Древляне ошъ древѣ. 7) Ильмерѣ (такъ въ древн. сп. Неспора), ошъ ила и лѣрять; поелину видно лѣрляли глубину дна его, кошорое илогато: при семъ ксиаши замѣшишь, чшо древнее названіе Волхова, шекущаго изъ сего озера, было Мутная (Исп. гос. Рос. I, пр. 70). 8) Кривичи, ошъ кривь или кровѣ (живущіе подѣ кровами или въ шалашахъ); буква и или ы измѣняется на о, на пр: пливу или пльиву, плову; сливу или слыву, слову (ошъ ешого словутой или пресловутой); видимый, видомый (см. Месія правдивый, предмова, сшр. 2), и всѣ прилагательныя, кончащіяся въ Славенскомъ языкѣ на ий или ый, а въ Русскомъ на ой. 9) Морав, рѣка, по ксей прозвались народѣ и сшрана Морав и Моравія, ошъ Морав или Мурава, шрава. 10) Полота, рѣка, по коей прозвались Полочане, ошъ полоть (шо же, чшо полшовски лата, расчищашъ; по предлогѣ, а корень лоть или лать). 11) Поляне или Поляки; ошъ полей. 12) Полоряне, ошъ полорья, морской берегѣ, кошорыхъ Нѣмцы преврашили въ ромперн, а мы уже въ новѣйшія времена въ Померанію. 13) Сѣвера или Сивера, ошъ сѣверной сшраны или сѣвернаго, холоднаго вѣшра, называемаго и нынѣ въ просторѣчїи сиверѣ. Послѣ сего уже ли Русь, одно изъ главныхъ Славенскихъ племенъ, сидѣвшее у Волхова, будешъ происходишь не изъ Славенскаго языка? или развѣ Финское Руотсѣ, или еще Ротсѣ, какъ называютъ Финны Шведовѣ, имѣешъ болѣе сходства съ Русь,

еспыли хошя нѣкій шускый лучь вѣрояш-

чѣмъ Славенское *русь* или *русѣ*? Городъ *старая Руса*, построеной вѣрояшно до Гюрика, и рѣка *Порусья*, въ Новгородской губерніи, названная безъ сомнѣнія отъ Славянъ при ихъ въ томъ краю поселеніи, свидѣтельствуютъ также, что имя *Руси* извѣстно было прежде.

(Г) Гашпереръ ясно доказываетъ, что Язиги (Аланъ и Роксоланъ я не признаю имъ единоплеменными) пришли изъ Азіи въ Европу лѣтъ за 80 до Р. Х. (Ист. гос. Рос. I, пр. 20); слѣдственно, когда Прокопій и Маврикій свидѣтельствовали о Славянахъ VI вѣка, что они *всѣ* русые волосомъ (хошя и нынѣ не лзя ешого сказать), що пребыванію ихъ въ Европѣ минуло лѣтъ 600. Въ сей періодъ легко могли они, живши даже на берегахъ Дуная, отъ смѣшенія съ Европейцами и отъ суровости климата (Рейнъ и Дунай тогда также замерзали, какъ нынѣ Волга или Нева, the Hist. of the decl. and fall of the rom. emp. I, 285) приобрести русые волосы и Европейскую бѣлизну лица.

Въ Вѣст. Евр. СХ, 275, напечатана любопытная статья о *Спорахъ и Норикахъ, древнихъ именахъ Славянъ*; сочинитель ея, Г. Бушковъ извѣщаетъ Арменскимъ языкомъ названіе *Спори*, которымъ по свидѣтельству Прокопія назывались прежде Славяне и Аншы (Изв. Виз. ист. I, стр. 15), и которое до сихъ поръ оставалось безъ всякаго извѣщенія. Г. Бушковъ указываетъ на жилища Споровъ въ Сѣверной или Кавказской Арменіи, гдѣ нынѣ Тифлисъ, Ахалцигской пашалыкъ, Сомхети и Бамбени; далѣе, что Геродотовы *Саспири*, жившіе въ соседствѣ съ одной стороны съ Колхами, а съ другой съ Мидами (Геродот. кн. VIII), и Аполлоніевы *Санири* (Аргонав. кн. II, ст. 597) едва ли не Прокопьевы *Спори*.

ноши опразишь и прольешъ на него дружелюбной свѣтъ свой.

Первое извѣстіе о Славянахъ въ Византійскихъ историкахъ находимъ подъ годомъ 495; они являюся народомъ сильнымъ и многочисленнымъ; одно ихъ имя показываетъ уже ихъ знаменитость, приобрѣтенную безъ сомнѣнія побѣдами. Сіе имя заспавляетъ пакже думашъ, чшо они не всегда носили оное; сверхъ того: какимъ образомъ очутился вдругъ столь многочисленной и знаменитой народъ, о которомъ прежде ни слова не упоминалось? Безъ сомнѣнія онъ извѣстенъ былъ подъ другимъ именемъ; *подъ какимъ же?*

Когда Плиній написалъ свою натуральную исторію въ 79 году по Р. Х. (L. IV, с. 25), по *Язиги*, варварской, Азіатской народъ, кочевали

Естьли Славяне въ самой глубокой древности назывались *Норици* (а не *Норики*; сіе будетъ происходить отъ страны *Норикулъ* или *Норикъ*, и значить: жители *Норика*, копорые были Кельшты или Галы, Ист. гос. Рос. I, пр. 65), какъ пишеть Песшоръ (Библ. Рос. спр. 6), шо названіе сіе должно происходить изъ ихъ языка (отъ *норы*, *иць* же, или *ичь* есть грамматическое окончаніе; шавъ: *Русиць* или *Русичь*, *Святъславлиць* или *Святъславличь*, и пр.) и значить: *живущихъ въ норахъ* или *землянкахъ* (нынѣ по шой же самой причинѣ *поркою* называется одинъ водоземной звѣрокъ), шо же, чшо Греческіе *Троглодиты*, или Арменскіе *Спори*, какъ толкуеть Г. Бушковъ. Миѣ могушь возразить: *почему жъ Язиги не назывались Норицали?* вѣроятно по шому, чшо они составляли уже *языкъ*, и жили не въ землянкахъ.

на берегахъ Тибиска, или нынѣшняго Тейсса, въ Венгріи; во время же Спрабона и Овидія, назадъ тому лѣтъ 60 или 70, ш. е. въ 19 или 9 г. по Р. Х. повидимому жили они за Гепсами, по берегамъ Чернаго моря. Сіи Язиги, народъ многочисленной и воинственной, едва ли не были Славяне, и вошъ доказапельства: 1) ихъ имя чистое Славенское, нимало неиспорченное Римлянами (Jazigae); 2) нѣшъ ничего напуральнѣе, что Славяне, какъ самые грубые варвары (Д), не умѣли собшвенно назвашь себя, а назывались вообще *языкъ* или народъ, кошорое нарицательное имя Римляне обрапили въ собшвенное, пажке какъ Греки и самые Славяне, или правильнѣе *Славени* (какъ и дѣйствительнѣе пишущся въ лѣшописяхъ, кромѣ буквы о), прилагательное *славни* или *славные* (Е), какъ сами они назвались, сдѣ-

(Д) Прокопій пишеть, что они жили въ шалашахъ, въ безпорядкѣ разбѣянныхъ, въ бой ходили по большой части пѣшіе, лашъ никогда не носили, а пные сражались даже полунагіе (Изв. Виз. ист. I, 14, 15).

(Е) Правда во всѣхъ древнихъ лѣшописяхъ называется *Словени*, въ Венгріи *Словаки*, въ Богеміи *Славяне*, въ округѣ Цилли, что въ Шшейрмакѣ, *Словенци*; но причиною сему Славенской выговоръ, кошорой вообще на о, на пр: *Прове* (богъ суда), *Троянѣ*, *Коганѣ*, *Козары*, *Овары*, *олтарь*, *козанѣ*, *поганый*, и пр. вмѣсто: *Праве*, *Траянѣ*, *Каганѣ*, *Хазары*, *Авары*, *алшарѣ*, *казакѣ*, *паганый*, и пр. въ лѣшописяхъ сряду встрѣчается и въ просшорѣчии говорится: *Олексей*, *Оидрей*, *Оитонѣ*, *Овонасей*, *розбой*, *роздѣлѣ*, и пр. а что имя Славянѣ происходитъ отъ *славы*, то доказываютъ: 1) народныя

лавшись въ послѣдствіи шаковыми черезъ свои

имена Русскихъ, Польскихъ, Чешскихъ, Сербскихъ и Моравскихъ Славянъ: *Святославъ*, *Ярославъ*, *Мстиславъ*, *Болеславъ*, *Мечиславъ*, *Владиславъ*, *Доброславъ*, *Самославъ*, *Вѣцеславъ*, *Влаславъ*, *Ростиславъ*, и пр. 2) Иностранные писатели, кои называютъ ихъ *Склавици*, *Склави*, *Скалаваци*; первоначально *Славени*; ибо у Грековъ нѣтъ ни одного слова, начинающагося съ Σλ (Nord. Gesch. 221).

Мишрополисъ Сестренцевичъ производить имя Славянъ отъ Греческаго *склавоу*, невольникъ: Язиги вооружили своихъ рабовъ для защищенія себя отъ Готтовъ; но рабы Язиговъ (вѣроятно ихъ плѣнники) обратили оружіе противъ своихъ господъ, и выгнали ихъ изъ обитаемой ими земли; почему Греки и назвали ихъ *Склави* (Ист. Цар. Херс. Тавр. II, 11). Предоставляя судить читателямъ: сообразно ли съ чѣмъ нибудь такое производство? я замѣчу: 1) Славяне были издревле народъ свободной и вольной: „*никому во всей вселенной не привести насъ себѣ въ подданство*,“ говоритъ гордый ихъ вождь, Лавриша посламъ грознаго Баяна, требовавшимъ отъ него дани, а не только, чшобъ Славяне были рабами Славянъ же; *мы обыкли у другихъ отнимать земли, а своихъ никому не далимъ исторгнуть, доколѣ въ свѣтѣ не выйдутъ изъ употребленія меча и войны* (Изв. Виз. исх. I, 44). “ 2) Готы перешли черезъ Дунай при Императорѣ Деціѣ въ самой половинѣ III вѣка, а Греки узнали имя Славянъ въ исходѣ V. 3) Древнѣйшіе Византійскіе историки: Прокопій Кесарійскій, Менаандръ Пропекторъ и Теофилактъ Симонашша называютъ Славянъ *Σκλαβηνοι* и *Σκλαβινοι*; слѣдственно вѣроятно, что *Σκλαβι* сокращены или изпорчены изъ *Σκλαβινοι*.

Во Французскомъ подлинникѣ (Histoire de la Tauride).

войны; 3) гдѣ и когда нахожу Язиговѣ, пушѣ же

сочинитель производилъ имя Славянъ также отъ *славы* (а въ переводѣ отъ *рабства*; какая противоположность!): „во мнѣніяхъ о происхожденіи народовъ конечно больше заблужденія, нежели во всякомъ другомъ; ибо истина исчезаетъ въ ночи времени; но *четырнадцать* вѣковъ прошло, какъ мы господствуемъ отъ Тихаго океана до моря Бальшійскаго (Русскіе покорили Камчатку въ исходѣ XVII; гдѣ жѣ пушѣ *четырнадцать* вѣковъ?) вѣчно подѣ именемъ Славянъ, производя отъ *славы*, принадлежащей нашему *языку* (à notre langue). Иностранцы не назвали бы насъ такимъ славнымъ именемъ (иностранцы не знали нашего языка); но той же самой причинѣ ошцы наши не осмѣлились бы такъ назваться (Hist. de la Taugide, II, 13).“ Французской подлинникъ печатанъ въ Брунсвикѣ 1800, а Русской переводъ въ С. Пешербургѣ 1806 года передъ глазами самаго автора; слѣдственно оной должно починать вшорымъ, исправленнымъ изданіемъ. И такъ я долженъ былъ почтеннаго сочинителя защищать отъ него самого.

Другіе ученые думаютъ, что имя Славянъ происходитъ отъ *слова*, и значилъ *людей словесныхъ*, что будшо они сами такъ назвались въ противоположность *Нѣмцамъ* (Вѣсп. Евр. СІХ, 178), ш. е. *нѣмыль*; но сколько понятіе о славѣ просхо и естественнo, сколько о словѣ хитро и искусственнo. Народы варварскіе снрастно любятъ славу, и часшо хвасшливѣе народовъ просвѣщенныхъ; при томъ мы называемъ *нѣмыль* и шого, кошорой лепечетъ или бормочетъ, такъ что шрудно разобрать; и въ семъ шо смыслѣ, я думаю, Славяне назвали Тевшоновъ или Теушшей, *Нѣмцами* (слово весьма древнее; оно встрѣчается уже въ Ярославовомъ *уставѣ о мостахъ*, Пеш. гос. Рос. II, пр. 108):

и около того же времени нахожу Славянъ (Ж); 4) въ концѣ V вѣка исторія замолчала объ Язигахъ (Исп. гос. Рос. I, стр. 18); въ то же самое время гремишь въ ней знаменитое имя Славянъ.

Байеръ, сей вшорой Рудбекъ, между прочими своими мечпаніями (З), почишаешъ Рим-

Югра же языкъ есть нѣль, ш. е. лепечущій, бормочущій (а не *шоплеменный*, Исп. гос. Рос. II, пр. 64; ешо полкуешъ Шлецеръ); здѣсь ясно, что *Нѣмецъ* происходишь ошъ *нѣмль*, а не ошъ Германскихъ *Неметовъ*, о кошорыхъ Славяне вѣрояшно никогда не слыхивали.

(Ж) Около 79 года по Р. Х. Язиги пришли на берега Тейсса въ Венгрію; въ началѣ II вѣка Императоръ Траянъ воевалъ съ Гешами и Славянами (см. выше, стр. 105) въ Дакии. Сюда же ошносится Нешорово сказаніе, что Венгрія издревле была жилищемъ Славенскихъ народовъ; почему преимущественно называется у него *Славенскою землею* (Исп. гос. Рос. I, пр. 65).

(З) Такъ почишаешъ онъ Ериданъ Церодовъ *Западной Двиной*, а самое имя онаго происшедшмъ ошъ небольшой рѣчки въ Пруссіи, *Рудены*, *Родауны* или *Раддуны* (и Шлецеръ съ важностію защищаешъ ешошъ бредъ, Nord. Gesch. 8, анмерк. m); Чудь Нешорову *Скивами* (Nord. Gesch. 493; шеперь мы узнали кого древніе разумѣли подъ именемъ Скивовъ), Нешоровыхъ же Касоговъ *казаками* (Nord. Gesch. 511, 526); основатель Кіева *Кія Климовъ*, Готскимъ Царемъ, восставшимъ въ Венгріи противъ Императора Деція (Исп. гос. Рос. I, пр. 71); Варяга Аскольда *діаролъ* или *діяролъ*, что значишь: первое на Скандинавскомъ или Готскомъ языкѣ *вельможа*, *полководецъ*; вшорое на Нозарскомъ или Турецкомъ *собраніе домовъ*. Нешоръ не разумѣлъ ни поскандинавски, ни показарски, и шакимъ

скихъ Языговъ Русскими *Ясами* (Nord. Gesch. 511); Н. М. Карамзинъ къ сему мнѣнію Байера прибавилъ ошъ себя доказательство, что въ Лапшинской надписи Адриановыхъ временъ (Императоръ Адрианъ царствовалъ 117—138 г. по Р. Х.), найденной въ Трансильваніи, Языги, названы *Яссіями* (Исп. гос. Рос. I, пр. 388; на что жъ въ пользу своего мнѣнія превращае въ *Ясовъ*?). Очень вѣрю, что безграмотной Префектшъ, какихъ довольно было, ешъ и будешъ, превратилъ ошъ невѣжества Языговъ въ Яссіевъ; но чтообъ побѣжденные въ 966 г. Святославомъ I *Ясы* были шѣ же, чрезвычайно сомнѣваюсь; разстояние времени имѣша слишкомъ далеко, и кромѣ ничтожна-

образомъ у него вышли два Варяга, Аскольдъ и Диръ (Исп. гос. Рос. I, пр. 282), дѣда Владимірова по матери (Ольгиной ключницы), Малка, *Мелхольдъ*, ш. е. *Царельдъ* какъ, значилъ ешо слово на Еврейскомъ и Арабскомъ языкахъ, Любечь же, откуда Малко былъ родомъ, Байеръ ошодвигае въ ссѣдство къ Козарамъ (Nord. Gesch. 511); такимъ образомъ Владиміръ и по матери сталъ Царскаго происхожденія. Имя Москвы ошъ *москаго* (мужскаго; ешолъ *мостковъ* *черезъ рѣку Смородину*) монастыря, а московской ошъ *мусъ* и *мусикъ*, мужъ, мужикъ (Исп. гос. Рос. II, пр. 501). Но ешо забавляе чпшателей; и объ ешомъ человекѣ Шлецеръ говришъ: *явно заблуждаетъ; но остается тотъ же великій Байеръ* (irret augenscheinlich, und bleibt doch der grosse Bayer, Nord. Gesch. s. 319, англ. I; какое приспращіе!), а объ нашемъ знаменитомъ соотечественникѣ Ломоносовѣ: *никакой неученой Ломоносовъ* (kein ungelehrter Lomonossov, Nord. Gesch. h. s. 491, англ. J), Грамматику же его, которая и теперь изъ лучшихъ

го сходства имени (И), произшедшаго отъ порчи, между сими двумя совершенно различными народами не вижу никакого отношенія (I). Попомки Русскихъ Ясовъ, *Осетинцы* и нынѣ гнѣздящся въ Кавказскихъ горахъ; попомки Римскихъ Язиговъ, *Словаки* и нынѣ живущъ на Дунаѣ.

(30) Г. Волковъ думаетъ, что Велесъ есть пришлое къ намъ божество, и можетъ быть изъ спранъ самыхъ отдаленныхъ, что Халдейской *Бель* и Германской (Гальской) *Беленусъ* одно и то же имя съ Славенскимъ *Велесомъ*, и что подъ

называетъ *плохою* (eine elende Grammatik, Nord. Gesch. s. 331, англ. з; какая несправедливость!):

Tant de fiel entre-t'il dans L' ame des *savants*?

(II) Сходство имени ничего не значить, когда оно не подкрѣплено никакими историческими доказательствами; самъ Н. М. Карамзинъ приводитъ етому примѣръ довольно забавной: „Шпришшеръ думалъ, что *Ясы* столица Молдавіи построена народомъ *Ясали*; а Каншмиръ, шамоній уроженецъ, пишетъ, что ее построилъ Стефанъ V, Молдавской Господарь, и назвалъ такъ отъ бывшей на томъ мѣстѣ мѣльницы, коей хозяинъ прозывался *Ясій* (Ист. гос. Рос. изд. пер. IV, пр. 157).“

(I) Язиги то же, что *Ясїи*; Ясїи то же, что *Ясы*; Ясы то же, что *Алане* (Ист. гос. Рос. I, пр. 588); Алане и *Роксолане*, какъ очевидно происходятъ отъ одного корня: *алинъ*, поманжурски *гора* (Ист. Цар. Херс. Тавр. I, 423); при томъ же Римскіе историки удословляютъ, что всѣ шри народа были одного Сармашскаго племени. Но есть ли второе же звено сей цѣпи порвалось, а Сармашы небывалое племя? то вся система *Язиго-алановъ* мгновенно рухнула.

онимъ разумѣлось *солнце* (Вѣсп. Евр. CVIII, 179 и слѣд.). Нѣшѣ, у Халдѣевъ *Белъ* или *Вилъ* (а не *Велъ*, какъ испорченно называется Г. Волковъ, чшобѣ сдѣлашь изѣ него *Велеса*) значило *Господь*, и они разумѣли подѣ нимъ Творца неба и земли, а не солнце (*Oeuvres complètes de Fréret*, XII, 9). Вразсужденіи Гальскаго Беленуса замѣчу: 1) религіи Галовъ и Славянъ не имѣюшѣ между собою никакого опношенія и нималѣйшаго сходства; 2) по словамъ самаго Г. Волкова Беленусѣ означало у древнихъ Германцовъ (Галовъ) солнце, а изѣ названія Бояна *внукомъ Велеса* ешѣли можно заключишь, чшо Велесѣ у Славянъ былъ шо же, чшо Аполлонъ у Грековъ, шо въ смыслѣ *бога Музъ* или *Поезій*, а не солнца. Г. Волковъ говоритъ, чшо Германскаго Беленуса иные производяшѣ опѣ *ваалъ-Еноса* (шакъ доберемся и до *Ваала*), чшо значишь *древній Еносъ*, котораго Ессеи и Маккавейцы почипали за своего начальника; другіе же напрошивъ опѣ Халдейскаго *Бела*. Кѣ чему такаа роскошь учености? какое опношеніе имѣюшѣ Евреи или Халдеи кѣ Славянамъ, которые народъ новой? Не ближе ли будешѣ искашь корня слова *Велесъ* въ собственомъ ихъ языкѣ.

Фререшѣ, говоря о надписяхъ древнихъ Еспрусковъ, исполкованныхъ нѣкоторыми учеными со всѣмъ произвольно (при чѣмъ употреблены ими *Латинской*, *Грегеской* и *Еврейской* языки) справедливо замѣчаешѣ, чшо сѣ помощію подобныхъ вольностей можно сѣи надписи произвеспи изѣ *нижне-Бретонскаго*, *Бискай-*

скаго, Мексиканскаго, и какого хочешь языка (Oeuvres complètes de Fréret, XIV, 258). Кажется можно по же сказать и о произведении слова *Велесъ* отъ словъ: *Белъ*, *Беленуцъ* и *вааль-Еносъ*.

Другой, нѣкто *Н. П.*—й думаетъ, что *Боянъ* названъ внукомъ *Велесовымъ* по *дѣдушкѣ* *своемъ* (Г. Бупковъ сего же мнѣнія; Вѣспн. Евр., CVIII, 44, CXXI, 57), замѣчая при томъ, что авторъ *Сл. о пол. Иг.* будучи *хорошимъ* Христіаниномъ, за грѣхъ бы пославилъ названъ *Бояна* сыномъ (внукомъ) языческаго бога. Но какъ сіи господа не припомнили, что авторъ въ другомъ мѣстѣ называетъ въ-провъ *внуками* *Стрибожа*, а Русской народъ *внукомъ* *Даждьбожа*, копорые оба были языческіе боги; въ такомъ же почно смыслѣ названъ *Боянъ* *внукомъ* *Велеса*.

Велесъ и упоминаемый *Неспоромъ* *Волосъ*, богъ скоповъ (Библ. Росс. спр. 26), есть безъ сомнѣнія одно и то же имя; буква *е* въ просторѣчїи измѣняется на *о*, *шелъ*, *шолъ*; *жегъ*, *жогъ*; *счешъ*, *сготъ*; *щекотъ*, *щокотъ*; *шеломъ*, *шоломъ*; и *Велесъ* есть чистое Славенское имя отъ слова *велий* (такъ *кѣнесъ* отъ *кѣнь*, конь, см. пр. 97), *есъ* же (вѣроятно въ самой глубокой древности), или *ецъ* есть грамматическое окончаніе, на пр: молодой, *молодецъ*; удалый, *удалецъ*; и пр. Древніе Славяне вели въ *Дакїи* жизнь пастушескую; пѣснопворство совмѣстно съ оною, и покровишель *спадъмогъбышь* и покровишелемъ пѣсношворцевъ. Простой народъ признаетъ св. *Власїя* (въ просторѣчїи *Власа*) въ первомъ достоинствѣ, очевидно,

опѣ сходства имени его съ языческимъ *Велесомъ* или *Волосомъ*; симъ послѣднимъ въ старину называли и *Власа* (Исп. гос. Рос. II, пр. 210, III, пр. 331; также почто измѣняющся: власъ на головѣ, *волосъ*; хладъ, *холодъ*; гладъ, *голодъ*). Опѣ ешого же вѣроятно въ Великомъ Новгородѣ одна улица называлась *Волосова* (Исп. гос. Рос. IV, пр. 337), что на ней была церковь св. *Власія*, а не опѣ языческаго бога Велеса, хотя мы видимъ изъ Нестора, что и сей былъ превращенъ также въ Волоса.

(31) Здѣсь видно, что союзники выступили въ походъ изъ Пушिवля, находящагося на половинѣ дороги между Новгородомъ Сѣверскимъ и Курскомъ, копорой былъ у нихъ впереди; потому Всеволодъ и говоритъ брату: *а мои (кони) ти готови осѣдлани у Курьска напереди*. Въ лѣш. по Кен. сп. сказано: „и сняшась (сошлись) у *Переяславля*“; не у Пушिवля ли? за чѣмъ союзникамъ заходитъ въ Переяславль, гдѣ Княземъ былъ Владимірѣ Глѣбовичъ, не участвовавшій въ походѣ.

(32) Въ Кіев. лѣш. иначе: „и порекъ (см. пр. 27) перебрѣде Донецъ (слѣдственно черезъ Донецъ перешелъ Игорь въ бродъ, не доходя до Оскола, черезъ копорой уже послѣ переправился), и *приде къ Осколу* (рѣка, текущая въ Донецъ съ лѣвой стороны, верстахъ въ 12 ниже города Изюма), и *жда два дни брата* (Исп. гос. Рос. III, пр. 69).“

(33) Пер. Изд. говорятъ, что *буй* значить дикой, а *туръ* волъ, или однимъ словомъ *буй-волъ* (спр. 7); нѣтъ, *буй* никогда не значить

дикой, даже и въ сложномъ словѣ *буйволъ*, копорой естѣ домашнее, а не дикое живошное. *Буй* (въ сущности одно слово съ *буйной*, такъ же какъ *бцестъ* съ *буйство*; но оба слова упопреляются нынѣ въ дурномъ смыслѣ), мужественной, сильной; *бцестъ*, мужество, сила; *дикій* же пославенски *дивій*, копорое испорчено сперва въ *диговинной*, а потомъ въ *дикой*. *Туръ* очевидно одно слово съ Лашинскимъ *urus*, и значить по же самое, *зубръ*, родъ дикаго быка, водящагося въ Польшѣ и Ливѣ, и не по, что буйволъ; ибо *зубръ* и буйволъ въ Славенской Библии различены (Вшороз. XIV, 5; на сіе же мѣсто ссылаясь, Н. М. Карамзинъ говоритъ, что *зубръ* и буйволъ одинъ и шотъ же звѣрь, Исп. гос. Рос. II, пр. 413). Всеволодъ названъ метафорически *буймъ* и *арымъ туромъ*, по его чрезвычайной силѣ и храбрости.

Перв. Изд. говорятъ также, что изъ сихъ двухъ словъ, ш. е. *буй*, *туръ* соспавилось пошомъ слово *богатырь*; сомнѣваюсь. Слова поршишъ обыкновенно упопреленіе; но когда *буй*, *туръ* были въ упопреленіи, и при шомъ вмѣстѣ, нераздѣльно, какъ на пр: *буйволъ*? мы находимъ ихъ въ одномъ Сл. о пол. Иг. и по порознь; епипешъ *буй* прилагается къ *туру*, такъ же какъ *арой*. Въ Волынскомъ лѣшописцѣ, жившемъ въ исходѣ XIII вѣка (лѣшопись его кончилось 1292 годомъ, Исп. гос. Рос. IV, пр. 175), слово *богатырь* упопреляется въ смыслъ воеводы, полководца: „Башый ворошился естѣ изъ Угоръ. и ошрядилъ на шя (на Данила Галицкаго) два *богатыря*, Маньмана и Балаа (Исп.

гос. Рос. IV, пр. 45).“ Здѣсь не можешъ бышь , чшобъ слово *богатырь* упошреблено было въ нынѣшнемъ его значеніи *силачъ*; только у Аріоспа ешь такіе силачи, ношорые управляющя съ цѣлыми арміями. Но слѣдующее мѣсто не оспавляешъ уже никакого сомкнѣнія:., въспомяну же Миндовгъ (Вел. Кн. Липовскій), аже Василько Князь (братъ Даніила Галицкаго) съ *богатыремъ* воевалъ землю Липовскую, и посла рашь на Василька, и воеваша около Камени (Исп. гос. Рос. IV, пр. 102);“ Василько воевалъ Липву въ 1259 году съ Тапарскимъ воеводою Бурондаемъ (см. то же 102 пр.). Слѣдственнo *богатырь* ешь слово Тапарское, да съ нимъ довольно сходны Тапарскія имена: *Байдаръ*, *Багадуръ*, *Гастырь* (Исп. гос. Рос. IV, стр. 12). Сей примѣръ показываешъ, что на одномъ сходствѣ звуковъ никакъ не лзя ушверждашь; слова изъ разныхъ языковъ могушь имѣшь совершенно одинъ звукъ, и въ то же время совершенно различное значеніе.

Я осмѣлилсѣ упошребишь *бѣй туръ* во мн. чис. вмѣсто слова *герой*, кошорое хошя и Греческое, но не рисуешъ каршины для воображенія; а Поезія должна бышь *говращею живописью* (а сія *нѣмою Поезією*). Набрашь можно словъ изъ всякаго языка; но когда не знаемъ ихъ корня, то значеніе ихъ будешъ всегда условное.

(34) Первымъ Издашелямъ неизвѣсно было древнее слово *кметъ*, или по старинному правописанію *квметъ*, и пошому они *кв* почли пред-

логомъ и опспавили; онъ чего вышелъ со всѣмъ другой смыслъ. Самъ Н. М. Карамзинъ никакъ не подозревалъ, чшобъ ешо было одно слово, и *свѣдоми кѣмети* перевелъ: *лѣтки въ стрѣлянии* (Исп. гос. Рос. пер. изд. III. снр. 214); но еспь-либъ была сія мысль авшора, шо онъ бы вѣрно сказалъ *свѣдоми въ мети*, а не *кѣ мети* (еспъ-ли шолько слово *метъ* было уже шогда, и имѣло значеніе нынѣшняго *мета*, цѣль); ибо *свѣдомъ* или *вѣдомъ въ земь* и *гдѣ*, а не *кѣ земю*: „вѣдомъ во Іудей Богъ, пс. LXXV, 1“. Значеніе слова *кѣметъ* само собою явспвуешъ; Всеволодъ говоритъ брашу, чшобъ онъ сѣдлалъ своихъ коней, а его уже осѣдланы у Курска, и чшо Куряне его *искусные всадники*. Въ лѣшописяхъ вспрѣчаешся слово *кѣметство* (здѣсь ясно, чшо сіе происходишъ онъ *кѣметъ*), дружина, конной ошрядъ: „и паде головъ о спѣ *кѣметства*“ въ другомъ спискѣ: „головъ ешо *доброименитыхъ* (Исп. гос. Рос. III, пр. 84).“ Сіе показываешъ, чшо слова *кѣметъ*, *кѣметство* вышли уже изъ упошребленія, и ученый перепицикв, или собирашель замѣнилъ послѣднее словомъ *доброименитые*. Путешешшвенникв Віалла де Сомьеръ пишешъ, чшо у Черногорцевъ для прекращенія вражды между двумя домами съ каждой шпороны избираешся по двенадцати почешнѣйшихъ спарцевъ. Сіе собраніе двашцати чешы-рехъ мужей называешся *кмети* (Сынъ опеч. LXXI, 209); но ешо кажешся должно бышъ мн. чис. слова *кметъ*. Какъ иносшранецъ, Віалла де Сомьеръ могъ не знашъ ешого; въ шакомъ

случаѣ *кметь* почерногорски значивъ по же, что *доброименитый* или *именитый* (селянинъ).

(35) Въ перв. изд. было *славѣ*, но сія описка не должна пославлена быти на счѣтѣ авшора; выраженіе: *ищуги себѣ гти, а Князю славы* будешъ повшорено.

(36) Сіе слово *мнѣ* нигдѣ не встрѣчалось, по смыслу же значивъ *стадо*; шавѣ перевели и перв. Изд. но Г. Пожарскій перевелъ *по дорогамъ*; но буква *е* (спезя) никогда не измѣняешся на *а* (спазба). Сіе послѣднее происходивъ вѣроятно отъ гл. *стяжц*; буква *ж* обыкновенно измѣняешся на *з*, на пр: *госпожа, госпозѣ*; *мрежа, мрезѣ*, и пр.

(37) Г. Пожарскій полкуешъ, что *дивѣ* значивъ не филинѣ, а диво или *гудо*, которое представлялось на вершинѣ дерева, и предвѣщало несчастіе не только Игореву войску, но и нѣкоторымъ отдаленнымъ странамъ (жалѣ, что онѣ не сказалъ, какой видѣ имѣло ето чудо). А. С. Шишковѣ находивъ здѣсь иносказательной смыслъ, что подѣ филиномъ разумѣешся *правительство* (замѣшше: *Половецкое*), или *верховная власть, пекущаяся о безопасности народной*, или даже *слава* (Сл. о пол. Иг. Пожар. стр. 46). Цѣль замѣчаній обьяснивъ, а не затемнять авшора; но здѣсь полковашели оказываютъ ему, кажешся, дурную услугу. Нѣшъ ничего просше мысли авшора; крикѣ филина отъ просшаго народа почиашешся и шеперь самымъ несчастнымъ предзнаменованіемъ. Какъ спиховворецѣ, онѣ воспользовался народнымъ суевѣ-

ріємъ, которе въ Поезїи естѣ испочникъ чудеснаго.

(38) А. Н. Оленинъ справедливо замѣшилъ, что суц. *по морїю* и *по Суцїю*, какъ напечатано въ перв. изд. должны находиться слипно съ своими предлогами: *поморїю* (поморью) и *Посуцїю* (мѣста, лежащія по рѣкѣ Сулѣ; шакъ *Посѣмье* отъ Семи, *Поросье* отъ Роси, *Поволжье* отъ Волги, и пр. по А. Н. Оленинъ думаешъ, что ешо нынѣшняя рѣка *Псѣль*, Письм. о кам. Тьмуш. стр. 25.). Здѣсь всѣ суц. им. земли (*незнаемъ*), *Вѣлзѣ*, *Сурожу* и *Корсуню* поставлены безъ предлога *по*; ибо сего пребуешъ гл. *послушати*.

(39) Въ старину *Сурожемъ* называлось Азовское море и запустѣлой нынѣ въ Крыму городъ Судахъ (Исп. гос. Рос. V, пр. 133); здѣсь разумѣешся едва ли не послѣдній. Города: Корсунь, Сурожь или Судахъ, и Тьмушорокань, стояли по берегамъ Чернаго моря одинъ за другимъ.

Н. М. Карамзинъ догадывается, что Сурожское море получило свое названіе отъ народовъ: *Цуровъ*, *Уроговъ*, *Сарацуровъ* (Исп. гос. Рос. изд. пер. I, пр. 41), переходившихъ изъ Азіи въ Европу берегомъ онаго. Отъ сего же моря *Сурожанами* въ старину назывались купцы, торговавшіе шолковыми поварами, получаемыми изъ Азова отъ Генуезцовъ; да и нынѣ въ Москвѣ рядъ, гдѣ торгуютъ оными извѣстенъ подъ именемъ *Суровскаго* (Исп. гос. Рос. V, пр. 32). Въ древнихъ, *Россійскихъ* стихотворенїяхъ встрѣчается:

Суровець богашырь, Суздадецъ,
богашаго гостя, заморенинъ, сынъ.

но я думаю, что богашырь сей не изъ Суздаля, а изъ Суровскаго ряда въ Москвѣ, ш. е. что *Суровець* по же, что Сурожанинъ.

(40) Такъ называли Русскіе *Херсонъ*, но не помнѣ, что стоялъ на Фанагорійскомъ мысу, и запустѣлъ еще до временъ Спратона; а помнѣ, кошораго развалины видны верспахъ въ двухъ ошъ Севаспополя (Ист. гос. Рос. I, пр. 449). Былъ и еще Корсунъ на рѣкѣ Роси, пекущей въ Днѣпръ; но здѣсь не о помѣ рѣчь.

(41) Подъ Тьмушороканскимъ болваномъ разумѣется городъ Тьмушороканъ, находившійся давно уже во власни Половцовъ, кошорые пославили шамъ, можетъ бытъ, какого болвана или идола. Греки называли Тьмушороканъ *Таматархою*, *Матархою* и *Метрахою*, а Нубійской географъ называетъ *Метрехою*. Почти на помѣ же мѣстѣ стояла древняя Фанагорія, столица знаменитаго Воспорскаго царства, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго (Керчинскаго) пролива за 480 лѣтъ до Р. Х. и рушеннаго Понтскимъ Царемъ Миспридапомъ VI, или Евпапоромъ, за 81 годъ до Р. Х.

(42) *Пасти птицъ* (разумѣется дворныхъ) говорится также, какъ *пасти скотину*; сія мешафора есть одна изъ самыхъ упошребительныхъ въ священномъ писаніи: „Господь *пасть мя* (ис. XXII, 1)... мы же людіе его, и овцы *пажити его* (ис. XCIX, 3)... Азъ

есмь *пастырь* добрый, *пастырь* добрый душу свою полагаешъ за овцы (Іоан. X, 11).“ Здѣсь мысль автора такая: *уже птицы слетѣлись, и предвѣщаютъ ему бѣды*, копорую мысль поясняетъ еще слѣдующая: *орли клеткомъ на кости зѣбри зовутъ*.

Осуждашь ли намъ, хвалишь ли автора, что онъ такую проспую мысль выразилъ такъ фигурно? но у него весь слогъ таковъ, да и долженъ быть таковымъ въ поемѣ. Поезію онъ прозы опличающъ не стопы и не рифмы, а мысли и фигуры. Ж. Б. Руссо изобразилъ смерть также въ видѣ пасуха (мысль сія принадлежитъ однакожъ не ему, а Давиду: „яко овцы во адѣ положени сущь, *смерть спасетъ я*“, пс. XLVIII, 15):

Grappe ces vils troupeaux, dont elle est le pasteur.

и Лагарпъ не напрасно восхищается симъ стихомъ; вопи чшо называется:

Donner de la couleur et du corps aux pensées.

Г. е.

И видѣ живыхъ существъ давать воображеньямъ.

(43) См. примѣч. 57.

(44) Въ перв. изд. было напечатано такъ: *Длго. Ногъ меркнетъ*; издатели не знали къ чему опнести нарѣчіе *долго*, оградили его съ обѣихъ споронъ почками, и выпустили въ переводѣ. Сіе выраженіе показалось имъ, видно, непоняшно; но оно шолько чшо необыкновенно, или лучше стихотворно: *долго ногъ меркнетъ*, давно продолжается или идетъ.

Въ Києв. лѣш: „и поидоша (отѣ Оскола см. пр. 32) къ Сальниці (а). Ту спороже прѣбхаша, иже послали языка ловишь, и рекоша: видѣхомся съ ратными нашими (съ непріятелемъ), съ доспѣхомъ вѣдѣшь; да или побѣде борзо (скоро), или вѣзворопимся домовъ... бхаша *грезѣ ночь*.“ Сію по ночь описываешъ, кажеться, здѣсь сочинилъ.

(45) Съ перваго раза покажешъ, что шукъ нѣшъ грамматическаго смысла, и что надлежало бы: *зари свѣтъ запалъ*; шукъ перевели и пер.

(а) Н. М. Карамзинъ почишаешъ рѣку Сальницу нынѣшнимъ *Саломъ*, сославляющимся изъ рѣчекъ: *Юрукъ-сала*, *Кара-сала*, и пр. и впадающимъ въ Донъ (съ лѣвой стороны) близъ Семи-караковской сшаницы (Ист. гос. Рос. III, пр. 70); но Игоревое войско не переходило черезъ Донъ, а иначе къ Салу не лзя придти; сверхъ того за Сальницей оно вспрѣшло еще *Сюурлій* (см. пр. 48), черезъ которую шукже переправилось, и потомъ уже шало ошсунать къ Донцу.

Естьли Каялу почешъ Кагальникомъ, шекущимъ съ лѣвой стороны въ Донецъ, какъ думаешъ Н. М. Карамзинъ (Ист. гос. Рос. III, пр. 70, и я съ нимъ согласенъ), то Сальницу и Сюурлій надобно искать на той же лѣвой стороне Донца (шопографію поемы не худо бы повѣришь на мѣстѣ). Г. Бушковъ почишаешъ Каялу *Калміусомъ*, шекущимъ въ Азовское море (Вѣст. Евр. СХХI, стр. 53); но гдѣ же будешъ Донецъ, къ которому Русскіе ошсунали (см. пр. 60)? Отъ ешого шопографія поемы у Г. Бушкова выходилъ со всѣмъ напрощивъ: по мнѣнію его Игоревое войско переходило не съ правой стороны Донца на лѣвую, а съ лѣвой на правую; Сальницу же почишаешъ онъ *Торцою*, шекущею въ *Торъ*, (будшо бы) древній Сюурлій.

Изд. *зари свѣтъ потушаетъ*; но вникнувъ въ сіе выраженіе, найдемъ, что оно не только коренное, Русское, но составляетъ еще красочу слога. Мы говоримъ: сердце-вѣдецъ-Богъ, Царь-надежда, сладость-щастье, утѣшенье-вѣра, вмѣсто: Богъ, вѣдающій сердца; Царь, на котораго надѣюся; сладостное щастіе; утѣшительная вѣра; шакъ и *зари-свѣтъ*, вмѣсто: свѣтлая заря.

Г. Пожарскій полкуетъ, что *свѣтъ* творитъ. а не имен. пад. и переводитъ *свѣтомъ зари* не является; предославляя другимъ понимать сіе выраженіе, я замѣчу только, что творитъ. надежъ въ Славенскомъ языкѣ имѣетъ одно окончаніе съ имен. мн. а не един. числа.

(46) Какъ ни ясно здѣсь значеніе гл. *убуди*, пробудилъ, противоположенное гл. *усне*, заснулъ; но А. С. Шишковъ толкуетъ, что епо значитъ: уменьшаться, оканчивается, преставашъ, производя отъ гл. *убывать*.

(47) Перв. Изд. и Г. Пожарскій переводятъ *поганый* нечестивый; но *поганый* или *паганый*, и полапински значитъ: язычникъ, идолопоклонникъ, а нечестивцы могутъ быть и между Христіанами; *raganus*, въ Лашинскомъ языкѣ, получило сіе значеніе въ IV вѣкѣ; попому что при Христіанскихъ Императорахъ идолы обожаемы были въ однихъ селахъ, а прежде *raganus* значило: мужикъ, сельской жишель. Слово сіе съ прочими, вѣроятно, зашло въ Славенской языкѣ, когда Славяне жили въ Дакии; въ просторѣчии *поганый* значитъ: ескверной, нечиспой; Русскіе называли шакъ По-

ловцовъ вѣроятно отъ того, что сіи бѣли все нечисное.

(48) Въ *Кіев. лѣт.*: „Заупра же Пяшку наспавшу, въ обѣднее время усрѣшоша полкы Половецкыя... вежи оппустили за ся, а сами спояху на оной споронѣ рѣки *Сюурліа* (Ташищевъ а за нимъ и перв. Изд. пишутъ *Сцугели*, копорую Щекашовъ отъ сходства имени смѣшалъ съ *Угеломъ*, или нынѣшнимъ Орелемъ, текущимъ въ Днѣпрѣ, Сл. геогр. Рос. Гос. IV, 1233). И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву Всеволожь, а по лѣву Святославль, напередѣ сынъ Володимеръ, и другой полкъ Ярославль, а прешій напередѣ же спрѣлци, иже бяху отъ всѣхъ Князей выведены (образъ войны, довольно сходный съ нынѣшнимъ) ... и рече Игорь: брашіа! сего есмы искали, а попягнемъ (воропимся).. и яко быша къ рѣцѣ, къ Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецкыхъ полковъ спрѣлци, и пуспивши по спрѣлѣ, и поскочиша (поворошили назадъ)... Русь же бяху не переѣхали еще рѣкы. Поскочиша же и шѣ Половци, копоріи далеко рѣки спояху. Святославъ же Ольговичъ, и Володимеръ, и Ольшпинъ (см. пр. 116), и спрѣлци пошьюкоша (устремились) по нихъ; а Игорь и Всеволодъ помалу идяша, не распущяца полку своего... Половци же пробѣгоша вежи; а Русь же дошедше вежъ и ополонисашь (взяли въ плѣнъ).“ *Исп. гос. Рос. III, пр. 69.*

Слѣдственно въ Пяпницу у Русскихъ съ Половцами была пустая сшибка, а не настоящее сраженіе; изъ словъ нашего автора: *потопташа* (смяли) *поганья пѣлкы Половецкыя дол-*

жно заключишь по же, знамена же и прочую добычу взяли они въ оставленномъ непріателемъ спанѣ или вежахъ. Въ *лѣт. по Кен. сп.* яснѣе сказано, что Русскіе одержали полную побѣду: „они же (Половцы) не пускаче въ вежи, сръпоща ихъ, а дружины не дождавше, соспустишася (сразились), и побѣдени быша Половцы, и биша я до вежъ, и множества полна взяша, и женъ, и дѣшей (Библ. Рос. спр. 276).“ Н. М. Карамзинъ послѣдовалъ повѣствованію сей лѣтописи; но шакое же Кіевской предпочпительнѣе, подробности похода въ оной правдоподобнѣе, шакъ что сей описанъ едва ли не самовидцемъ (см. пр. 74, 75); къ помужъ Сл. о пол. Иг. имѣющее характеръ поемы и современной лѣтописи согласно съ Кіевскою. Предположивъ съ вѣроятностію, что пошъ лѣтописецъ былъ шакже современной, и что всѣ три писателя равно доспойны нашего уваженія, мы должны предпочесть согласное повѣствованіе двухъ.

Перв. Изд. въ своемъ *историческомъ содержаніи пѣсни*, сшибку сію и послѣдующее сраженіе, продолжавшееся два дни съ половиною, представили со всѣмъ въ превращномъ видѣ, и смѣшали ихъ вмѣстѣ. Напрасно ссылающся они на Тапищева; сей, по обыкновенію своему, пишетъ распянушо и сбивчиво; но они не оставляютъ никакого сомнѣнія. Русскіе никогда не были разбишы опъ того, что будшо опдѣлились одни опъ другихъ.

(49) Думаю, что корень сего гл. есть *сукъ*, и что правильнѣе бы: *разсукъ* (нынѣ говорит-

ся про одни нипви: *сугитъся, разсугитъся*); но буква *г* въ проспорѣчїи измѣняешся на *ш*: молочной, *молошной*; сердечной, *сердешной*, и пр.

(50) Г. Пожарскій за вѣрное полагаетъ (спр. 55) чшо *орѣвма* по же, чшо Польское орѣв, наметѣв воинскій, шалашѣв, юрша; поелику слѣдуютъ слова: плащами, шубами (*японгизами и кожухи*); но сіе по и заставляешъ за вѣрное полагашъ, чшо *орѣвма*, родѣ плашья, или какѣ перѣв. Изд. перевели (вѣрояшно по догадкѣ) *охабень* (ошѣ гл. *охапить*, въ охапку схватишь), спаринное, Русское плашье. При томѣ должно замѣтити, чшо Половцы имѣли не наметы или пологняные палашки, а *вежи* или *телеги* (крычашъ *телеги* полунощи). Сходныхъ словѣ, каковы *орѣма* и *орѣв* можно найти во всякомѣ языкѣ; но можно ли извясняшъ одно другимѣ?

(51) Вошѣ мѣсто извѣщаній, опредѣляющее значеніе словѣ *стягѣ* и *голка*, или правилнѣе *гелка* (ошѣ *гело*): и *потяша* (изрубили) *стяговника* (знаменосца) *нашего*, и *гелку* *стяговую* *соторгоша* (сорвали) *со стяга* (Библ. Рос. спр. 248); здѣсь ясно, чшо *стягѣ* (нынѣ: колѣ рычагѣ) значило древяно, а самое знамя *гелка* (нынѣ: передняя частъ гривы у лошади надѣ лбомѣ); а какѣ она навязывалась на спягѣ, по иногда подѣ симѣ разумѣлось и знамя: *стязи глаголють*, знамена шумяшъ; но смыслѣ сей переносной. Г. Пожарскій полкуешъ, чшо *голка* попольски *повязка*, кошпорую женщины носили на лбу; но Сл. о пол. Иг. писано пославено-русски, а не пославено-польски, и при томѣ идешъ ли епо значеніе?

Хорюговъ, или хоругвь (нынѣ: образа, писанные на холстѣ, и укрѣпленные на древкѣ, предносимые въ церковныхъ ходахъ), употреблена также въ смыслѣ знамени; но безъ сомнѣнія между *хорюговью* и *голкою* была разница.

(52) Перв. Изд. перевели *сребрено стружіе* серебряное древко (а), а въ замѣчаніи высказали (сгр. 11): воинскіе, почетные доспѣхи; сіе показываеши, что оба значенія даны ими по догадкѣ. Въ рукописной книгѣ: *жизненіе Данила мниха* (изъ сего сочиненія любопытной опривокѣ напечатанѣ въ Исп. гос. Рос. II, пр. 211), *стружіе* употреблено, кажешся, въ смыслѣ *копья*: „до краниева мѣста 12 сажень, и естъ бо распяшіе Господне опѣ въскресенія къ востоку лицемъ, естъ же на камени, высоко было, яко *стружіа* възвыше.“ Въ такомъ же почно смыслѣ слово сіе встрѣчаешся ниже въ Сл. о пол. Иг. и *догесея стружіемъ злата стола Кіевскаго*; но здѣсь въ смыслѣ *доспѣховъ, всеоружія*. *Стружіе*, безъ сомнѣнія, происходишъ опѣ гл. *стругать* (опѣ ешого же *стружка*); поелику желѣзо *стругаютъ*, какъ дерево; и пошому *стружіе* можешъ означать вообще оружіе, въ пѣснѣишемъ же смыслѣ *копье*.

(а) Какое, копейное или знаменное? Н. М. Карамзинъ разумѣшъ послѣднее (но сіе называлось *стѣгѣ*, см. пр. 51): „Князь Игорь берешъ себѣ однобагряное знамя неприяшельское съ *древкомъ среблянымъ* (Исп. гос. Рос. III, сгр. 220);“ но 1) нѣшъ примѣра, чтошъ у знаменъ дѣлались серебряныя древки; 2) естъ ли возможность и сильному знаменосцу шаскать такое знамя?

(53) Авторъ хочеть сказашь, что Русскіе на вежахъ оспашокъ дня и ночи провели въ бездѣйствіи; такъ и въ *Кіев. лѣт.* „рече Игорьъ къ брашомъ и къ мужемъ (боярамъ) своимъ: Половци . . . всѣ сушь сѣвокупили: нынѣ побѣдемъ (назадъ) черезъ (въ) ночь, а кто пойдетъ заупра по насъ . . . лучшіи конѣци (кони) переберушся а сѣ самѣми како намъ Богъ дастъ.“ Но Святославъ Ольговичъ предсавлялъ, что лошади и люди успали; Всеволодъ сѣ нимъ согласился: Игорьъ сказалъ, что онъ не боишся смерти (и здѣсь видны благоразуміе и неуспрашимость Игоря), и всѣ оспались ночевать, *Исп. гос. Рос. III, пр. 70.* Въ *лѣт. по Кен. сп.* иначе: „и спояша на вежахъ три дни, веселящся.“

(54) *Ольговымъ энѣдомъ* и *Ольговизами* называются Сѣверскіе Князья по дѣду своему, Олегу, или Ольгу Святославичу Тмушороканскому; такъ ниже Мстиславъ, Ингваръ и Всеволодъ (Ярославичи) названы *Мстиславизами* по дѣду своему Мстиславу Великому; да и нынѣ прозваніе по опцѣ часто обращается въ фамилію внукамъ и далѣе.

(55) Здѣсь Н. М. Карамзинъ не выписываетъ изъ *Кіев. лѣт.* а говоришь самъ: „въ субботу на разсвѣтѣ окружили ихъ Половцы (*Исп. гос. Рос. III, пр. 70.*)“

(56) Перв. Изд. перевели (вѣроятно по догадкѣ) *потрцатися*, пришуниться; гл. *трцать* или *трцать* (отсюда проспонородное *трцоба*, глухое, уединенное мѣсто), очевидно, имѣеть одинъ корень (*трескъ*, буква

к обыкновенно измѣняешь на *г*) съ гл. *тресгать* или *трещать* и спариннымъ *троскотать* (по же, чпо *трещать*), да и по смыслу *потрѣгаться* значить больше: спучашь, звучашь, гремѣшь, нежели прищупишься. Г. Пожарскій перевелъ *потрескаться*; но чпо такое *сабли* *потрескиваются*? дають прещины.

(57) Въ перв. изд. было *не*, описка вмѣсто *зл*; авторъ повзгоряетъ прежнее восклицаніе *о Русская земле! уже за шеломянемъ еси* (также какъ: *ищуги себѣ гти, а Князю славы*); такъ думаютъ и перв. Изд. допусивъ же, чпо часпица *не*, не еспь описка, признаюсь прудно найпи даже и какой нибудь смыслъ.

Первымъ Издашелемъ не извѣсно было древнее слово *шеломя*, довольно часпо вспрѣчающееся въ лѣтописяхъ; они невѣрно сослались на Тапищева, кошорой говоритъ о селѣ *Шеломя* въ Переяславской обласни (Тапищ. исп. III, 120). А. С. Шишковъ и Г. Пожарскій, не справясь съ Тапищевымъ, и положась на Издашелей, почно также ошиблись; послѣдній, и. е. Г. Пожарскій такъ переводитъ и толкуетъ сіе мѣсто: *О Руская земле! ты уже не какъ шеломянь еси, то есть, что Руская земля уже не такова есть, какова есть шеломянь, или яснѣ (чего яснѣ? пушъ ни зги не выдашь), что Руская земля не въ такомъ же состояніи, въ какомъ есть шеломянь. И подлинно не въ такомъ; ибо для защищенія шеломяни спѣшатъ страшныя войска Половецкія* (спр. 57). Не знаю, чпо поймушъ чпашатели въ ешой кромѣшной пѣмѣ; принимая слово *шеломя*

даже въ помѣ смыслѣ, въ кошоромѣ приняли его перв. Изд. Половцамѣ для защищенія *Шеломани* спѣшишь было не за чѣмъ; оно было Русское, а не Половецкое село, и находилось въ Переяславской области.

Вошѣ мѣсто, извѣ кошораго ясно видно значеніе слова *шеломя*:, наворопницы же (посланные въ погоню), перешедше Хороль, взыдоша на *шоломя*, глядая, гдѣ узрѣши я (Исп. гос. Рос. III, пр. 68) . . . Нечеспивыйжѣ Царь Мамай съ пяшьма Князи большими взыде на мѣсто высоко, на *шоломя*, и шу спаша, хошя видѣши кровопролишия человѣческое и скорую смерть (лѣш. по Ник. сп. IV, 112); “ слѣдспивенно *шеломя* или *шоломя*, значишь: высота, возвышеніе. Еще и нынѣ мужики называютъ *шоломѣ* (по же, чшо *шеломѣ* или *шлемѣ*), самое верхнее, спропильное бревно, въ кошорое врублены быки или подпоры; всѣ сіи слова, очевидно, происходятъ опѣ слова *холмѣ*, и означаютъ чшо нибудь высокое или верхнее.

(58) О Сприбожѣ и Даждѣбожѣ, какѣ называли Славяне-язычники Подашеля всѣхѣ благѣ, упоминаешся у Неспора, чшо кумиры ихѣ съ прочими, Перуномѣ, Хорсомѣ, Семаргломѣ и Мокошемѣ, посшавлены были Владиміромѣ въ Кіевѣ на Зборичевомѣ холмѣ (см. пр. 168), внѣ двора перемнаго.

(59) Неопред. накл. *тутнати*:, и зовушь неослабно и вопіюшь сильно, якѣ *тутнати* (звучашь, оглашашься), и гремѣши всему мѣсту шому опѣ вопля людей (Исп. гос. Рос. II, пр. 211); “гл. *тутнати*

происходитъ отъ сущ. *тутно* (а): „предивно бысть (вв) Полопъскѣ, вв мечѣхъ бываше вв нощи, *тутно* (сшукѣ, шумѣ) спаняше по улици, яко чело-вѣци рищюще бѣсы (Исп. гос. Рос. II, пр. 152).“ А. С. Шишковъ полкуетъ, что *земля тутнетъ*, шуч-нѣетъ отъ крови; *рѣки тутно текутъ*, отъ смѣше-нiя крови съ водою; *пороси*, пары, исходящiе изъ убиенныхъ шѣлѣ. Спранно! какъ могла придти такая мысль? не говорю о томъ, что словамъ даны совершенно произвольныя значенiя. Мысль авшо-ра самая просшая (сраженiя съ Половцами еще не было): описывается приближенiе коннаго не-прiяшеля, по землѣ раздаешся шопотъ, спраш-ная пыль покрываешъ поля и самыя рѣки, копо-рья отъ шого мушно пекушъ.

(60) Русскiе за усалосшью лошадей сбѣши-лись, и вся ихъ ограда отъ спрѣлѣ Половец-кихъ были щипы; вв *Кiев. лѣт:* „и шако уга-давшѣ (см. пр. 53), *вси сбѣдоша съ коней*, хощя ху бо бiющѣся дойши рѣкы Донца, молвя ху бо: иже побѣгнемъ, ушечемъ сами, а чрѣныя люди ошца-вимъ... умремъ или живи будемъ вси на единомъ мѣстѣ.“ Исп. гос. Рос. III, пр. 70.

(61) Древнее измѣненiе гл. *гремлю*, или еще *гримлю*; замѣшимъ, что примѣры подобной не-

(а) Ташищевъ превращилъ *тутно* вв *тутонъ*, будшо-бы испорченное изъ Сармашскаго (ш. е. *Финскаго*) *таута*, болѣзнь, и вв нашихъ лѣтописяхъ переведеннаго *лаве* (надлежало бы *навѣ* или *навѣе*), мершвецъ (Ташищ. исп. III, пр. 305); шакъ хощѣлось ему сдѣлать Варя-говъ Финнами.

гибкости языка, вѣроятно наслѣдственной послѣ первобытнаго Славенскаго встрѣчающаго еще и нынѣ въ проспонародномъ Русскомъ, на пр: сѣку, сѣкошъ, сѣкотъ, и пр. могу, мо-гошъ, моготъ, и пр. лягу, лягошъ, лягомъ (отъ ешого спаринное лягомо, время, когда ложашься спать), и пр. сягу (досягаю), сягошъ, сяготъ, и пр.

(62) Прил. *харалужный* происходишь отъ суц. *харалужъ* (которое ниже будетъ), слово весьма древнее, и кромѣ нашего автора нигдѣ мнѣ не встрѣчалось; оно вѣроятно Славенское, сложенное изъ *харь*, *лужъ*, и по смыслу значить: желѣзо, булатъ. *Харь* или *хара* одно и то же слово, хотя послѣднее нынѣ въ презр. см. значить: лице, рѣжа; буквы *х*, *г* первоначально одинъ звукъ; слѣдственно *харь* и *гарь* также одно слово; *гарь* или *гореніе* сохранилось и нынѣ въ просторѣчїи: *гарью* пахнешъ, смородомъ или дурнымъ запахомъ, происходящимъ отъ горенія. Первобытной языкъ у всѣхъ народовъ бѣденъ словами; но богатъ значеніями, п. е. что одно слово имѣетъ многія значенія. При добываніи желѣза мешалъ горелъ, также какъ лице, которое сверхъ того *загарало* отъ солнца; Норицы называли то и другое *гарь* или *харь*, *лужъ* же вѣроятно приложено послѣ: *харьлужъ*, луговое желѣзо, или коимъ косятъ лугъ; слѣдственно *ко-са*, которая также дѣлается изъ желѣза. Не скроемъ отъ читателей, что Г. Бушковъ прил. *харалужный* (по крайней мѣрѣ *харалужъ* бы; потому что *харалужный* проис-

ходишь отъ *харалугъ*, а не *харалугъ* отъ *харалужный*) почиташь взятымъ изъ *Нагайскаго* языка (Вѣсп. Евр. СХХІ, 38), хотя тогда и имени *Нагаевъ*, или *Ногаевъ*, еще не было.

(63) Нашъ артиллерійскій Полковникъ Герберъ пишеть, что въ Кавказскихъ горахъ, между Грузіею и Черкесами, понынѣ обиташь народъ, называемой *Авары*, говорящей собственнымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Славенскимъ, хотя между ними встрѣчаются Магомешанскія и Славенскія имена, особливо имя *Юнцлавъ* въ большомъ употребленіи (Nord. Gesch. 523). Сей оспапокъ Аваровъ VI вѣка жилъ здѣсь безъ сомнѣнія и въ XII; такимъ образомъ Половцы удобно могли получать отъ нихъ шлемы, а вѣроятно и прочее оружіе (такимъ же образомъ и Игорю досталось *сребрено стружіе*). Замѣчу еще, что путешественники XIII вѣка, Карпинъ (см. въ Бержерон. voyages, снр. 58) и Рубруквисъ (снр. 24) сказываютъ, что Кавказскіе Алане (слѣдственно жившіе тамъ же, гдѣ Герберовы Авары) были искусные кузнецы, слѣсары, и дѣлали прекрасное оружіе; да и нынѣ искусство сіе процвѣтаешь между Кавказскими народами.

(64) А. С. Шишковъ полкуешь, что *хотя* значить супруга, жена; но на чѣмъ основано сіе полкованіе: на смыслѣ, или на словопроизводствѣ? *своя милья хоти* относится къ самому Всеволоду, ш. е. что онъ для войны оставилъ всѣ свои приходы; но перв. Изд. не ошдѣлили *хотя* запятою. Слова: *хотя*, *похотя* (или *пѣхотя*), *охо-*

та происходятъ отъ одного корня гл. *хотѣть*, и значатъ: хотѣніе, желаніе.

Г. Бушковъ такого же мнѣнія, ш. е. что *хотя* значитъ жена, но только не на Славенскомъ языкѣ, а на *Бухарскомъ, Нагайскомъ, Хивинскомъ и другихъ нарѣчіяхъ Татарскаго языка* (Вѣспн. Евр. СХХІ, 37). Съ начала превращаетъ онъ *хотя* въ *хотунь*; попомъ приводитъ слова Казанскаго лѣтописца (подъ г. 1505): „Казанцы въ богатыхъ одеждахъ щапсшвовали (щеголяли) предъ *катунями* (женами) своими (а);“ но изъ сего только видно, что пошарски жена *катунь*, а не *хотунь*; да и сіе послѣднее довольно не сходно съ *хотя*.

(65) Сей Олегъ Свяшославличъ, Тьмушороканскій и подъ конецъ Черниговскій Князь, былъ Государь крамольный и власполюбивый,

(а) Н. М. Карамзинъ въ своей исторіи приводитъ сіе же мѣсто; но только извѣняетъ его совсѣмъ иначе: „и въ одеждахъ разноцвѣтныхъ, какъ *павлины гордо расхаживали* предъ своими кашунами или *домали* (Исп. гос. Рос. VI, стр. 357).“ Но вотъ мѣсто изъ Псковской лѣтописи, что *катунь* пошарски жена, а не *домб*: „мѣсяца Іюня (1535 г.) посадиша Ташаръ, Царя Шигъ-алея людей, 73 въ шюрму, въ среднемъ городѣ, подъ Бурковскимъ костромъ на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7, и ши изомроша, и выкидаша ихъ вонъ, а 8 живы оставашася ни поены, ни кормлены, а шѣхъ прибиша, а *катуней* посадиша въ шую тюрму . . . и Владыка Манарій (въ 1536 г.) уприси у Вел. Кн. на свое бремя Ташаръ Шигъ-алея *женъ, кои сидѣли въ тюрмахъ* (Исп. гос. Рос. VIII, пр. 30).“

когого вся жизнь прошекла вѣ междуусобныхъ и кровавыхъ войнахъ съ Великими Князьями Киевскими. Нѣсколько разъ дѣлалъ онъ Половцовъ орудіями своего властолюбія, нанималъ ихъ грабить Россію, и былъ причиною величайшихъ бѣдшвій своего ошечества.

(66) Вѣ перв. изд. было: *Тоже звонъ слыша давній великій Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владимірѣ, и пр.* Изд. прил. *давній, великій* опнесли къ сущ. *Ярославъ*, и перевели: „звукъ побѣдъ его слышалъ *старый*, великій Ярославъ,“ и пр. но я опношу ихъ къ сущ. *звонъ*. О побѣдахъ Олеговыхъ вѣ подлинникѣ ни слова; *старымъ* Ярославомъ авпорѣ называетъ Ярослава I; на что жѣ другому придавать сіе прозвание, и смѣшивать такимъ образомъ Князей? Сей Ярославъ, о коемъ здѣсь рѣчь, былъ Свяшославъ (братъ Олеговъ), а не *Всеволожь сынъ*, копорья слова (я почишаю, что они перемѣшаны) должны опноситься къ Владиміру (Мономаху).

(67) Чшобъ не подвергнушь бѣдное ошечество снова раззоренію опѣ Псловцовъ, съ копорыми Олегъ пришелъ опнимаць у него Черниговской пресполь, Владимірѣ Мономахъ добровольно усшудилъ ему оный вѣ 1094 году. Авпорѣ намѣкаетъ, кажепся, о семъ великодушномъ поступкѣ Владиміра, копорой такимъ образомъ запыкалъ уши къ зашѣваемымъ Олегомъ междуусобіямъ.

(68) Перв. Изд. приняли слово *судъ* вѣ обыкновенномъ его значеніи; они думали, что речъ идетъ о свѣздахъ Князей, на копорыхъ

судили виноватых; но они не обратили вниманія на гл. *постла*, причисляющей, говоря только о человеках мертвом или больном. Въ *Духовной Владиміра Мономаха судѣ* значить *смерть*: „а бращю моему (речь о сынѣ Мономаховомъ, Изяславѣ, убитомъ въ сраженіи) *судѣ* пришелъ (спр. 50) . . . *судѣ* отъ Бога ему (Изяславу же) пришелъ (спр. 54)“, въ какомъ значеніи и здѣсь употреблено сіе слово, что согласно будетъ и съ исторіею. Князь Борисъ Вячеславовичъ палъ въ сраженіи прошивъ дяди своего, Вел. Кн. Изяслава I, защищая свое и Олегово (Олега Святославовича Тмушороканскаго) дѣло.

(69) Въ перв. изд. было: *повелѣя*, отъ ешого не было никакого смысла; однакожъ Издап. не устрашились перевести: „сб пой же Каялы велъ Святополкъ *войски* отца своего *сквозь* Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи.“ Н. М. Карамзинъ поправилъ описку *по сѣсѣ я* (Исп. гос. Рос. III, пр. 268), т. е. послѣ сраженія взялъ; только по Нестору Великій Князь, Изяславъ I погребенъ не въ Софійской, а въ Десятинной церкви рождества Богородицы, и шло его привезъ не Святополкъ, а Ярополкъ, другой его сынъ. Также какимъ образомъ очутилась шумъ Половецкая Каяла? сраженіе происходило близъ Чернигова на мѣстѣ, называемомъ *Нѣжати́на нива* (Несп. Библ. Рос. спр. 126).

Г. Пожарскій не воспользовался поправкою Н. М. Карамзина, и перевелъ: *повелѣлъ взять*; но гдѣ жъ въ подлинникѣ *взять* (яши)? я, *взялъ*.

(70) Авторъ продолжаетъ говорить о бѣдспвенныхъ временахъ Олега Святославича; но кто ешошъ *Гориславдигь?* ужъ не называешъ ли онъ его симъ именемъ, ошъ предпріятій ли, копорья не всегда удачны были, или ошъ бѣдспвій, причиненныхъ имъ отечеству? Такъ Рогнѣда, ошъ своихъ чрезвычайныхъ нещаспій, прозвана была *Гориславою*, или по Великороссійскому выговору *Гореславою*; шакъ и нынѣ говорится о челоѳкѣ, нещаспномъ въ своихъ предпріятіяхъ: *горе-богатырь*, *горе-мыка*.

(71) Здѣсь ясно, что *внѣкомъ Даждьбожа* названъ Русской народъ; авторъ два раза шакъ его называешъ: *встала обида въ силахъ Даждьбожа внука*; на что жъ было переводить во мн. чис.? ошъ ешого мысль автора зашемнѣна. Перв. Изд. въ примѣчаніи говоряшъ (спр. 17): „пользующіеся благоденспвіемъ, какъ даромъ Даждьбожевымъ, названы его внуками;“ *благодѣніями Божескими пользующся всѣ народы*, а здѣсь речъ идетъ объ одномъ Русскомъ.

(72) *Ратай*, или *оратай*, пахарь, земледѣлецъ, ошъ гл. *орать*, въ глубокой древности, въ-рояшно, *рать* (о предлогѣ); ошъ ешого же *рало*, сошникъ, лемехъ.

(73) Т. е. что Русскимъ худо или *тѣго* (въ просторѣчій) пришло; здѣсь ясно, что подъ *Русскою землею* разумѣются Русскіе люди; ибо сраженіе происходило въ Половецкой землѣ, и въспъ о разбитіи Игоря не пришла еще въ Русь; шакъ въ *Кіев. лѣт.* Игорь говоритъ: „се въдаючи сѣбрахомъ на ся землю всю,“ ш. е. Половцовъ

всѣхъ (см. также пр. 113). А. С. Шишковъ замѣчаетъ при семъ: „здѣсь мы видимъ высокую, стихотворческую мысль: изъ черныя земли, конскими копытами взрытой, кослями побѣжденныхъ Россіанъ усѣянной, и кровію ихъ полянной, восходитъ, возрастаетъ печаль, аки страшное дерево, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающее; какое величественное и купно ужасное изображеніе!“ признаюсь, чудное воображеніе; такую простую мысль разпространишь подобнымъ образомъ, или лучше такъ посвоему ее прошеговать.

(74) Въ *Кіев. лѣт.* сіе сраженіе описано почти во всѣхъ подробностяхъ согласно съ нашимъ авторомъ: „и поидоша біючися... уязвиша Игоря въ руку и умрѣвшиша шююцю его... и Воеводу имяху; шотъ напередъ уязвленъ бысть... и тако бишася до вечера (въ Субботу, см. пр. 55)... Бысть же свитающей Недѣли (Воскресенью) *възъматася Коцеве, побѣгоша. Игорь же бяше на конѣ, зане раненъ... и хощя възворотити ихъ... свима шоломъ... шого дѣля, чшо быша познали Князя, възворопилися быша... шокмо Михалко Гюргевичъ възворописъ; не бяху бо добри и смялися Ковуи, но мало опѣ протыхъ, или кто опѣ Опрокъ Боярскихъ; добрии бо вси біахуса, идуци пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ... и шу яша (Игоря въ плѣнѣ) на единѣ переспрѣлъ одалъ полку своего... Игорь же видѣ брата, крѣпко борющися, и проси души своей смерши, яко дабы не видѣлъ паденія брата (такъ Агарь въ Библии говоритъ: *да не вижду смерти дѣтища моего*, Быш.*

XXI, 16) ... Біахуся идуци вкругѣ при озерѣ... и тако въ день Воскресенія наведе на ны (замѣшше: Сочинишель говоривъ, какъ участвовавшій самъ въ походѣ; да и Кіев. лѣт. кончипся около сего времени, 1198 годомъ, Исп. гос. Рос. III, пр. 158) плачь и жаль (здѣсь разниці полько, чпо по Кіев. лѣт. сраженіе продолжалось *полтора или два дни*, а по нашему авпору *два съ половиной*, и кончилось въ Понедѣльникъ; но по *Никон.* оно продолжалось *три дни*, см. ниже) на рѣцѣ *Каалы* (нынѣ Кагальникъ, рѣка, текущая съ правой стороны въ Донѣ, и на коей стоить Кагальницкая спаница). Рече бо дѣй (вишязь) Игорь: помянухъ азъ грѣхы своа, яко много убійства сшворихъ въ земли Христіанствѣй: взяхъ на щитѣ (присупомѣ) городѣ Глѣбовѣ у Переяславля ... и се нынѣ вижу опмѣстіе опѣ Господа ... почшо азъ единъ повинный не пріахъ страспи?'' Исп. гос. Рос. III, пр. 70.

Въ *Никон. лѣт.* II, 248, сраженіе описано нѣсколькo различно: „и стрѣляющесе три дни, а копиями и саблями не снимающесе, ожидающе дружины часу на часѣ, а кводѣ Рускому воинству не дадѣще присупиши. Таже прідоша многое множество Половецѣ и опниюдѣ Руское воинство оплучиша опѣ воды, и уже бяху *три дни* сами и кони ихъ воды во успа не впуцаху, і изнемогоша безводіемѣ сами и кони ихъ, бѣ бо тогда зной велици зело. Таже присупиша кводѣ, и бѣ нужда велика, Половцы же приписнуша ихъ кводѣ, и бысть брань велика и сѣча зла, мнозиже Русіи вои і кони помеща-

ша, пѣши бияхуся споловцы; бѣ бо кони ихъ изнемогоша; убиша же тогда и дивна богашыря *Добрыню Судиславица*. И прииде гнѣвъ Божиі на Рускія вои, и побѣжени быша вси, изымаша Князей Рускихъ, и Боярѣ, и Вельможѣ, а иныхъ избиша.“

(75) Вѣ *Кіев. лѣт.*, розведени быша, и поиде кождо вѣ своя вежи. Игоря же бяху яли Тарголовѣ мужѣ Чилбукѣ, а Всеволода Романѣ Кзичѣ, а Свяшосл. Ольговича Елдючюкѣ Ввобуръчевичѣ, а Володимера Копши Улашевичѣ (замѣшше: здѣсь названы всѣ по именамъ, кшо кого взялъ вѣ плѣнѣ; такаія подробности можешѣ рассказывашѣ одинѣ самовидецѣ). Тогда же на полчищи Кончакѣ поручися по сваца (будущаго), Игоря, зане бѣше раненѣ. Отѣ поликихъ же людей мало ихъ избысть (оспалось) . . . не бѣше бо лѣзѣ ушечи, зане яко спѣнами сильными, шако огорожени бяху полкы Половецкими. Но нашихъ Руси свѣ 15 мужѣ ушекши, а Ковуевѣ мнѣ, а прочіи вѣ морѣ (Азовскомѣ) испошоша.“ *Исп. гос. Рос. III, пр. 70.*

По *Никон.* нашихъ ни одинѣ не спасся: „и шакова бѣда сошворися, яко ни одинѣ вѣспникѣ приде отѣ нихъ на Русь.“ Но повѣспнованіе *Кіев. лѣт.* явно предпочшишельнѣ; шамѣ именно сказано (*Исп. гос. Рос. III, пр. 71*), чшо вѣспшѣ о разбишии Игоря Кіевскому, Великому Князю, Свяшославу III, бывшему тогда вѣ *Черниговѣ*, принесѣ нѣкто *Бѣловлодѣ Просовицѣ*, прибѣжавшій свѣ Каяльскаго сраженія. Вѣ *лѣт. по Ник. сп.* Половцы приказывашѣ свѣгостыями, или купцами,

кѣ **Князьямъ**: *приидите по братію свою*; а въ *лѣт. по Кен. сп.* прибавлено: *а мы идемъ къ вамъ по свою, явныя выдумки позднѣйшихъ лѣтописцевъ или собирателей.*

(76) Такъ въ Евангеліи: *„выграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ (Луки, I, 44).“*

(77) Здѣсь обида представлена въ видѣ нѣкакой воинспвенной дѣвы, спустившей на землю Траянову; но авторъ, не удовольствуясь одною фигурою, превращаетъ обиду въ лебедь, плещущую крылами на Азовскомъ морѣ близъ Дона, и шѣмъ поясняетъ какую именно землю разумѣетъ онъ подъ именемъ *Трояновой*. Г. Пожарскій толкуетъ, что речь идетъ о *Діанѣ* (нашъ авторъ зналъ Греческую Мифологію); *ибо (чудная логика) Діана, кромѣ охоты, есть богиня дѣвства . . . сверхъ сего и на Сарматскомъ, ш. е. Польскомъ (а) языкѣ Дѣванна (не Дѣванна, а Зивонія или Зиванна, Исп. гос. Рос. I, стр. 88) ознагаетъ Діану.*

А. С. Шишковъ извясняетъ сію аллегорическую дѣву такимъ образомъ: *„можешь быть подъ словомъ дѣва сочинитель разумѣлъ, что обида никогда не извѣстна была Русской землѣ, никогда не соизтавалась съ нею, и дѣвою, по*

(а) Кому вѣришь: Ташицеву или Г. Пожарскому? первый говоритъ, что Сарматы были Финны, послѣдній Поляки; Шлецеръ въ такомъ случаѣ подаетъ прекрасный совѣтъ: въ разсужденіи *новыхъ* народовъ рѣшишь споръ жеребьемъ; въ разсужденіи *древнихъ* сдѣлаешь избъ нихъ смѣшеніе, и назовашь Скивами или Сарматами.

ещь, *первой разъ*, въ нее вступила;“ признаюсь, невольно вспомнишь :

Тутъ найдешь то, чего бѣ нехшпрому уму

Не выдумать и въ вѣкѣ

Русскіе многократно, даже прошивъ Половцевъ, испытали превращность воинскаго щаспія ; но видно Испорія, шакже какъ Географія и Генелогія, не входила здѣсь въ извясненіе.

(78) Перв. Изд. перевели *жирна времена* пшжкія, Г. Пожарскій убившвенныя, А. С. Шишковъ напрошивъ полкуешъ, что *жирныя* значить благополучныя, изобильныя, и я съ нимъ согласенъ; мы говоримъ: *жирная земля*, удобренная, рыхлая, однимъ словомъ добрая, а не худая. Здѣсь времена одушевлены: они спали; но обида ихъ разбудила, ш. е. что благополучныя времена прошли, а настали бѣдшвенныя, въ кои господствуешъ насиліе или обида.

(79) Еще въ началѣ шого же 1185 г. Кончакъ доходилъ до рѣки Хороля (гдѣ 1 Марша и разбишъ былъ Владиміромъ Глѣбовичемъ Переяславскимъ и Мспиславомъ Романовичемъ), о которомъ его походѣ въ *Кіев. лѣт.* шакъ сказано: „пошелъ бшше шреклшпый Кончакъ на Русь похощься (успремился), яко плѣншши хощя грады Рускыя и пошещи огнемъ; бшше бо обрѣлъ мужа шаковаго *Бесурменина* (а), иже *стрѣляше живымъ огнемъ*

(а) *Бесурменами* или *Бесерменами* называющься въ нашихъ лѣшописяхъ (Иш. гос. Рос. IV, пр. 51, 105) ну монаха Нарпина жшшели шраны *Харазма* или *Хивы*, шоплеменные Туркамъ. Шывѣшнее, шросшонародное *босурманъ*, нехршшь, некршченой, шроисходшть безъ сомвѣншя

(Исп. гос. Рос. III, пр. 68). “ Не обв епомб ли же и здбсь речь: *мыгюги смагу въ пламянб розб, ш. е. рогаб?* не называется ли здбсь *рогомб* какое орудіе, изв копораго Карна и Жля *стрбляли живылб огнемб?* поелику помянушой Бесерменинб взяшб былб въ плбнб. Перв. Изд. говоряшб, что *смага* помалороссійски *жажда*; но здбсь не йдешб ешо значеніе, и слово *жажда* авпорб самб ниже упошребляешб. Говорися: во ршу *смагнетб*, отб жару сохнешб; языкб *пересмагб*, отб жару засохб, сторблб; очевидно, что *смагнутб* происходисб отб *смага*, копорое вброялно значисб: жарб, мученье отб жара.

(80) Составлено изв союза *а* и дбепричастія *ркци* (отб гл. *рещи* или *регб*): „а кб Князю Семену послаша, *а ркци* тако: пойдн Княже (Исп. гос. Рос. IV, пр. 342);“ буква *е* первоначально выпускалась во всбхб измбненіяхб гл. *рещи*: *ркц, рге, рци*, чему увидимб ниже еще примбрб (*и ркоша бояре Князю*).

(81) *Лада* не вб одномб Сл. о пол. Иг. упошреблено вб значеніи мужб, супругб:

Покачу я коленно кругомб города;

А за шбмб я колечкомб сама пойду,

Я сама пойду, милу (мила) *ладу* найду (Карм. пбс.). я осмбмлся по аналогіи упошребишб *лада* вб значеніи жены, шбмб паче, что *лада* удобно можешб бышб общаго рода. Сприковскій пи-

отб *Бесурменб*; Фишерб думалб, что оно испорчено изв *Мусельманб* или *Мусульманб* (Nord. Gesch. 421), исповбдникб *Ислама*.

шесть, что богъ Ладо былъ у Лапышей, и что они въ пѣсняхъ швердили: *Ладо, Ладо, дидисъ Ладо!* ш. е. Ладо, Ладо, великій Ладо (Исп. гос. Рос. I, стр. 89)! въ нашихъ просонародныхъ пѣсняхъ встрѣчаются припѣвы: *ой дидъ и лада* (или *ладо*, зв. над)! *дидо калина, леля малина*; основываясь на семъ *лада*, или *мужъ* (кажется первымъ Поповымъ превращенный въ богиню *Ладу*), опъ автора Кіевскаго Синописа (Архимандрита Гизелія) до Н. М. Карамзина причисляемъ былъ (авъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и *дидъ*, мнимой Анперосъ или *Противолюбовъ*) къ древнимъ божествамъ языческихъ Славянъ; но какія на по историческія доказательства? никакихъ. Проспой народъ, въ Россіи ли то, въ Молдавіи ли, въ Валахіи ли, швердитъ *ладо* (Исп. гос. Рос. I, стр. 90), самъ не понимая сего слова; *дидъ* вѣроятно *дѣдъ* по Малороссійскому произношенію; *леля* (а) едва ли не *лю ли*; въ просонародныхъ пѣсняхъ, особливо въ припѣвахъ, не всегда можно найти шолкъ или смыслъ. Я даже сомнѣваюсь, чшобъ у Лапышей

(а) О *Лелѣ* и *Полелѣ* говорятъ Польскіе историки, называя ихъ Славенскими Касшоромъ и Поллуксомъ (у нашихъ стихошворцевъ *Лель* заступилъ мѣсто Ероша, или Купидона, а *Полель*, ш. е. *послѣ Лелл*, Гимена древнихъ; такія словопроизводства служатъ имъ вмѣсто историческихъ доказательствъ); но одно сходство съ Греческою Мифологіею внушаетъ уже сомнѣніе. Сн господа думали, кажется, не объ исторической шччности, а о шомъ, какъ бы приспособить Славенскую Мифологію къ Греческой. Такъ *Нія* называли они Славен-

быль богъ Ладо; зналъ ли Сприковскій ихъ языкъ? а върояшиѣе, что Лашышской припѣвъ: *дидисѣ ладо* (б) есть Славенской: *ой дидѣ и ладо!* шакже какъ *Перкунѣ*, *Перунѣ*; *Велсѣ*, *Велесѣ* (полашышски бѣсѣ, Опис. въ Рос. гос. обип. нар. I, стр. 25).

(82) Въ старину *Русью*, или *Русскою землею*, преимущественно называлась Кіевская обласъ (см. пр. 128, шакже Исш. гос. Рос. I, пр. 296, II, пр. 316, III, пр. 74); шакъ ниже: *сѣлице свѣтитя на небеси, Игорь Князь въ Русьской земли*. Пѣвъ и освобожденіе Игоря не могли дѣйствовать на Сѣверную, или Западную Россію по опдаленію ихъ отъ Южной, и по слабымъ связямъ, существовавшимъ тогда между Кіевомъ, Владиміромъ и Полоцкомъ.

скимъ Плушономъ, *Марзану*, *Церерою*, *Ладона* или *Ляда* (вошь и другой *Ладо*) *Марсомъ*, *Зивонію* или *Зиванну*, *Діаною*; послѣ шого какую въру можно имѣшь къ ихъ разсказамъ?

(6) Такъ придворной лѣкаръ Гебель шакже изъ Лашышскаго припѣва: *іеру, іеру* (на древле-Прусскомъ *іерриу* или *герриу* пью), какъ бы сокращенно: *Іерусалиме! Іерусалиме!* заключилъ, что Лашыши были пошомки древнихъ Іудеевъ, спасшихся на кораблѣ послѣ раззоренія Іерусалима, и прибишыхъ бурей къ берегамъ Пруссіи (Nord. Gesch. 517, авт. г).

Впрочемъ Сприковскій пишетъ, что и въ Россіи народъ величаетъ *Леду*, мать *Касшора* и *Поллукса* въ припѣвъ: *ладо, ладо* (Исш. гос. Рос. I, пр. 210); не шакъ ли и Лашыши величаютъ бога *Лада* въ припѣвъ: *дидисѣ Ладо?*

(83) Думаю, что авшоръ намѣкаетъ о междоусобіи Рязанскихъ Князей въ 1186 году; въ *лѣт. по Кен. си. Вел. Кн. Влад. Всеволодѣ Георгиевичѣ* велишъ посламъ своимъ сказаць Роману, Игорю и Владиміру Глѣбовичамъ, Рязанскимъ: „бращья! что шако дѣлаеше? не дивно, оже ны поганіи воевали, а се нынѣ хочеше брашу своею убиши (Библ. Рос. спр. 279).“

(84). Перв. Изд. не вникнули отъ чего происходилъ сіе слово, и перевели по одной догадкѣ, ни на чѣмъ неоснованной, *злоба*; Г. Пожарскій не различилъ *лжа* (отъ ешого происходятъ: *лжица, ложка*) отъ *ложь*. Хошя оба сіи слова происходятъ отъ одного корня: *льгій, легкой* (а), исчезнушаго даже и въ Славенскомъ языкѣ; но значеніе ихъ совершенно различно: *лжа* значитъ: *льгота, легость, легкость*, или лучше всѣ сіи слова одно и то же. Здѣсь метафора взята (шакже какъ выше *жирна времена*) отъ спящаго челоука; ибо тогда всѣ чувствва покояшя, когда же онъ бодрствуюшъ, то нѣкопорымъ образомъ спраждушъ. Русская земля опдохнула было отъ Половецкихъ разбоевъ, копорые Свяшославъ III прекратилъ своею побѣдою (см. пр. 87); но Ольговичи разбиіемъ своимъ возобновили оны: вошъмысль авшора.

(85) Не ошець, а двоюродной брашъ; но и въ *Кіев. лѣт. Свяшославъ* говорилъ Игорю и

(а) Чшобъ чашатели совершенно увѣрились въ ешомъ, вошъ мѣсто изъ лѣтописей: „на мя будешъ грѣхъ, оже (ежели) прешушишь хрестъ; шо ешь *лжѣ* (легче), неже прольяши кровь (Исш. гос. Рос. II, пр. 247).“

Всеволоду: „се азъ спарѣи Ярослава (Черниговскаго), а шы, Игорю, спарѣи Всеволода; а нынѣ я вамъ *въ отца мѣсто* (Исп. гос. Рос. III, пр. 59).“ Такъ ниже онъ же изъ особенной ласки называетъ ихъ племянниками: *о моя сыновья, Игорю и Всеволоде!* Въ Россіи не только полипическое, но и естественное спаршинство въ шарину весьма уважалось; а Свяшославъ происходилъ онъ спаршаго брата.

(86) *Лука*, дуга; *лука моря* или *лукоморье*, излучистой, морской берегъ лукою или дугою; здѣсь разумѣтся берегъ Азовскаго моря; онъ епого же Половцы, жившіе по шому берегу, назывались *Лукоморскими* (Исп. гос. Рос. III. пр. 74).

(87) Авторъ говоритъ о знаменишой побѣдѣ Русскихъ, одержанной надъ Половцами, 30 Іюля 1184 г. на берегахъ *Цгеля* или *Ерели*, нынѣ Орели, шекущей въ Днѣпрѣ, въ Екашеринославской губерніи. Въ походѣ семъ участвовали Князья: *Кіевскій* Свяшославъ Всеволодовичъ съ сыновьями Глѣбомъ и Мстиславомъ, *Овругскій* Рюрикъ Ростиславичъ съ племянниками Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ, *Переяславскій* Владиміръ Глѣбовичъ, *Туровскій* Глѣбъ Юрьевичъ съ братомъ Ярославомъ *Пинскимъ*, *Луцкіе* Всеволодъ и Мстиславъ Ярославичи, *Городенскій* Мстиславъ Владиміровичъ, и дружина *Галицкаго* Ярослава Владиміровича; у Половцевъ же однихъ предводителей спвующихъ Князей было 417 (Князи однихъ было Половецскихъ 417, *Кіев. лѣт.*). *Никон.* сіе число Князей пишеть убишихъ, Н. М. Карамзинъ взя-

пыхъ въ плѣнѣ; но взятые въ плѣнѣ названы всѣ по именамъ, въ помѣ числѣ *Кобякъ Карлытевичъ съ двумя сыновьями*, простыхъ же Половцовъ взято 3000 (по другимъ 7000).

Гридница или гридня, отъ *Гридь* или *Гридинь* (см. пр. 24), свѣшлица, зала въ Княжескомъ шеремѣ или дворцѣ:

Среди двора свѣшлицы стояшъ,

Гридни бѣлодубовыя (Древ. Рос. спих. стр. 159).

(88) Венеціане; и нынѣ лучшей бархатъ называется *Венецейской*, вѣроятно отъ *Венецицы*.

(89) Не отъ того ли *Каая* и названіе получила, что Русскіе *кааи* Игореве предпріятіе?

(90) Въ перв. изд. *ты* не было, и слова: *Русьскаго злата насыпаша* (кто?) принадлежали къ предвѣдущему періоду, такимъ образомъ не было грамматическаго смысла; я полагаю, что частица *ты* пропущена; повтореніе оной: „*ты* Русьскаго злата насыпаша; *ты* Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,“ и пр. придаетъ даже нѣкоторую живость слогу.

(91) Плѣннаго Игоря видно пошчасъ ограбили (что водился и въ наши просвѣщенныя времена), принудивъ его пересѣсть изъ сѣдла своего золотого (выше также сказано: *тогда вступилъ Игорь въ златъ стремя*) въ простое сѣдло ошрока.

Главная роскошь нашихъ Князей, въ сіи воинственныя времена, состояла въ конѣ и оружіи: про Рюрика и Давида также сказано: „вспу-
пиша Господина, *въ злата стремя*,“ Галицкій Даніилъ удивилъ самыхъ богатыхъ Венгровъ

пышностію своего вооруженія: „бѣ бо конь подѣ нимъ (епо пишеть Волинской лѣпописецѣ) дивленію подобенъ, а сѣдло ошѣ злаша жъжена, и спрѣлы, и сабля, злашомъ украшена и иными хипроспѣми, *кожухъ* же (верхняя одежда (а), а не *шуба*; ибо епо было лѣпомъ, въ самыя жары) оловира (пурпура) Грецкого, и круживы злашыми, плоскими ошипы, и сапозы зеленого хъза (сафьяну) шишы золошомъ (Исп. гос. Рос. IV, пр. 101).“

(92) *Забрало* (ошѣ гл. *забрать*, *загородить*), *заборало* (см. пр. 120), или *забороло* (см. спр. 58), по же, чшо *заборѣ*, деревянная спѣвна.

(93) Въ перв. изд. было: *одѣвахѣте*; но еспѣли епо вшор. лиц. мн. числа, по должно *одѣвасте*; еспѣли же шрешиѣ, по *одѣваху*; а какъ *гърпаху*, *сыпаху*, *нѣгують* положены въ шрешьемъ, по въ помѣ же (поправлено) и *одѣваху*.

(94) *Адѣ* (само по себѣ дѣепр. гл. *исти* или *ѣсть*) въ сшарину называли *трудомъ* вѣрояшно по шому, чшо оной производитъ *трудѣ* или вредѣ, зло: „подѣ языкомъ его *трудѣ* и болѣзнѣ, пс. IX, 27... *трудѣ* усшенѣ ихѣ покрешѣ я, пс. сxxxix, 10... let the mischief of their own lips cover them...et tout le mal que leurs levres s'efforcent de faire les accablера eux mêmes;“ нынѣ говоритъся: *труденѣ*, *опасенѣ*, *болѣнѣ* при смерши; *трудно*, шягосшно.

(а) Вѣрояшно въ семѣ же значеніи *кожухъ* употреблено и въ Сл. о пол. Иг. но перв. Изд. перевели *шуба*, а имѣ послѣдовалъ и я.

(95) Слово неизвѣстное; перв. Изд. перевели раковина, Г. Пожарскій *тулковина* или *мѣшокъ*, въ кошоромѣ носящѣ *туль*; но шакого слова не бывало. Я оспавилъ безъ перевода: *тѣщими тулы поганыхъ тльковинѣ*; главная мысль ясна: *сыпаху ми великый женгюгѣ на лоно*.

(96) Здѣсь ясно, что *женгюгѣ* происходивъ отъ *женгина* или *женщина*; пошому что онѣ его носящѣ; буквы *г, щ* первоначально одинъ звукъ: *нощъ, ногъ; хощу, хогу; вѣщашъ, вѣгашъ* или *отвѣгашъ*.

(97) О чемъ Н. М. Карамзинъ только догадывался (Исп. гос. Рос. I, спр. 75), по здѣсь явственнo открываешся, ш. е, что *Князь*, или на древле-Сербскомъ языкѣ *Кнезъ* (въ шой бо землѣ Русѣ имѣ любовнаго пріяшеля, *Кнеза* Василя, Исп. гос. Рос. IV, пр. 144), происходивъ отъ *кѣнь*, *конь*, или лучше есть уменьшительное онаго *кѣнесѣ*, *кѣнецѣ* (см. пр. 53; шакѣ возвращ. гл. вънеопред. накл. и въпростор. кончашся на ца). Въ Библии *князь* индѣ упошреблено въ значеніи близкомѣ къ *кѣнесѣ*: „возмите врапа *князи* ваша, пс. XXIII, 7, 9... *machet die Thore weit... Lift up your heads o ye gates!... portes élevez vos têtes... опшверзите князи*, Ис. XIII, 2... *Lasst einziehen durch die Thore der Fürsten... that they may go into the gates of the nobles*;“ и нынѣ верхнее спропильное бревно, въ кошорое врублены быки, въ крестьяншвѣ называется *конь* (шакже *шоломѣ*, см. пр. 57). Но чшобѣ совершенно удосповѣришся, что *кѣнь*, *кѣнесѣ* и *кѣнезѣ* или *кѣнязь* сушь одно и шо же слово,

К

стоишь размыслишь: ошь чего верхнее бревно и старшій между людьми въ переносномъ смыслѣ названы *конь* (а)? ошь подобія; поелику конь превышаетъ ростомъ прочихъ домашнихъ животныхъ. Впрочемъ въ Сл. о Пол. Иг. *кѣнесъ* по смыслу значить: мапица, балка, бревно, поперекъ спаи положенное, на которое сверху въ избѣхъ настилается пополокъ; ибо въ старину во дворцѣ и въ избѣ архиепискупа, видно, была одна.

(98) Г. Пожарскій думаетъ, что ешо описка вмѣсто *Бусовы* (о *Бусѣ* ниже будетъ, см. пр. 112); естлибъ авторъ метафорически называлъ Половцовъ *Бусовы враны*, шо мнѣніе сіе можно бы допустить; но ешо говоритъ Святославъ, еше не знающій о разбиіи Игоря, и *враны* употреблены здѣсь въ собственномъ значеніи. *Босци*, вѣроятно, вмѣсто *босыи*; такъ: *гразиви* вмѣсто *гразныи*; босымъ же авторъ называетъ и волка.

(99) *Плѣсньскѣ*, или *Плѣснескѣ*, на Волынѣ (нынѣ *Плесковѣ* на рѣкѣ Роскѣ, Ист. гос. Рос. III, пр. 77), городъ Галицкаго Княженія; но какъ онъ сюда зашолъ? не понимаю; впрочемъ не должно забывать, что ешо сонъ.

(а) Добровскій производить *Князь* ошь *конѣ*, начало (ошь ешого старинное *ископи*, и нынѣшнія простонародныя: *испоконь*, *коновной*, *доконать*), ш. е. что Славяне, при изобрѣшеніи слова *Князь*, мыслили точно также, какъ Греки (*Ἀρχων*, также ошь *ἀρχη*); но одно сходство внушаетъ уже сомнѣніе; впрочемъ *конѣ* и *конь* въ началѣ вѣроятно было одно слово.

(100) *Болонь* или *болонье*, пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, ибкопорья спроенія, пасшвы для скопины (Исп. гос. Рос. II, пр. 166, 174); слѣдственно почти по же, что нынѣ *городская горта*, кромѣ того, что сія естъ просная межа, а не укрѣпленіе.

(101) Въ перв. изд. было *не сошлю*, описка вмѣсто *не сошли*; пошому что выше оба глагола: *възвѣрааху*, *бѣша* положены во мн. чис. прош. вр. такѣ понимали и перв. Изд. но Г. Пожарскій переводилъ: „и что я (Свяшославѣ) не могу *согнать ихъ*“; но 1) мѣстоим. *ихъ* нѣтъ въ подлинникѣ; 2) *сослать* пшицѣ не лзя сказать; слѣдственно въроянѣе, что ето описка.

(102) Н. М. Карамзинѣ справедливо замѣтилъ, что *бояринѣ* (въ древ. сп. Нестора вездѣ стоилъ *боаре*, Исп. гос. Рос. I, пр. 167) происходилъ отъ *бой*, и въ началѣ своемъ могло знаменовашъ война опличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство (Исп. гос. Рос. I, спр. 75); слово сіе явно сложено изъ *бой*, *ярѣ*, ярѣй или жесткоюй бой. Правда въ *Сборникѣ*, писанномъ въ 1073 г. для Вел. Кн. Свяшослава II, встрѣчается уже *бояринѣ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 173); но сіе доказываеъшь пошько древною порчу сего слова, кшпорое ни въ какомъ случаѣ не можеъшь бышь произведено отъ *болій* или *большой*; поелику всѣ сущ. им. кончащіяся на *ярѣ* или *арѣ* происходящъ, или отъ сущ. же, на пр: *столарѣ*, *псарѣ*, *овгарѣ*, *богарѣ*, и пр. или отъ гл. на пр: *златарѣ*, *звонарѣ*,

дикарь (ошъ *дигюсь*, а не ошъ *дикой*), *нахарь*.
 Ешъли Визаншійскіе испорики *бойладами* дѣй-
 сшвишельно называющъ Боярѣ или Болярѣ, шо и
 сіе ближе къ первому, нежели къ послѣднему; *бой*
 нимало неиспорчено; но *ладѣ* почти сполько же
 походитшъ на *лярѣ*, сколько и на *ярѣ*. Буква *л*, вѣ-
 рояшно, шакже вшавлена для удобнѣйшаго про-
 изношенія, какъ буква *й* выкинуша. Державинѣ,
 какъ нравочитель, произвелъ *боляринѣ* ошъ
бою или *болѣю*:

Боляринѣ, коль за всѣхъ *болѣю*;
 но по крайней мѣрѣ онъ произвелъ его согласно
 съ духомъ языка.

(103) Здѣсь ясно виденъ корень слова *отецѣ*
(ецѣ, уменьшительное окончаніе, на пр. *хлѣбѣ*,
хлѣбецѣ, и пр.): *отѣ*, *нѣй* прилагательное окон-
 чаніе; шакъ: *братѣ*, *братнѣй*, *машѣ*, *матнѣй* (сіе
 послѣднее изчезло); но очевидно, что *братѣ*,
матѣ, *батѣ*, *тятѣ* (въ словахъ: *батьюшка*, *тятинь-*
ка; окончанія *юшка*, *инька* сущъ уменьшитель-
 нья) происходяшъ ошъ одного корня: *атѣ*, или
отѣ (буквы *а*, *о* первоначально одинъ звукъ: *горю*,
гарѣ; *распу*, *ростѣ*; *рабѣ* или *робѣ*, *рабо-*
шашѣ или *робитѣ*). Теперь сравните Славен-
 ское *отѣ* или *атѣ*, съ Греческимъ *ατα*, *πατηρ*,
 Кельшскимъ или Гальскимъ *at* (diction. celtique
 par Ballet), Ташарскимъ *ата* или *атаи*, Угор-
 скимъ или Венгерскимъ *атяа* (Сиб. исп. Фиш.
 спр. 101), Лапинскимъ *pater*, и Тевпонскимъ
water или *father*, и вы увидите, что ешо одно
 слово; буквы: *т*, *б*, *п*, *ф*; и слоги: *аи*, *яа*, *ирѣ*,
ерѣ, *ецѣ* сущъ етимологическіе наросты, коихъ

корень: *атъ* или *ать*; такъ сходствовали языки въ самомъ началѣ между собою. Другое Славенское названіе опца: *понъ*, или *панъ* (уменьшиш. *панька*), или *пана*, естъ одно съ Оспяцкимъ *обо*, Койбальскимъ *онъ*, и Аринскимъ *бианъ* (Nord. Gesch. 433; Оспяки, Койбалы и Арицы суть народы Самоядскаго племени, кочующіе по Енисею).

(104) Здѣсь открываея наспоящая и важная причина Игорева похода; ему хотѣлось прославить себя завоеваніемъ Тьмушорокани, что согласно и съ *лѣт. по Кен. спис.* Рускіе послѣ первой удачи говорящъ: „а нынѣ пойдемъ по нихъ за *Донъ* и до конца ихъ избьемъ, аже ны будешъ побѣда, идемъ и до *Лукоморья*, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возьмемъ до конца свою славу и честь (Библ. Рос. спр. 277).“

(105) Выраженіе *испити шелоомъ Донъ*, въ другой разъ упопреленное авшоромъ, значило: предпринять походъ на *Донъ*; оно встрѣчается даже въ *лѣшописяхъ*: „тогда и Володимеръ (Мономахъ) *пилъ золотымъ шелоомъ Донъ*, приемиши землю ихъ (Половецкую) всю (Исп. гос. Рос. III, пр. 68).“

(106) Сіе слово оспалось и нынѣ въ крестьянствѣ, но только говоришя про лошадей: *путы* (отъ гл. *путать*, вязать), *ина* же естъ увеличительное окончаніе; такъ: *быль*, *былина*, *годъ*, *година*, *ледъ*, *льдина*; *долъ*, *долина*, и пр.

(107) Въ *нѣкошорыхъ лѣшописяхъ* упоминаея о *двухъ* сыновьяхъ Игоревыхъ, но въ *Сл. о пол. Иг.* какъ здѣсь, такъ и выше (*хотятъ*

прикрыти зетыре сьблнца) говорився пдлько о *зетырехъ* Князьяхъ, бывшихъ въ походѣ; слѣдственно обв *одномъ* сынѣ Игоревомъ. И по-тому вмѣсто *Олегиъ*, какъ было въ перв. изд. должно чипашь *Владимиръ*; у Игоря былъ сынъ *Олегиъ*, но ему было тогда не больше 8 лѣтъ, Ист. гос. Рос. III, пр. 44.

(108) Сіе сравненіе св *пардомъ*, или барсомъ, вспрѣчается и въ Неспорѣ: „Князю Свяшославу, врасшю и возмужавшю, нача совокупляши вои многи и храбры, и легко ходя, аки *пардусъ* (Библ. Рос. стр. 56);“ сіи звѣри, видно, не такъ рѣдки были въ Россіи, чшобъ Неспоръ и пѣвецъ Игоря могли ихъ знашь по одному описанію. Въ *Кіев. лѣт.* чипаемъ, чшо Олегиъ Свяшославичъ въ 1147 г. подарилъ Георгію Долгорукому, а Свяшославъ Ольговичъ въ 1159 г. Ростиславу I *парда*; Русскіе могли получашь сихъ звѣрей отъ Грековъ или Волжскихъ Болгаръ.

(109) Перв. Изд. перевели: „погрузили въ *безднѣ* силу Русскую (но ешо не шо, чшо *погрузи жиръ воднѣ Каалы*; хопя и *жиръ* не сила);“ а Г. Пожарскій: „погрузили *землю Русскую въ пропасть*;“ ш. е. чшо земля Русская провалилась въ пропасть? Авторъ хочешъ сказашь, чшо Половцы загнали въ Азовское море, близъ котораго происходило сраженіе, малой ошатковъ Русскихъ (см. пр. 75), спасшійся послѣ онаго.

(110) Въ Славенскомъ языкѣ *нужда* значилъ: принужденіе, насиліе; *нудитися*, бышь принуждаему, насилію: *нуждницъ*, принуждающій, *насилящій*: „отъ дней же Іоанна Крещителя

доселъ царствіе небесное *нудится*, и *нудницы* восхищашъ е, Матѣ. XI, 12. . . and from the days of John the Baptist until now the kingdom of heaven suffered violence, and the violent take it by force.“

(111) Вѣ IV вѣкѣ владычество Оспро-Готовъ простиралось отъ Волги до Вислы, и отъ Чернаго до Бальшійскаго моря; около 3000 могущихъ сражашъ и непокоренныхъ Гунами Готовъ жили съ сего времени въ южной части Крыма, названнѣ отъ ихъ произношенія *допге*. Вѣ 679 г. они покорены были Хазарами, около 1050 г. Половцами, а въ 1237 г. Моголами, которые принудили ихъ даже принять Магомешанскій законъ; но языкъ ихъ сохранился до XIII и даже до XVI вѣка (Исп. Цар. Хер. Тавр. I, 269, 276, 279 и слѣд.). Столицею Готскихъ Царей, которыхъ самыя имена неизвѣсны, былъ древній *Мангутъ*, построенной на горѣ, называемой *Баба*; Митрополитъ Сеспренцевичъ видѣлъ его развалины и бѣдной ошатковъ переродившихся Готовъ: „на берегу рѣки Кабарды (шакъ пишеть онъ въ своей Исп. Цар. Хер. Тавр. I, 283) возвышается величественно гора (почему жъ въ переводѣ выпущено имя оной?), на коей видно нѣсколько вѣшкихъ спроеній, обитаемыхъ неимущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ по можно заключать по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ, и нарѣчію совершенно отличному отъ языка ихъ сосѣдей. Можно сказать, что они поселены на сей вершинѣ для оживотворенія

безмолвныхъ развалинъ обширнаго памятника ,
 которой безъ сомнѣнiя былъ черногомбихъ Госу-
 дарей. Видѣ спариковъ, живущихъ въ сихъ раз-
 ваинахъ, увѣряешъ меня, что рука времени по-
 чила нѣкопорые оспашки сихъ древнихъ Го-
 шовъ. Нѣсколькo бѣдныхъ, уединенныхъ, и едва
 извѣстныхъ семействъ, вопъ все, что оспалось
 нынѣ опъ сего народа.“

Вопъ какимъ образомъ Русское золото очу-
 тилось у Гопскихъ дѣвицъ, чего перв. Изд. ни-
 какъ не могли сообразить (Ироич. пѣснь, стр. 25).

(112) Въ лѣтописяхъ называется онъ *ста-
 рый Шурканъ, Шураканъ и Шаруканъ*; объ немъ
 упоминается, что онъ въ 1107 г. съ Боня-
 комъ и со многими Князьями Половецкими подхо-
 дилъ къ городу Лубнамъ; но былъ прогнанъ до са-
 мой рѣки Хороля. *Бусъ*, по смыслу, долженъ быть
 также Князь или Ханъ Половецкой; Г. Бушковъ
 думаетъ (доказательствъ не спрашивайте), что
 Бусъ есть *Бусиръ-главаръ, Хазарскій Хаканъ*,
 выдавшій сестру свою за Греческаго Импера-
 тора Юстинiана II (въ 701 г.), а дочь за сына
 Греческаго же Императора Льва Исаврiйскаго,
 за Константина (въ 731 г.), Вѣсп. Евр. СХХI,
 стр. 104.

(113) Въ *Кіев. лѣт.* Свяшославъ также пла-
 чешъ и укоряешъ разбишыхъ Князей: „Свяшо-
 славъ же, вельми въздохнувъ, *утеръ слезы свои*, и
 рече: о любимая брашiа, и сынове, и мужи, землѣ
 Руское! далъ ми баше Богъ припомини пога-
 нна, но не въздрѣжавше юности, опвориша во-
 роша на Рускую землю (Исп. гос. Рос. III, пр. 71);“

ествѣлибѣ не было нѣкопорою, впрочемъ самой малой, разницы въ повѣсповованіи (см. пр. 32, 74), шо можно бы подумашь, что Кіев. лѣш. и Сл. о пол. Иг. писаны однимъ перомъ.

(114) Сіе слово встрѣшилось мнѣ въ одной Волынской лѣшописи: „сестра швоя, умираючи, велѣла ми шебе поняти за ся, аши (дабы) иная дѣшїи не *цвѣлить* (не оскорбляешь, не обижаешь), Исп. гос. Рос. IV, пр. 119.“

(115) Перв. Изд. перевели: „св Черниговскими Боярами;“ но *были* (ешо вѣрно описка) никогда не значилъ Бояре; не св *Ковцями* ли? см. слѣд. пр.

(116) Когда Игорь предпринялъ походъ, шо у Ярослава (о коемъ здѣсь рѣчь): „испроси помочь, *Ольстина* Олексича, Прохорова внука, св *Ковци Чернѣговскими* (Кіев. лѣш.);“ авторъ хочешь сказашь, что сіи Могушы, Тамраны, Шельбиры, Топчани, Ревуги и Ольберы, копорые въ Кіев. лѣш, названы, кажешься, общимъ именемъ *Ковцевѣ*, всѣ испреблены на Каяльскомъ сраженіи. Н. М. Карамзинъ замѣчаешь, что Торки и Берендеи назывались часшо особенными именами своихъ начальниковъ (Исп. гос. Рос. III, пр. 69); кажешься, что и изчисленные здѣсь варвары подходящѣ подѣ ешо замѣчаніе.

(117) А. С. Шишковъ полкуешь, что *соколѣ* св *мытехѣ*, выученной, выношенной соколѣ; но здѣсь речъ о *дикомѣ* соколѣ, защищающемъ гнѣздо свое отъ нападенія другихъ пшицѣ. Сверьхъ шого: почему Свяшославѣ говорилъ о себѣ: *а ги диво ся, братіе, стару помолодити?* пошому, что соколѣ, перелинявши, одѣваешься

молодыми перьями ; про охопничьихъ пшицѣ обыкновенно говоришя: *третьей, четвертой мьти*, п. е. что пшица лияла въ шрепей или чешвершой разѣ.

(118) Буквы *ц, з* первоначально одинъ звукъ: Русицѣ и *Русигъ*, Свяшославицѣ и *Святославицъ*, ци и *зи*, ницѣ и *ниге*; вопѣ еще мѣсто изв харашейнаго шребника, хранящагося въ Синодальной библиотекѣ подѣ № 551, что *ниге*, ницѣ или низѣ: „огорожайся часто образомъ креша, складываючи при пальца первыя, а два послѣднiя пригнувъ добрѣ (крѣпче), *ниге* пропягнувъ (Исп. гос. Рос. VIII, стр. 150 въ пр.);“ опѣ *ниге* происходятъ новѣйшiя: ничкомѣ, навзничѣ, наничѣ, наничка, изнанка.

(119) Слѣдственно им. пад. будешѣ *Римы*, нынѣ Ромень или Ромны (сие послѣднее даже довольно сходно съ *Римы*), уѣзд. гор. Полшавской губерни; Н. М. Карамзинѣ пишешѣ въ им. пад. *Римѣ* (Исп. гос. Рос. III, стр. 68), производя конечно опѣ даш. *Римови*, или опѣ прил. *Римской* (см. слѣд. пр.); но сего иначе опѣ *Римы* произвешпи не лзя, а опѣ даш. *Римови* скорѣ можно им. произвешпи *Римовѣ*; попому что граждане сего города названы *Римовцы*.

Перв. Изд. городѣ *Римы* преврашили въ *Урима, Игорева Воеводу* (спр. 27); конечно безѣ Кiев. лѣш. не извяснишь бы сего мѣста; но на что говоришь ушвердительно шамѣ, гдѣ всего лучше Сокрапово признанiе; симѣ никогда не введешѣ чипашелей въ заблужденiе.

Г. Пожарскiй повшорилѣ ошибку перв. Изд.

и перевелъ: „вопѣ *Уримъ кригитѣ*“; сіе показывае-
 етъ, что онѣ даже не читалъ сѣ надлежащимъ
 вниманіемъ исторіи Н. М. Карамзина; такъ по-
 добно перв. Изд. поправилъ онѣ автора въ пере-
 водѣ: *Половганамѣ*, т. е. Половцамъ, вмѣсто *По-
 логанамѣ*, т. е. жищелямъ Полоцка (см. пр. 135).

(120) Въ *Кіевъ лѣт.* „идуци же (ошѣ Пере-
 яславля, см. сѣд. пр.) мимо, приступиша къ
Римови. *Римовци* же затворишася... и възлѣз-
 ше на заборала (на стѣны), и лепѣсша (упа-
 ли) двѣ городници (ошѣ гл. *городить*, заборины)
 и сѣ людьми къ рашнымъ (къ непріятелю)...
 копоріи гражане выидоша и біяхуся, ходяще
 по *Римскому* болоту, шіи избѣжаша плѣна; а
 кшо ся оспалъ въ городѣ, шіи взяши быша (Исп.
 гос. Рос. III, пр. 72).“

(121) Въ *Кіев. лѣт.* „и бысшь у нихъ (у
 Половцевъ по разбиши Игоря) копора (раз-
 молвка); молвяше бо Кончакъ: пойдѣмъ на Кыевъ,
 гдѣ сущъ избита брашя наша и Вел. Кн. нашѣ
 Бонякъ (по друг. лѣш. Боняковѣ брашѣ, *Тазѣ* въ
 1107 г.); а Кза (Гзакъ) молвяше: пойдѣмъ на
 Семь (рѣка Семь, на копорой спояшѣ города:
 Пушивль, Рыльскъ, Курскъ), гдѣ ся остали
 жены и дѣши... и раздѣлишася на двое. Кон-
 чакъ поиде къ *Переяславлю* (Исп. гос. Рос. III, пр.
 71).“ Въ *лѣт. по Кен. сп.*: „и у *Переяславля* би-
 шася весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ, видя
 оспрогъ взимаемъ, выѣха изъ города къ нимъ въ
 малѣ дружинѣ, и пошече конемъ, и бися сѣ ни-
 ми крѣпко, и обспупиша Князя злѣ. И видѣвше
 горожане изнемогающихъ своихъ, выринушася

изъ города, и бившесь, два изопяша (выхвашили) Князя, боденого шреми копья; а дружины много избіено, и вбѣгше въ городъ, зашворяшась; а они возвращашась со многимъ поломъ въ вежи (Библ. Рос. спр. 278).“

Вотъ изображеніе сего мужеспвеннаго Владиміра Глббовича, оспавленное современнымъ Кіевскимъ лѣтописцемъ: „на помѣ бо пуши разболѣся Володимеръ Глббовичь. . . и принесоша въ Переяславль на носилицахъ, и преспавися Апр. въ 18 (1187 г.), и положенъ бысть въ церкви Св. Михаила. . . И плакашась вси Переяславци; бѣ бо любя дружину, и злапа не збираше, но дааше дружинѣ; бѣ бо всякими добродѣтели наплнненъ, о немъ же Украина много поспона (Исп. гос. Рос. III, пр. 74).“ Еспльи были между Князьями недоспойные сыны ошечества, приводившіесъ собою Половцевъ или Татаръ раззоряш оное, за шо были герои съ испинными рыцарскими добродѣтелями; шаковы: Свяшославъ I, Владиміръ Мономахъ, Мспиславъ Великій, Василко Росповскій, Даніилъ Галицкій, Александръ Невскій, Димитрій Донской, и многіе другіе.

(122) Перв. Изд. и А. С. Шишковъ думаютъ, что къ современнымъ Князьямъ взываетъ не авшоръ, а Кіев. Вел. Кн. Свяшославъ; но послѣ жалобъ сего послѣдняго слѣдуетъ описаніе проишесшвій: *се у Римъ кригать подѣ саблями позаными*, и пр. Не уже ли они скажутъ, что и ешо Свяшославъ говоритъ? сверхъ шого Н. М. Карамзинъ справедливо замѣчаетъ (ш. III, пр. 262), что гордый владѣтель Кіевскій не могъ

называшь ихъ своими *Господами*, или *Государями*, какъ памъ сказано: *вступита, Господина, въ златый стремь . . . стрѣлай, Господине, Конзака*, и проч.

Всеволодъ Георгіевичъ, Велик. Кн. Влад. и Сузд. Государь сильный своего времени, котораго отецъ, Георгій Долгорукій, сидѣлъ на Кіевскомъ престолѣ; почему сей и названъ въ отношеніи къ Всеволоду *отнимъ*. Перв. Изд. говорящъ, что ешо отношися къ *Всеволоду III, сыну Ольга Святославица Тьматороканскаго* (спр. 28); но Всеволодъ, (Святославичъ) III, или Чермный, правнукъ Олега, а сынъ Всеволодъ II; но и шотъ давно умеръ (въ 1146 г.).

(123) Перв. Изд. думали, что *гагою*, симъ полуименемъ изъ презрѣнія названъ Кончакъ (спр. 28); но они не обрапили вниманія на гл. *была бы* въ жен. родѣ. Правда безъ Кіев. лѣш. сіе мѣсто ошалося бы неизвѣстно: „яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнишся до избылія и колодники, и *гагами* (въ другихъ лѣшописяхъ: *женами*); и дѣшмиихъ, и челядью;“ *кощеями* же назывались Княжескіе опроки, или *дѣтскіе*; въ *Воскр. лѣт. II, 92*: „бѣше бо съ нимъ (съ Андрѣемъ Боголюбскимъ) *кощей* единъ, малъ *дѣтескъ*;“ Велик. Кн. Кіев. Мстиславъ Изяславичъ въ 1168 г. послалъ за Половцами сѣдельниковъ своихъ и *кощевъ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 420; жаль, что не приведены собшвенныя слова лѣшописца). Оба слова: *гага* и *кощей* коренныя Русскія, но мало упошребительныя: *огагъ* (опредлогъ), *коргага* (*коръ* или *корецъ* помалороссійски *ковшъ*),

вѣрояшно, происходяшѣ опѣ *гага*, хозяйка; *кощей* или *кащей* (какѣ и нынѣ говорихся вѣ смыслѣ спараго, гнуснаго скрягц), *кащенокѣ* (совершенно по же, чпо *кощей*, ш. е. мальчикѣ, но шолько вѣ презрипельномѣ смыслѣ), *кощунѣ* (а), злохульникѣ; *кощунство*, злохуленіе; *пакощу* (на или по предлогѣ; шакѣ: *паполома* или *пополома*, *папорзи* или *по перси*), гажу, бѣды шворю; *пакость*, бѣда, худо; *пакостной*, скверной, негодной; *пакостникѣ*, сквернавецѣ, негодяй (дадеса ми *пакостникѣ* плоши, ангелѣ сапанинѣ, да ми *пакости* дѣшѣ, да не превозношуся, Павл. II посл. кѣ Коринѣ, гл. XII, ст. 7), всѣ сіи слова явно происходяшѣ опѣ гл. *кощу* или *кащу* (по же, чпо *пакощу*).

Ногата, *кѣна*, *рѣзанѣ*, *вѣкошѣ* древнія, ходячія вѣ Россіи деньги, соспоющія изѣ лоскушковѣ кунныхѣ и бѣльихѣ: *мордокѣ*, *лапокѣ*, *ушковѣ*; чпо доказываешѣ самыя ихѣ названія: *кѣны* или *кѣны мордки*, опѣ *морды* или *рыла*; *вѣкошѣ* или *вѣкошѣ мордки*, опѣ *вѣкши* или бѣлки; *ногата* опѣ *ногтей* у лапокѣ, кошгорые видно не опрѣзывались прочѣ; *рѣзанѣ*, опѣ *рѣзатѣ* (шакѣ назывались можешѣ бышѣ ушки; ибо Гербершшейнѣ пишешѣ, чпо и

(а) Такѣ происходяшѣ: бѣгу *бѣзунѣ*, бормочу *бормотунѣ*, визжу *виззунѣ*, вѣю *вѣюнѣ*, говорю *говорунѣ*, грызу *грызунѣ*, горюю *горюнѣ*, годую (упошребишельно шолько вѣ прош. врем. и неопред. накл.) *годунѣ*, жру *жрунѣ*, кричу *крикунѣ*, лгу *лгунѣ*, реву *ревунѣ*, перу или прѣ *Перунѣ* и пр.

єїи ходили за мѣспо денегѣ, Reg. Moscov. Comment. спр. 42; но я не думаю, чпобѣ самую шкурку рѣзали вѣ лоскушки; пошому чпо она вѣ шакомѣ случаѣ пропадала бы; а мордки, лапки, ушки и безѣ пого ни на чпо не годились). Лоскушки сїи, вѣрояшно, клеймили (до насѣ не дошли сїи кожаныя деньги (6), и пускали вѣ народѣ для обращенїя (Исп. гос. Рос. I, пр. 254); шакимѣ образомѣ древнїя ногашы, куны, рѣзани, вѣкоши замѣняли нынѣшнїя ассигнаціи, звонкая же монеша была гривны серебра и золота. Вѣ гривнѣ считалось: ногашѣ 20, кунѣ 25, рѣзаней 50, вѣкошей 250; сама же гривна вѣсила: серебряная 48 золотниковѣ, золотая 56 червонцевѣ (Исп. гос. Рос. I, пр. 298, II, пр. 79, 104).

(124) Отѣ слова *шире*, родѣ военной машины, можешѣ бытѣ самострѣльные луки, о которыхѣ говоритѣ Кїев. лѣш. чпо 50 человекѣ сѣ спрудомѣ могли напшянушѣ (Исп. гос. Рос. III, пр. 68).

(125) Вѣ 1180 г. Рязан. Кн. Романѣ, Игорьѣ, Владимїрѣ, Всеволодѣ и Святославѣ (вѣ поколѣн. росписи перв. Изд. ошибкою названѣ *Ярополкомѣ*), сыновья умершаго Глѣба Роспиславича, признали главою своею и покровишелемѣ Вел. Кн. Влад. Всеволода Георгїевича, кошпорой и удѣлы имѣ на-

(6) Н. М. Карамзинѣ говоритѣ о *кожаныхѣ* деньгахѣ, хранящихся вѣ Александровскомѣ, дѣвичьемѣ монастырѣ Владимїрской губернїи и вѣ Воронежскомѣ цейгѣгаузѣ, сѣ разными клеймами (Исп. гос. Рос. I, пр. 524); но я понимаю, чпо еши деньги изѣ сапожной, а не изѣ звѣриной кожи или шпурокѣ.

значилъ (Исп. гос. Рос. III, стр. 56); въ семъ по смыслѣ авторъ говоритъ, что Всеволодъ можетъ стрѣлять *живыми шерширами*, сыновьями Глѣба, п. е. располагашъ ими.

(126) Ярославъ Владиміровичъ, Князь Галицкій на Волынѣ и песнь Героя поэмы, Игоря, Государь мудрый и сильный своего времени; авторъ даетъ ему прозваніе *Осмомысла*, п. е. обладающаго *осьмью смыслами* или умами; и могущество его изображаетъ самыми яркими чертами. Владѣніе Ярослава простиралось отъ горъ Угорскихъ (нынѣ *Карпатскихъ*) до устья Сереты и Прупа (Исп. гос. Рос. III, стр. 71; сльдственно Россія возвратила еще не все древнее свое достояніе). Въ *Кіев. лѣт.* сей Князь такъ изображенъ: „того же лѣта (1187) преставися Галицкій Князь Ярославъ мѣс. Окш. въ 1 день, а во 2 день (какъ скоро тогда хоронили мертвыхъ, даже Государей) положенъ бысть въ церкви Св. Богородица. Бѣже Князь мудръ и реченъ языкомъ, и чпенъ въ земляхъ, и славенъ полкы. Гдѣ бо бяше ему обида, самъ не ходя съ полкы своими (шумъ пропускъ до слова: *водами*, п. е. но посылалъ ихъ съ воеводами)... бѣ бо роспроилъ (устроилъ) землю свою, и милоспыню сильно раздаваше, спранныя любя... честь подавая отъ сильныя своея (честь воздавая сильнымъ своимъ), и въ всемъ законѣ Божіи ходя, къ церковному чину самъ призирая и строя добръ (Исп. гос. Рос. III, пр. 77).“ По смерти Ярослава Галицкій прѣонъ подвергся политическимъ бурямъ, кошорыя

не переспавали свирѣпствовашъ почши до половины XIV столѣсія, въ которое время онъ рушился. Сл. о пол. Иг. писано по смерти уже Ярослава (см. пр. 171); но чипапели должны припомнить, что когда дѣйствіе поемы происходило (въ 1185 г.), то Ярославъ былъ еще живъ.

(127) Въ перв. изд. было *Кощель*; но *кощей* значивъ ошрокъ (см. пр. 123): принявъ за собственное имя, какъ приняты перв. Изд., но въ Киев. лѣш. и въ Сл. о пол. Иг. вездѣ говорився только о двухъ вождяхъ Половецкихъ: Кончакъ и Гзакъ (перв. Изд. называютъ Карна и Жля также вождями Половецкими; но гдѣ ешо сказано?); слѣдственно *Кощей* здѣсь явная описка вмѣсто *Гзакъ*.

(128) Романъ Мспиславичъ, Князь Владимірской и послѣ Галицкой на Волынѣ, Государь, оплично храброй, властолюбивой и предприимчивой; вошъ изображение его, оставленное намъ Волынскимъ лѣшописцемъ., по смерти же Великого Князя Романа (въ 1205. г.), памятнаго Самодрѣжца *всѣя Руси* (здѣсь разумѣется одна Южная Россія, хотя Романъ и шюю не всею владѣлъ), одолѣвшаго всѣмъ поганскимъ языкомъ ума мудростию, ходяще позаповѣдемъ Божиимъ; устремилъ бо ся бляше на поганья, яко левъ, срѣдидѣ (сердидѣ) же бѣ, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прохожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ же бѣ, яко и шуръ, ревнова же дѣду (прапрадѣду) своему Мономаху (Исп. гос. Рос. III, пр. 114).“
Перв. Изд. смѣшали сего Романа Мспиславича Волынскаго съ Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, Государемъ совсѣмъ противоположныхъ

свойспѣвѣ (спр. 31), показавѣ сами его въ поколѣнной росписи умершимъ въ 1180 году; небрежность удивительная.

(129) Перв. Изд. смѣшали также сего Мстислава Ярославича Луцкаго съ Мстиславомъ Ростиславичемъ Новгородскимъ (спр. 31), показавѣ сами его въ поколѣнной росписи умершимъ въ томъ же 1180 году.

(130) Опѣ слова *перси*, грудь; *напорзи*, по перси, верхняя часть брони.

(131) Здѣсь говорится о побѣдахъ Романа надъ Литвою, Ятвягами (варварскимъ и оплочно храбрымъ народомъ Лапышскаго племени, жившимъ въ мѣсахъ между Литвою и Польшею, тамъ, гдѣ нынѣ Бѣлосокъ, Бѣльскъ и Дрогичинъ, Исп. гос. Рос. I, пр. 493), Деремелою (о семъ народѣ, върояшносоудственномъ и единоплеменномъ съ Япвягами, упоминается въ одномъ Сл. опол. Иг.) и Половцами (въ 1202 г. Исп. гос. Рос. III, спр. 107). О семъ по Романѣ до самаго XVI вѣка въ Литвѣ сохранилась пословица: *Романе! лихимъ живешы, Литвою орешы*, или: *зѣ, Романе, робышь* (дѣлаешь опѣ слова *робѣ*, рабѣ, см. Рус. Пр.), *это Литвиномъ орешь*, кошорую сказалъ будто одинъ плѣнной Литовецъ, научившись Русскому языку, и впряженной въ плугъ вмѣсто вола; Романъ заставлялъ плѣнныхъ Литовцовъ расчищать неспаханную землю, запрягая ихъ скованныхъ въ плугъ (Исп. гос. Рос. III, пр. 114).

(132) *Утпрѣти* есть то же, что уперѣшь или поперѣшь (такъ въ Волынской лѣтописи встрѣчается *стрѣти*, сперѣшь: „и гражане не стрѣ-

лѣша и *вдашась*, “Исп. гос. Рос. IV, пр. 102), и означаешъ лишеніе или упрасу чего нибудь: *потерѣло* здорově, *сшало* плохо; *потерѣла* торговля, получила вредъ: *потерѣла* казна, понесла убытокъ; *цтрѣлѣ* или *потерѣлѣ* свѣтѣ (выраженіе низкое, и даже необыкновенное), уменьшился, помрачился.

(133) Вѣ *Кіев. лѣт.*., вѣ то жѣ *лѣпо* (1187) воева *Кончакѣ по Рши* (то же, что *по Рси*, *рѣка Рось*, текущая вѣ *Днѣпрѣ* ниже *Кіева*), и часно почаша воевати *по Рши* и вѣ *Чернѣговской* волости (области, Исп. гос. Рос. III, пр. 74); “не о сихъ ли *набѣгахъ* *Половцовъ* *здѣсь* *рѣчь*?”

(134) *Роменѣ*, взятой *Половцами*, стоитѣ на *Сулѣ*, впадающей вѣ *Днѣпрѣ* ниже *Переяславля*, кошорой построены также недалеко отѣ *Днѣпра*. Авторѣ намѣкаетѣ о несчастной участи *Ромена*; по другимъ *лѣпописямъ* всѣ города по *Сулѣ* (на ней споятѣ еще: *Лубны*, *Недригайловѣ* и *Глинскѣ*) взяты были *Половцами* (*Библ. Рос. спр. 278*).

(135) „Сии слова избражаютѣ ужасъ погдашнихъ *Липовскихъ* *набѣговъ* на *Кривскую* землю (*Исп. гос. Рос. III. пр. 65*); “перв. Изд. не осмѣлились вшавишь букву *в* вѣ слово *Пологаномѣ*, но мнимую описку поправили вѣ переводѣ (*спр. 33*); такимъ образомъ отѣ одной буквы вышелъ странный и противный автору смыслъ (а все отѣ того, что не соображались съ исторіею), т. е. что *Половцы* вѣ одно время взяли *Роменѣ* и опустошали около *Полоцка*.

(136) Вѣроятно *Всеславѣ*, а не *Изяславѣ*, *Васильковичѣ* и *правнукуѣ*, а не *внукуѣ* знаменитого *Всеслава* *Брячиславича* *Полошскаго* (*Исп. гос. Рос.*

II, пр. 407). Обѣ Изяславѣ въ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается, о Всеславѣ же во многихъ мѣстахъ, и у него были также два брата: *Браславѣ* и *Володша* или *Всеволодѣ*. Съ 1181 г. лѣтописи замолчали о Всеславѣ II, въ 1183 г. Липовцы безъ милости раззоряли Полоцкую землю (Исп. гос. Рос. III, спр. 63), и по словамъ нашего автора Изяславѣ Васильковичъ убишъ ими; слѣдственно Изяславѣ и Всеславѣ, кажешся, одна особа.

(137) Перв. Изд. дали симъ словамъ собственн-ной смыслъ: *на селѣ то одрѣ лежа*; Г. Пожарскій перевелъ: *и пожелаѣ* (ш. е. онѣ *схоти*, какъ было въ перв. изд. принялъ за *восхотѣ*), *чтобѣ сія кровавая трава служила ему одромѣ*; но гдѣ ешо въ подлинникѣ? Здѣсь *схоти* описка вмѣсто *схыти*, или *схити*, восхишилъ, а ю, ее, ш. е. славу; мысль автора такая, что Изяславѣ палъ увѣнчанный славою.

(138) Авторъ переносится въ предѣлы Западной Россіи, ш. е. Кривской или Полоцкой земли; и попому здѣсь речь не о Городенскомѣ (городищѣ въ Львов. уѣз. Курск. губ.), а мѣстечкѣ *Городно* въ Мин. губ. между рѣками Спыремѣ и Горынью, въ которомъ въ старину было княженіе: „посла (Мстиславѣ I) братаю свою: Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Володимеря, Всеволодка изъ *Городна* (Исп. гос. Рос. II, пр. 250). . . ходи Мстиславѣ на Липву (въ 1132 г.) съ сынами своими и съ Олговичи, и съ Всеволодомъ *Городенскимъ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 253);“ здѣсь ясно, что прилагаш. *Городенскій*

происходилъ отъ мѣстечка *Городно*, а не отъ городища *Городенскаго*. Впрочемъ есть еще *Городня*, мѣст. въ *Рогач. уѣздѣ Могилев. губер.* (геогр. Сл. *Щекашов. II, 75*); но я послѣдовалъ *Н. М. Карамзину*.

(139) По смыслу также внукъ или правнукъ *Всеслава I*; но по лѣтописямъ неизвѣстенъ.

(140) Знаменистый *Всеславъ Брячиславичъ Полошскій* изображенъ современнымъ *Неспоромъ* также Государемъ храбымъ, бодрымъ и неутомимымъ; но жестокимъ и любящимъ кровопролитіе, въ которомъ прошла почти вся его жизнь. Дѣла *Всеслава* бывали чрезвычайно плохи; но онъ никогда не унывалъ отъ частыхъ своихъ неудачъ, и всегда умѣлъ поправлять ихъ; двоюродные его дяди, *Кіевскіе Ярославичи* два раза лишали его наследственнаго престола, и одинъ разъ вольности самымъ вѣроломнымъ образомъ. *Всеславъ* княжилъ 57 лѣтъ и умеръ, обладая *Полошскомъ*.

(141) О семъ обстоятельстве жизни *Всеславовой* въ лѣтописяхъ не упоминается.

(142) *Перв. Изд. и Г. Пожарскій* перевели въ един. числѣ; но здѣсь двойств. чис. сказат. или предлож. падежъ; слова всѣ ясны, но мысль темна.

(143) Въ перенос. см. *кляка*, лукавство, хитрость: „*клякижъ* въ немъ не бѣ (Библ. *Рос. спр. 126*)“; но здѣсь слово сіе употреблено, кажется, въ собствен. см. видно *Всеславъ* былъ раненъ, и безъ помощи копытъ не могъ сѣсть на лошадь. *Г. Пожарскій* пол-

куешѣ, что клюками подѣбьрся о кони знагитѣ самострѣльными машинами цкрѣпился на лошадахѣ (какія же ешо были самострѣльныя машины, и какиѣмъ образомъ посредствомъ оныхѣ Всеславѣ укрѣплялся на лошадахѣ? весьма бы любопышно было знашь; жаль, что Г. Пожарскій не сказалъ ешого); *ибо слово клюка на Карніольскомѣ нарѣчіи клюка, на Польскомѣ клюжка имѣетѣ между многими слѣдующія значенія: пастъ, самоловка, хитрость, штука (сѣпр. 65).* Да развѣ Сл. о пол. Иг. писано на Карніольскомѣ нарѣчіи, или на Польскомѣ языкѣ? Естьлибы слово *клюка* исчезло въ нашемъ языкѣ, и въ самыхѣ лѣшонисяхѣ не встрѣчалось, то искашь его въ другихѣ единойзычныхѣ намѣ нарѣчіяхѣ не худо; но оно и шеперь всякому извѣстно. Вотѣ доказательство, что одно слово у насѣ значить шо, а у Поляковѣ, Кроашовѣ или Богемцовѣ другое.

(144) Мысль автора та, что Всеславѣ досталѣ Кіевскій престолѣ оружіемъ; но онѣ въ 1068 г. извѣ шюрьмы посаженѣ былѣ на оной взбунтовавшимися противѣ Изяслава I Кіевлянами; или Авпорѣ хотѣлѣ симѣ возвеличить Всеслава, къ кошорому онѣ какѣ будшо являетѣ приспрасіе?

(145) Въ *лѣт. по Кен. сп.* „пойде Изяславѣ сѣ Болеславомѣ на Всеслава; Всеславѣ же пойде противу, и приде къ Бѣлугороду Всеславѣ, и бышей ноци, ушайся Кіянѣ, и бѣжа извѣ Благорода къ Полоцку (Библ. Рос. сѣпр. 120).“

Сей Бѣлгородѣ не уѣзд. гор. Курской губер.

на рѣкѣ Донѣ, построеной въ 1593 г. а *Бѣлогородка*, мѣспечко на рѣкѣ Рупинѣ, въ 40 верстахъ отъ Кіева, гдѣ, кромѣ вала, древняго ничего нѣтъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 468).

(146) Въ перв. изд. было *возни*, описки или опечатка вмѣсто *вози*; А. С. Шишковъ замѣтилъ, что ещо вѣроятно должно бытъ прилагат. и значить: *возимый на возахъ*; Г. Пожарскій въ самомъ дѣлѣ воспользовался симъ замѣчаніемъ, и перевелъ: *возовыми* (употребительно только въ семъ реченіи: *возовая лошадь*, ша, кошорая ходишь въ возу) *стрикусами* (родъ сѣвнобишнаго орудія); въ тому жѣ убѣдился онъ въсправедливости сего замѣчанія, что *возни* на Польскомъ, Богемскомъ и Кроатскомъ языкахъ (будшо) значить: *возимый, возовый* (спр. 75).

(147) Всеславъ взялъ Новгородъ Великій по харашейнымъ спискамъ Нестора въ 1067, а по древней Новгородской лѣтописи въ 1066 г. онъ ограбилъ въ немъ самой Софіійской соборъ. Новгородской лѣтописецъ въ неискуспвенной горести сердца восклицаетъ: „и колокола сбима у Свяшья Софіи! о великая бѣда въ часъ шый! и паникадила сбима (Исп. гос. Рос. II, пр. 118)!“

(148) Въ перв. изд. было *Ярославу*; но тогда никакого Князя сего имени не было; а былъ Вел. Кн. Изяславъ Ярославичъ, кошорой отъ Всеслава бѣжалъ изъ Кіева, когда сей взбуншовавшимся народомъ освобожденъ былъ изъ плурмы. Авшоръ намѣкаетъ важешя о семъ обстоятельствѣ.

(149) Перв. Изд. перевели: „не *быліемъ* были посяны,“ ш. е. не правую; но сраженіе, о копоромъ здѣсь речь, происходило 3 Марша, 1067 г. и берега Неменя (древней Немизы) покрышы были не зеленою правую, а глубокимъ снѣгомъ (Исп. гос. Рос. II, стр. 74). *Болого* то же, что благо, добро: „занеже ему *бологодѣяль* (благодѣшествовалъ) и хоронилъ (хранилъ) шоварѣ его (Исп. гос. Рос. II, пр. 96);“ да и нынѣ въ просторѣчїи говорїшся: *болого* ему было сказано.

(150) Перв. Изд. перевели: „до *Курска* и до *Тьмѣторакани*,“ и такимъ образомъ *кура* или *нѣтѣха* („и абїе *курѣ* возгласи,“ Машѣ. XXVI, 74, Синодаль. Хараш. Еван. писан. 1144 г.) превратили въ *городѣ Курскѣ*. Въ просторѣчїи и нынѣ говорїшся: *до нѣтѣховѣ, въ нѣтѣхи* (въ спарину: *до курѣ, въ куры*: „и бышь въ чешвершюкѣ на ночь, поча изнемогаша, и яко бышь *въ куры*,“ и пр. Исп. гос. Рос. IV, пр. 175), ш. е. до пѣнїя пѣшуховѣ, когда поюшѣ пѣшухи; конечно извѣ Кїева на оспровѣ Таманѣ въ нѣсколько часовѣ поспѣшь не возможно (также какѣ слышашѣ звонѣ Полошскихѣ церквей въ Кїевѣ); но сіе выраженїе ешь гипербола, автору хошѣлось предсавишь Всеслава чловѣкомъ необыкновеннымъ.

(151) Г. Пожарскїй думаетѣ, что ешо по спаринному правописанїю: *Хорсови*; А. С. Шишковѣ и Г. Бушковѣ полагаюшѣ, что ешо описка; первой вмѣсто: *Херсонови*, второй вмѣсто: *Днѣпрови*; но здѣсь не йдетѣ значенїе ни идола Хорса, ни города Херсона, а рѣки Днѣпра ишетѣ.

На дорогѣ изъ Кіева въ Тьмушорокань (а) Днѣпрѣ надобно переѣзжать; зашрудненіе въ одномъ словѣ *путь*, дорога, а не печеніе; но мы должны уже привыкнутьъ къ метафорическому слогу автора: здѣсь Днѣпрѣ одушевленъ, а говоря о лицѣ скажешь можно: *переѣзжать дорогу* или *перерискать путь*. Я самъ почишалъ епо мѣсто непонятнымъ (и попому оспавилъ безъ перевода); но на конецъ убѣждаюсь въ справедливости догадки Г. Бушкова.

(152) Т. е. Бояну; но перв. Изд. и Г. Пожарскій дали такой оборотъ мысли автора, что Боянъ не Всеславу, а вообще сказалъ припѣвку. Мы видѣли нѣсколько разъ, что авторъ не договариваетъ: *уже погрузи жиръ во днѣ Каялы* (какой жиръ?) . . . *и въ море погрузиша* (кого?) . . . *грозою баше* (кому?) . . . *конія поють* (чьи?); переводчику надобно досказашъ или дополнишь его мысль. Такъ и здѣсь: *аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ*, ш. е. хотя въ другомъ шѣлѣ и мудрая душа, какова была у Всеслава; такимъ образомъ: *нѣ гасто бѣды страдаше и тому будешъ опносишься къ Всеславу и согласовашься съ исторією; Всеславъ при всей своей хипроспи былъ нещасливъ.*

Но еслили первымъ Издателямъ показалось

(а) Г. Бушковъ почишаетъ Тьмушорокань, о коемъ здѣсь речь, *Остреческимъ* (опѣ рѣки *Остра*, при кошорой онъ будшо споялъ), а не Черноморскимъ; но существованіе сего Остреческаго Тьмушороканя подвержено большому сомнѣнію (Исп. гос. Рос. II, пр. 117).

сіе мѣсто подверженнымъ двусмыслію, что они говоряшб: „когда и при копоромъ Государѣ *гремѣла* его (Боянова) *лира*, ни почему узнать не лѣзя (спр. 2),“ по припѣвка Боянова: *ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути* должна бы ихъ вывести изъ заблужденія, что Боянъ жилъ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры (спр. 7 (а). Имѣюшб ли понятіе о судѣ Божіемъ язычники и еще варвары? даже мысль сей припѣвки взяша едва ли не изъ Екклесіаста (XI, 14): „яко все твореніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво.“

(153) Вел. Кн. Владиміръ I передъ самой смершью готовился итти въ походъ въ Новгородъ наказашъ сына своего Ярослава, копторой не хотѣлъ *давать урока* или плашшъ дани 2000 гривенъ, Несш. Библ. Рос. спр. 92.

(154) Мѣсто довольно шемное; К. Θ. Калайдовичъ думаетъ, что *хоботъ* значшъ земля (шакъ перевели и перв. Изд: *ихъ носятъ на рогахъ*, вспахивая землю), и что онъ ешого произошло просшонародное *ухоботье* или *хвостецъ*, обивки, собираемые послѣ (вѣянъ) яроваго хлѣ-

(а) Сочинштель *Пантеона Россійскихъ авторовъ* шаного же мѣншя: „можешъ бышъ жилъ Боянъ во времена Героя Олега; можешъ бышъ пѣлъ онъ славный походъ сего аргонавта къ Царюграду, или несчастную смерть храбраго Свяшослава, копторой съ горшшю своихъ погшбъ средъ безчисленныхъ Печенеговъ, или блестящую красошу *Гостомышловой правнуки* Ольги.“ Сколько догадокъ и ни одна не основана на исторіи!

ба (древ. Рос. стих. спр. XXVI). Точно такъ; но по сей самой причинѣ *хоботъ* никогда и не значилъ *земля*: привѣяннѣ хлѣбашучное зерно, какъ тяжелѣйшее, лепилъ далѣе и называется *головка*; а поще, какъ легчайшее, падаетъ шупъ же у ногъ и называется *ухоботье* или *хвостецъ*, что одно и то же значитъ. Въ старину оба слова: *хоботъ* и *хвостъ* (если только послѣднее не новое и неизперваго испорчено) также значили одно и то же: „и *хоботъ* его (змѣя) оппорже прешю часъ звѣздъ небесныхъ, Апокал. XII, 4 . . . und sein schwanz zog den dritten theil der sterne . . . et il entraînoit avec sa queue la troisième partie des étoiles.“ Но вотъ еще примѣръ, взятый изъ пѣснь же самыхъ *древнихъ Россійскихъ стихотвореній* (спр. 45), на копорыя ссылается К. Θ. Калайдовичъ говоритъ, что *хоботъ* значитъ *земля*:

Обвивается люшой змѣй около чебоша, зеленъ
сафьянъ,

Около чулочика шелкова, *хоботомъ* бѣшетъ по бѣлу
стегну.

К. Θ. Калайдовичъ указываетъ еще на другое мѣсто въ древ. Рос. стихоспв. спр. 388:

Онъ (Суровецъ) бѣгалъ, скакалъ по числу полю,

Хоботы мешалъ по шемнымъ лѣсамъ;

но здѣсь *хоботъ* не значитъ ни земля, ни хвостъ; а если имѣетъ какой смыслъ, то развѣ описки вмѣсто: *гоботы*.

Выраженіе: *нѣрози нося имъ* (Рюрику и Давиду) *хоботы* (здѣсь пворитъ. а не винитъ. пад.) *пашутъ* довольно странное; *пахать хвостами* не лзя сказать и о волахъ, на копорыхъ обык-

новенно землю пашуть в Малороссіи; а авпоръ говоришь о врагах Рюрика и Давида. Не мешишь ли онъ на то, что Романъ Волинскій (въ такомъ случаѣ сей смѣшанъ съ Рюрикомъ и Давидомъ) впрягалъ въ плугъ пѣвнихъ Липовцевъ (см. пр. 131)? шѣмъ паче, что ниже слѣдуетъ: *копѣя поють на Дунаи*, ш. е. оружіе (ихъ) славится на Дунаѣ; симъ, по мнѣнію моему, означающія Романовы побѣды надъ Половцами въ древней Фракіи (Исп. гос. Рос. III, стр. 107).

Г. Пожарскій извѣсняетъ епо мѣсто слѣдующимъ образомъ: *на Польскомъ языкѣ хоботы значить гоботы, сапоги (сіи послѣдніе попольски boty, выговар. бѣты); посему речъ подлинника: нъ рози нося имъ хоботы пашуть означають слѣдующую мысль: но рогами, то есть, могуществомъ, силою, или посредствомъ могущества, силы, нося сапоги, землю пашуть; или но сдѣлавшись могущими, стали въ сапогахъ землю пахать (не лѣзя понише, только не для чипашелей, а развѣ для самого авпора). Выраженіе: въ сапогахъ землю пахать, сообщаетъ понятіе о богатствѣ (нынѣ народъ богатше, однакожъ въ сапогахъ не пашуть).*“

(155) Перв. Изд. перевели *зегзицею незнаемъ*: какъ оставленная горлица; но 1) зегзица не горлица, а *кукушка*; сія послѣдняя попольски: *зегзелица* и *зегзолка*, поблорусски: *зегзюлка*, помалороссійски: *зозуля*; 2) *незнаемъ* положено въ муж. родѣ; и потому опносятся къ сущ. *гласъ*; но перв. Изд. поставивъ запящую послѣ *незнаемъ*, опнесли сіе прил. (шакже и Г. Пожарскій, ко-

порой перевелъ: *странная или необыкновенная; но кокушки всѣ одинаковы*) къ сущ. *зегзицею*.

(156) Въ перв. изд. было: *по Дунаеви*, но должно *по Донови*; ибо сраженіе происходило на рѣцѣ, на *Каалѣ*, у *Дону великаго*.

(157) Авторъ называетъ рѣку *Днѣпръ*, какъ *человѣка*, по опечесству (въ старину *по извотгеству*): *словутиць*, или *словутиць*, отъ прил. *словутый*; сіе показываешь, что и тогда умѣли ковать новыя слова.

(158) Въ перв. изд. было: *носады*; но должно *насады* (отъ гл. *насажать*), родъ судовъ: „Новгородци же, всѣдавшие *въ насады*, вгребоша въ Ладогу съ Ярославомъ (Исп. гос. Рос. III, пр. 317).“

(159) Здѣсь А. С. Шишковъ думаетъ про извѣстное морское явленіе, *водяные столбы* или *тромбы* (то есть, что *смерги* и *сморци* суть одно и то же); но какое отношеніе сіи могли имѣть къ Игореву побѣгу? Поищемъ слову *сморци* другаго значенія: един. число онаго должно быть *сморкъ* (шакъ: *полкъ*, *полци*; *волкъ*, *волци*); сіе доводитъ насъ до корня сего слова гл. *меркнутъ* (я уже замѣтилъ, что *e* измѣняется на *o* см. пр. 30); слѣдственно *сморци* суть то же, что *сумерки*. По Кіев. лѣт. (см. пр. 161) Игорь предпринялъ побѣгу также вечеромъ.

Г. Пожарскій, по обыкновенію своему, прибѣгаетъ къ Польскому языку; сей для него при изъясненіи темныхъ мѣспѣ въ Сл. о пол. Иг. то же, что для мореходца компасъ въ бурную, мрачную ночь, съ пою только разницею, что епошъ вождь никогда не обманываетъ, а Польской языкъ

вѣчно вводилъ въ ошибку Г. Пожарскаго, на пр. здѣсь: *смерць* (не *смерць*, а *сморци*) *польски хмурка, хмуретка ознагаєть облако, тугу;* и онъ смѣло переводилъ: *идуть туги мглою.*

(160) Въ перв. изд. частица *не* была пропущена; Изд. не хотя прибѣгнушь къ сей догадкѣ, перевели: *Игорь лежитъ*; но *спать* никогда не значилъ *лежать*. Г. Пожарской перевелъ, какъ было, по есъ: *Игорь спитъ*; но *спать* и вмѣстѣ бдѣшь, ш. е. *не спать*, не возможно.

(161) *Овлуръ, Влуръ, Лаверъ* и *Лавръ* одно и то же имя; Половцы заимствовали Христіанскіе имена отъ Русскихъ; такъ находимъ въ лѣшописяхъ: *Глѣба* Тиріевича, *Юрья* Кончаковича, *Данила* Кобяковича, и пр. Въ Кіев. лѣш. о побѣдѣ Игоря повѣствуется совершенно сходно: „посла Игорь къ Лаврови конюшаго, река: переѣди на ону спорону съ конемъ поводнымъ. . . Половцы напилися бяше комуза (*кумысь*, Ташарской, пьяной напипокъ изъ кислаго, кобыльаго молока). . . Конюшій повѣда, яко ждешь его Лаверъ; сей же вспавъ ужасенъ и шрепешенъ, поклонися образу Божію. . . и вѣземъ на ся крестъ и икону поднемъ съ спѣны. . . Спорожемъ же играющимъ и веселящимся, а Князя шворяще спяща. . . и проидоспа съвозѣ вежа. Се же швори Богѣ въ Пяпокѣ *всера*, и иде 11 день до города Донца (бывшаго недалеко отъ впаденія рѣки Харькова въ рѣку Уды, и принадлежавшаго къ Курской или Переяславской области), и опшолъ въ свой Новьгородъ, и обрадовашась ему. Изъ Новагорода иде къ Чернѣгову, помощи прося на

Посемье (мѣста по рѣкѣ Семи). Ярославъ же обща. . . Игорь же *ѣха къ Киеву*, и радѣ бысть ему Святославъ и Рюрикъ, сватѣ его (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“

Въ *лѣт. по Кен. ст.*: „по малѣхѣ днехѣ ускочи (ушолѣ) Игорь Князь у Половецѣ;“ но въ *Киев. сказано*, что онѣ, думая долго пребыть въ плѣну, пона привелѣ къ себѣ извѣ Руси: сѣдспвенно не по малѣхѣ днехѣ, хопя и въ томѣ же году.

(162) Роспиславъ Всеволодовичъ, брашѣ Мономаховѣ, пошонулѣ въ Сшугнѣ, близѣ коей Русскіе разбишы были отѣ Половцовѣ Маія 26 дня, 1093 г.

(163) Перв. Изд. и Г. Пожарскій ошносятъ гл. *ползоша* къ сущ. *сорокы*; но сіи пшицы никогда не ползаютѣ по прутьямѣ или по лозамѣ; а *дятлы бѣгаютѣ по деревьямѣ*, и мнѣ самому случилось видѣть ешу спранность въ лѣсу.

(164) Подѣ *соколигемѣ* разумѣется сынѣ Игоревѣ Владимірѣ, ошававшійся въ плѣну; онѣ слюбился шамѣ сѣ дочерью Кончака, копорая называется здѣсь *красною дѣвицею*. Въ *Киев. лѣт.*: „приде (въ 1187 г.) Володимерѣ извѣ Половецѣ сѣ *Конгаковною* и спвори сватбу Игорь сынови своему, и вѣнчаша его и сѣ дѣпяшемѣ (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“ Тапищевѣ, неизвѣсно почему, называется ее *Кригаковною*, и прибавляетѣ (очевидно отѣ себя), что Владимірѣ, окрестя ее, назвалѣ Славенскимѣ именемѣ *Свобода* (III, стр. 283).

(165) Въ перв. изд. было: *а вѣ соколца оцутаевѣ*, вшор. лиц. двойсп. числа, жен. рода; но должно: перв. лиц. муж. рода: *а на сокольца оцутаема*; ибо ешо говоритѣ о еебѣ и о Гзакѣ Кон-

чакѣ, да и въ послѣдствіи говорихся въ первомъ лицѣ: „ни нама будешь соколяца, ни нама красныя дѣвици, шо почнушь наю,“ и пр.

(166) Въ перв. изд. было: *Рекѣ Боянѣ и ходы на Святѣславя пѣсворца стараго времени Ярославя Ольгова Коганя хоти*: Издатели не разспавили даже знаковъ препинанія, вѣрояшно по тому, что не нашли грамматическаго смысла (какѣ же переводить, не нашедши онаго?): предлогѣ на ешь, но существительнаго нѣтъ; ибо пѣснѣтворца имениш. а не виниш. пад. Здѣсь, я почишаю, слова перемѣшаны: *рекѣ; кто? Боянѣ, пѣснѣтворца стараго времени Ярославя, Святѣславя, Ольгова* (ш. е. Ярослава, сына его Святослава II и внука Олега Тмушороканскаго); что рекѣ? *ходы*; на кого? *на Коганя* (или Кагана); *хоти* же здѣсь ничего не значить, можетѣ бытъ ошибочное повтореніе слова *ходы*. Мы видѣли выше (см. пр. 14), что Боянѣ воспѣвалѣ Мстислава храбраго; здѣсь же сказано какой именно, воспѣвалѣ онѣ, его подвигѣ: *ходы на Коганя*. Въ 1016 году Мстиславѣ храбрый вмѣстѣ съ Греками рушилѣ проиѣ Хазарскихѣ Кагановѣ въ Крыму, и послѣдняго изѣ нихѣ Георгія Цуло взялѣ въ плѣнѣ (Исп. гос. Рос. II, стр. 21). Н. М. Карамзинѣ думаетѣ, что Каганомѣ названѣ здѣсь *Русской Князь* (копорой?), ссылаясь на древній, харашейной списокѣ жишія Владиміра I, въ копоромѣ сказано: „похвалимѣ же *Великаго Кагана* нашей земли, Володимера,“ и изѣ сего заключаетѣ, что Кіевляне уношребляли имя Кагана вмѣсто Государя для шого, что они долгое

время были подвластны Хазарским Великим Каганамъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 84). Сочинишь сего жипія для означенія верховной власти и могущества могъ безъ сомнѣнїя придашь Владиміру пишувъ Великаго Кагана, Великой Князь казалось ему мало; но одинъ примѣръ не доказываетъ еще, чшобъ Кіевляне (и авшоры) шавъ именовали всегда нашихъ Князей.

Г. Бушковъ почишаетъ сіе мѣсто также испорченнымъ и догадывается, чшо мысль авшора слѣдующая: скажемъ о погибели Святослава Ольговича (Свяшославъ Ольговичъ взяшъ былъ въ плѣнъ, а не убишъ) *милой женъ его словами Бояна, пѣснотворца стараго времени Ярославля. Ходы на*, по мнѣнію его, еспъ одно слово *ходына*, въ копоромъ надобно учинишь легкую перемену буквы *х* на *г* и *и* на *и*, шо и выйдешъ *година*; или въ мѣсто *и ходы* должно чшашъ *шкоды*, убишкв, вредъ (куда же дѣвашъ предлогъ *на*?) ; или наконецъ *и ходы* значишъ *исходъ*, кончина жизни (чшашели могутъ выбиращъ любое, а смысла все небудешъ). Въ мѣсто Хазарскаго *Кагана* Г. Бушковъ велишъ посшавишъ Малороссійское *коханый*, милый; *хотя* же, какъ извѣсно, жена (см. пр. 64), Вѣспн. Евр. СХХI, спр. 102 и слѣд.

Упоминашъ ли здѣсь о мнимомъ *Бояновомъ гимнѣ* небывалому Князю *Летиславу*, писанному на харатейномъ свиткѣ, красными гернилами, невѣдомыми въ Россіи *Рцнигескими* буквами (Сын. Опеч. LXX, 174)? подлогъ слишкомъ грубый, чшобъ могъ кого нибудь ввести въ обманъ. Замѣшимъ, чшо Боянъ намъ извѣ-

стенѣ изъ одного Сл. о пол. Иг. и попому, естѣлибѣ сочинитель такъ называемаго *Боянова Гимна* былъ немного поискуснѣе въ поддѣлкѣ, но долженъ бы по крайней мѣрѣ не противорѣчитьъ пѣвцу Игоря; но въ гимнѣ семъ Боянъ о себѣ говоритъ, что онъ *сынъ Буса* (о Бусѣ см. пр. 112), *внукъ Злогора, дольнаго пѣвца древнихъ повѣстий, и потомокъ баснословнаго, Иоакимова Славена*. Изъ сего только видно, что сочинитель спарался согласоваться съ легкопринятымъ мнѣніемъ, что Боянъ жилъ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры.

(167) Перв. Изд. опнесли и сіи слова къ Бояну; но епо прибавляешъ ошъ себя авторѣ. Иначе Боянъ, котораго почитаютъ они жившимъ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры, будетъ современникъ Игоря.

(168) Гора въ самомъ Кіевѣ, на которую подымаешься надобно съ Подолу; въ Неспорово время урочище сіе называлось *Зборигевѣ* (и сѣдѣше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ *Зборигевѣ*, Библ. Рос. 90), вѣроятно ошъ слова *зборѣ*; ибо на сей горѣ поставленъ былъ Владиміромъ Перунъ, и народъ *збирался* шуда для жершвоприношенія.

(169) И въ семъ обстоятельстве авторѣ Сл. о пол. Иг. согласуешъ съ Кіев. лѣт. (см. пр. 161): *Пирогощею* въ Кіевѣ называлась церковь (заложенная Мспиславомъ Великимъ въ 1131 году) по образу Богомашери, привезенному на корабль изъ Конспаншинополя въ Кіевъ вмѣстѣ съ образомъ *Владимірской* Богомашери, находящимся нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ (Исп. гос. Рос.

II, пр. 383). Ешо были двѣ различныя иконы; одна въ Кіевѣ, другая въ Вышегородѣ (а), откуда сію послѣднюю Андрей Боголюбской въ 1155 году перенесъ въ поспроенное имъ недалеко отъ Владиміра село *Боголюбово*. Перв. Изд. повѣря Тапищеву, а сей Сспенной книгѣ, образъ Пирогощей преврапили *въ кунца Пирогощю*, которой будпо привезъ изъ Констаншинополя къ Георгію Долгорукому образъ Владимірской: но сверьхъ почнаго свидѣльства харашейныхъ лѣшописей о сей послѣдней: *юже принесоша въ единомѣ корабли съ Пирогощею*, она перенесена была во Владиміръ на Клязьмѣ изъ Вышегорода; слѣдственно находившаяся въ Кіевѣ, и называемая *Пирогощею* была другая.

(170) Вошъ изображеніе сего буйшура Всеволода, оставленное намъ современнымъ Кіевскимъ лѣшописцемъ; онъ достоинъ, чшобъ потомство знало всѣ качества прекрасной его души, самый наружный видъ, и мѣсто, гдѣ онъ погребенъ :

Могила храбраго отечеству священна.

„Спрятавшє шѣло его (Всеволода) вся братія въ Олговичехъ племени съ великою честію и съ плачемъ великимъ : понеже бѣ въ Олговичехъ всѣхъ удалѣ рожаемъ (дородшвомъ) и въ-

(а) Собшвенность Великой Княгини Ольги, нынѣ большое село въ 7 версахъ выше Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра; въ немъ древняго ничего не осталось, кромѣ каменной церкви, да и та починенная (Лекс. исш. геогр. полиш. и граж. Ташиц. II, 306).

зраспомъ, и всею добродѣшелію, и мужеспвенною доблестію, и любовь имѣаше къ всѣмъ. Епископъ же Чернѣговскый и вси игумени, и попове проводиша его до гроба (могилы), и положиша его въ церкви св. Богородица въ Чернѣговѣ (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“

(171) Можно бы подумашь, что Слово о полку Игоревомъ писано по случаю возвращенія изъ плѣна Князей; но авторъ упоминаетъ о побѣдахъ Романа Волынскаго въ 1202 году (см. пр. 131); слѣдспвенно оно писано въ самый годъ смерти Игоревой, однакожъ при жизни его; ибо авторъ именно говоритъ: „почнемъ же, брашіе, повѣсть сію ошъ спараго Владиміра до нынѣшняго Игоря.“

Сл. о пол. Иг. предспавляетъ примѣръ, что піишическія произведенія могутъ бытъ писаны и въ прозѣ (разумѣется не въ наше время, когда для Поезіи есть особый языкъ). Вѣроятно, что произведенія Еврейской Поезіи писаны подобною прозою, коей періоды крапки, звучны, и заключающъ въ себѣ полной смыслъ, и слѣдспвенно удобнѣе для пѣнія; по крайней мѣрѣ всѣ шруды ученыхъ опредѣлишъ размѣръ мнимыхъ Еврейскихъ стиховъ оспались шщепны.

РОДОСЛОВНАЯ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ КНЯЗЕЙ.

Владимірѣ
(Святославичѣ) I,
или Старый, ум. 1015.

Изяславѣ
Полошскій,
ум. 1001.

Ярославѣ I, Мстиславѣ
или Старый, Храбрый, Тьмушо-
ум. 1054. роканскій, ум. 1036.

Брячиславѣ
Полошскій,
ум. 1044.

Владимірѣ *Изяславѣ* I,
Новгород- уб. 1078.
скій, ум. 1052.

Святославѣ
II, ум. 1076.

Всеволодѣ I,
ум. 1093.

Вячеславѣ
Смоленскій,
ум. 1057.

Всеславѣ
Полошскій,
ум. 1101.

Роспиславѣ *Святополкѣ*
Тьмушоро- II, ум. 1112.
канскій, опш-
рав. 1066.

Ярославѣ
Муромскій,
ум. 1129.

Олегѣ
Горислав-
личѣ, Тьму-
шороканскій,
ум. 1115.

Романѣ
Красный,
Тьмушоро-
канскій, уб.
1079.

Владимірѣ *Ростиславѣ*,
II, или Моно- попон. 1093.
махѣ, ум.
1125.

Борисѣ,
уб. 1078.

Рогволодѣ
Полошскій, у-
пом. подѣ 1127.

Володарѣ
Перемышль-
скій, ум. 1124.

Роспиславѣ
Рязанскій.

Всеволодѣ
II, ум. 1146.

Святославѣ
Чернигов-
скій, ум. 1166.

Мстиславѣ
I, или Вели-
кій, ум. 1132.

Георгій I,
или Долгору-
кій, ум. 1157.

Василько
Полошскій,
упом. подѣ
1129.

Владимірѣ
Волынско-
Галицкій, ум.
1153.

Глебѣ
Рязанскій.

Святославѣ *Ярославѣ*
III, или Гроз- Чернигов-
ный, ум. 1194. скій, ум. 1198.

Всеволодѣ,
буй шурѣ,
Курскій, ум.
1196.

Игорѣ
Новгородско-Новгородско-
Сѣверскій, ум. 1202.
Сѣверскій,
ум. 1180.

Изяславѣ II,
ум. 1154.

Роспиславѣ
I, ум. 1167.

Всеволодѣ,
большое гнѣ-
здо, Вел. Кн.
Владимір-
скій, ум. 1212.

Глебѣ I,
ум. 1171.

Изяславѣ,
а вѣрояниѣ
Всеславѣ,
Полошскій,
уб. около
1183.

Брячиславѣ
Випебскій,
упом. подѣ
1159 и 1181.

Володша,
или *Всево-*
лодѣ, упом.
подѣ 1159.

Ярославѣ
Осомыслѣ,
Волынско-
Галицкій, ум.
1187.

Романѣ
Рязанскій.

Игорѣ
Рязанскій.

Владимірѣ
Рязанскій.

Всеволодѣ
Пронскій.

Святославѣ
Пронскій.

Владимірѣ,
зяпѣ Хана
Кончака, ум.
1212.

Святославѣ
Рыльскій.

Мстиславѣ
II, ум. 1170.

Ярославѣ
Луцкій.

Рюрикѣ
Буй, Овручѣ-
скій, ум. око-
ло 1214.

Давидѣ
Смоленскій,
ум. 1197.

Владимірѣ
Переяславѣ-
скій, ум. 1187.

Евфросинія
за Игоремѣ
Новгородско-
Сѣверскимѣ.

Романѣ
Буй, Волын-
ско-Галиц-
кій, уб. 1205.

Мстиславѣ.
Шесто

Всеволодѣ.
крыль

Ингварѣ.
цы.

ПОПРАВКИ.

Стр.	Строк.	Въ нынѣш. изданіи.	Стр.	Строк.	Въ перв. изданіи.
34	7	бѣше	1	6	бѣшетѣ
	12	расѣшенашеса	3	2	раствѣкашется
	14	помняше		6	помяшетъ
	15	пущаше		8	пущаетъ
	22	на живыя струны	4	6	на живая струны
36	12	Спали Князю умѣ по- хоши и искусши Дону великаго, и жалость ему знаме- ніе заступи.	6	1	Спала Князю умѣ по- хоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону вели- каго.
	25	чи ли	7	4	чили
38	2	есма	15		есѣ
	5	къ мещи	8	2	къ мети
	11	славы	12		славѣ
	14	пшиць	18		птичь
	17	и Поморію, и Посулію,	9	5	и по морію, и по Сулію,
	19	негошовыми		9	неготовали
	22	пасушь		15	пасетѣ
	23	вѣсвробашъ		16	вѣсржатѣ
40	16	шучи	12	3	тучя
	18	синія мѣлніи		6	синіи мѣлніи
	23	за шеломянемѣ		15	не Шеломянемѣ
	28	Русьскыи пѣлкы	13	3	Русьскыя пѣлкы
42	7	Кыя раны дороги,	20		Кая раны дорога
	10	сѣчи	14	4	сѣчи
	11	минули лѣта Яросла- влъ,			минула лѣта Яро- славля
	16	Ярославъ; а Влади- мирѣ, сынѣ Всево- ложь,	15	8	Ярославъ сынѣ Всево- ложь; а Владиміръ
	19	на конину	16	1	на катину
	21	по сѣчѣ я		6	повелѣя
	24	сѣяшеса и расшяше	10		сѣяшется и расшяшетъ
	25	погибаше	12		погибаетъ
	30	въ шыи пѣлкы;	17	11	въ ты пѣлкы;
44	4	земли Половечьскыя	19		земли Половецкыи
	18	прикрыли	19	5	прикрыла
	19	вѣступила		7	Вступилѣ
	29	кликнуша	20	4	кликну

Спр.	Спрок.	Въ нынѣш. изданіи.	Спр.	Спрок.	Въ перв. изданіи.
46	30	поскочисша	21	5	<i>по скочи</i>
	8	Русьскыя		1	<i>Рускый</i>
	12	убудисша		8	<i>убуди</i>
	14	бѣше		12	<i>бѣшетъ</i>
	25	Ту Русьскаго злата насыпаша,	22	12	<i>Рускаго злата насыпаша.</i>
		кощеево		15	<i>Кощѣево</i>
	27	одѣваху	23	3	<i>одѣвахѣте</i>
48	3	сыпаху ми		7	<i>сыпахутьми</i>
	8	и не сошли		24	<i>и не сошлю</i>
	15	опушоша		12	<i>опустоша</i>
	17	сѣ нима		25	<i>сѣ нилѣ</i>
	18	Владиміръ		5	<i>Олегѣ</i>
	21	погрузиша		12	<i>погрузиста</i>
50	9	одолѣсша		26	11 <i>одолѣсте</i>
	3	проліясша		13	<i>проліясте</i>
	5	сѣшворисша		17	<i>створцете</i>
	12	мукаимся		27	9 <i>му жа имѣся</i>
	17	Князи		18	<i>Княже</i>
	19	у Римѣ		21	<i>Уримѣ</i>
	29	не ваю ли злаченая шелома по крови плавасша?	29	5	<i>не ваю ли злачеными шелома по крови плаваща?</i>
52	3	спременя		13	<i>стремень</i>
	6	Галичьскый		30	3 <i>Галичкы</i>
	8	горы Угорьскыя		7	<i>горы Угорскыи</i>
	9	зашворивѣ Дунаю		10	<i>затвори въ Дунаю</i>
	10	бремены		11	<i>времены</i>
	14	Гзана		20	<i>Кощя</i>
	22	хинови		32	4 <i>Хинова</i>
	23	повѣргоша		7	<i>повѣргоща</i>
	27	по Рси		13	<i>по Рси</i>
54	3	не побѣдными ли		33	1 <i>непобѣдными</i>
	17	сѣхыши		34	2 <i>схоти</i>
	18	пріодѣша		5	<i>пріодѣ</i>
	19	Не бысѣ		7	<i>Не бысѣ</i>
	22	Уныли		12	<i>Унылы</i>
	24	внуци		15	<i>внуце</i>
	26	славы		35	1 <i>славѣ</i>

Спр.		Въ нынѣш. изданіи.	Спр.		Въ перв. изданіи.
	29	бѣше насиліе отъ земли Половечьскыя		5	бѣше насиліе отъ земли Половечьскыи
56	5	вонзи		17	воззни
	6	Изяславу		20	Ярославу
	10	кровава брезѣ не болотомъ бѣша посѣяна, посѣяна	36	7	кровави брезѣ не болотомъ бяхуть посѣяни, посѣяни
	22	ни пищицею		37	ни пищицею
58	3	по Донови		38	2 по Дунаеви
	16	насады		39	5 насады
	23	лучи		18	лучи
	29	не спишь,		40	3 спишь
60	4	Вежи ся Половечьскыя подвизаша		12	Вежи ся Половечьскыи подвизашася
	6	вѣржеся	41	2 вѣржеся	
	7	и скочи съ него, и босымъ вѣлкомъ пошече		3	и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и пошече
	24	темна березѣ	42	15	темнѣ березѣ
		Ростиславля		17	Ростиславля
	26	преклонилось	43	2	прѣклонило
62	3	по лозію		9	полозію
	7	росѣспрѣляема		16	рострѣляевѣ
	9	а на сокольца опушаема		20	а вѣ соколца опутаевѣ
	11	опушаема	44	2	опутаевѣ
	12	красныя дѣвици		4	красны дѣвице
	14	Рекѣ Боянѣ и ходы на Коганя, пѣсньшворца сшараго времени Ярославля, Свяшѣславля, Ольгова:		8	Рекѣ Боянѣ и ходы на Свяшѣславля пѣсньшворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти:
	16	головѣ		12	голови
	24	Игорю Свяшѣславличю, бую шуру Всеволоду,	46	4	Игорю Свяшѣславлича. Буй шуру Всеволодѣ,

О П Е Ч А Т К И.

Стр.Строк. Напечатано:

Читай:

51	15	а слава предковъ не есть еще наша	а съ предками славой подѣ- лимся
57	2	всеоружіемъ	копіемъ
108	8	переведенное	взяшое
133	20	пекушимъ съ лѣвой сторонѣ въ Донецъ	пекущимъ съ правой стороны въ Донецъ
23	на шой же лѣвой спо- ронѣ Донца	на шой же лѣвой сторонѣ Донца, на кошорой Осколь	оно вѣрояшно Славенское, и происходишь ошь гараль, пр. вр. гл. гараю (учаш. видѣ гл. горю или гарю), упошребилъ шельпаго и нынѣ въ сложныхъ: загараю, сгараю, угараю; угъ же или ухъ (буквы х, г одинъ звукъ) есть существиш. окон- чаніе; шакъ: женчина, жевчюгъ; овца, овчюгъ; кожа, кожухъ; бю, обухъ; досю (вспрѣчаеш- ся въ одной Волян. лѣп. и шо въ слож. вр: „Андрей же не удоси (не заспаль) его; но удоси владыку,“ Исх. гос. Рос. IV, пр. 20) досугъ; шерплю, шерпугъ, и пр. При дѣланіи булаша (замѣшимъ, что бу- лашъ Ташарское слово и онимъ замѣнено въ нашемъ языкѣ Славенское харалугъ; въ лѣшописяхъ встрѣчаюшся Ташарскія имена: Нордоулашъ, Булашъ, Исх. гос. Рос. VI, 159, VIII, 59) желѣзо угарало; почему и назвали его: гарал- лугъ или харалугъ. По крайней мѣрѣ, покуда не найдется въ другомъ какомъ языкѣ слово, имѣющее съ харалугъ одинъ звукъ и одно значеніе, не лѣзя почешь его чужимъ. Слово харя, лице, рожа, происходишь шакже ошь гл. гарю (пошому что лице загараешъ ошь солн- ца) и есть одно съ гарь (здѣсь буква г шакже измѣнилась на х), гореніе, чадъ, смородъ, происходящій ошь горенія.
143	11	оно вѣрояшно Славен- ское, сложенное изъ харь, лугъ, и по смыс- лу значить: желѣзо, булашъ. Харь или харя одно и шо же слово, хоши послѣднее нынѣ въ презр. см. значишь: лице, рожа; буквы х, г первоначально одинъ звукъ; слѣдственнo харь и гарь шакже од- но слово; гарь или го- реніе сохранилось и нынѣ въ проспорѣчии: гарью пахнешъ, смо- родомъ или дурнымъ запахомъ, происходя- щимъ ошь горенія. Первобытнои языкъ у всѣхъ народовъ бѣ- денъ словами, но бо- гашъ значеніями, ш. е. что одно слово имѣешъ многія значенія. При добываніи желѣза ме- шаль горель, шакже, какъ лице, кошорое сверхъ того загарало ошь солнца; Норицы назвали шо и другое гарь или харь, лугъ же вѣрояшно прило- жено послѣ: харьлугъ, луговое желѣзо, или коимъ косятъ лугъ; слѣдственнo коса, ко- шорая шакже дѣлаеш- ся изъ желѣза.	

СУДЪ ЛЮБУШИ,

ДРЕВНЕЕ

ЧЕШСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКАГО.

1823.

Печашашъ позволяешся съ представленіемъ пяти экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для казенныхъ мѣстъ. Москва 1822 года, Декабря 14 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ,

Михаилъ Каженовскій.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору,
Дѣйствительному Камеръ-геру, Почетному Члену:
Императорской Академіи Художествъ и Импера-
торской Россійской Академіи, орденовъ: святаго
Александра Невскаго, святаго равноапостольна-
го Князя Владимира 2 степени, Анны 1 степени,
святаго великомученика и побѣдоносца Георгія
4 степени, святаго Іоанна Іерусалимскаго боль-
шаго креста, Гишпанскаго золотого руна и Си-
цилійскаго святаго Январія Кавалеру,

Милосшивому Государю

ДМИТРИЮ ПАВЛОВИЧУ

ТАТИЩЕВУ.

Пусть Муза Исторіи,
Правдивая, спрогая,
Опишешъ со временемъ,
Ташищевъ, дѣла швои,
Какъ вѣрой и правдой шы
ЦАРИЮ служилъ БѢЛОМУ
(То знала Европа вся,
То знало Ошечество)
На полѣ, гдѣ рашуюшъ
Перомъ, а не саблюю,
Берушъ грады швердые,
Твердынь ихъ не рушивши,
Берушъ не оружіемъ,
А мудрой Полишикой,
Наукою дивною,
Немногимъ поняшною.
Нѣшъ Муза Поезіи,
Моя Муза сельская
Вѣнчаешъ, о доблій мужъ,
Въ тебѣ благодѣтеля!
Ты былъ Меценашъ ея,
Къ невзвучному пѣнію
Склонилъ шы ЦАРИЦЫ слухъ;
Прими же, о доблій мужъ,
Данъ сердца признашельна!
Прими, не умрешъ она,
Жишь будешъ усердіемъ.

Николай Граматинъ

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Г. Раковецкій издалъ въ Варшавѣ въ 1820 году на Польскомъ языкѣ книгу своего сочиненія подъ спраннымъ названіемъ: *Русская Правда*; иной подумаетъ (шакъ и я сперва подумалъ), что Г. Раковецкій принялъ на себя трудъ объяснить для своихъ земляковъ нашу древнюю Русскую Правду: вмѣсто того онъ доказываетъ (мечпы доказывать гораздо легче, нежели объяснять дѣло) въ своей новой Русской Правдѣ: *что древніе Славяне не были такими дикарями, какими изображаетъ ихъ намъ древняя и новая исторія*¹, *что они до принятія еще Христіанской вѣры имѣли усовершенствованный языкъ*², *издавна должны были знать искусство писанія, и что Русская Правда не есть право Готское*³; *но остатокъ древняго, Славенскаго права* (Изв. Рос. Акад. кн. IX, стр. 65). Въ нѣсколькихъ справахъ, а сколько парадоксовъ!

Но намъ дѣла нѣшъ до парадоксовъ Г. Раковецкаго⁴; намъ дѣло до опривка о судѣ Любуши, помѣщеннаго въ его Русской Правдѣ и любопытнаго: 1) *по языку*, которой есть чистой, Славенской; но различной отъ Церковнаго и даже Лѣтописнаго, хошя впрочемъ удобной понимать, особливо теперь, когда сей опривокъ напечатанъ буквами, изобрѣшенными для выраженія Славенскихъ, а не Римскихъ звуковъ⁵; 2) *по дѣйствию*, которое происходитъ во времена

язычества; авторъ воспѣваетъ плямбу между двумя братьями, рѣшенную на *славномъ* сеймѣ, и воспѣваетъ не безъ достоинства, доказательство, что и судебное дѣйствіе входило въ область Поэзіи.

Поелику опривокъ сей имѣетъ характеръ историческій (авторъ могъ пользоваться или какимъ преданіемъ, или какимъ неизвѣстнымъ намъ описцемъ), то напередъ скажемъ объ немъ свое мнѣніе. Изъ опривка сего видно, что Славяне - чехи (Богемцы) во времена Княжны * свей, Любуши, также какъ древніе Римляне, имѣли законы, писанные *на доскахъ*, названныхъ опъ того *правдодатными*; шеперь вопросъ: *какими буквами писаны были сіи не дошедшіе до насъ законы?* вѣроятно *Рунами*; поелику другой грамошы въ сей опдаленной періодъ бытъ не могло. Братья ихъ, Мекленбургскіе Славяне упошребляли уже сіи Руны; почему жъ не упошребляли ихъ и Чехамъ? Г. Профессоръ (въ Пражскомъ университетѣ) Юнгманъ думаетъ, что *Славяне изъ отечества своего, Индіи принесли съ собою собственное свое письмо, которое совсѣмъ истребили Католицкіе священники* (Изв. Рос. Акад. IX, 47); но 1) *Кто доказалъ, что Славяне пришли изъ Индіи?* Онъ же, Г. Профессоръ Юнгманъ, ссылаясь на какого то Чеха *Брезовскаго*, копорой разговаривалъ на первобытномъ Славенскомъ языкѣ съ Индѣйцами; но не въ опечесствѣ ихъ, Индіи, а въ Кипайскомъ поршѣ Каншонѣ †; удивительно, какъ можно писать, въ нашъ вѣкъ, такія жалоспи

доспойныя вещи; и впо же пишешъ? ученой Профессоръ. 2) Гдѣ памятники сей Славено - остѣ-Индской грамоты, или по крайней мѣрѣ кто прежде Г. Профессора Юнгмана о ней упоминалъ? памятники же Руническаго письма Славянѣ мы имѣемъ надписи на Решрскихъ, мѣдныхъ кумирахъ, найденныхъ въ XVII вѣкѣ на южномъ берегу Толмензскаго озера въ Прильвицѣ (Исп. гос. Рос I, 67, 109). Здѣсь повѣсшвуетъ Исторія, а шамъ догадка изъ головы; *это предпочтительнѣе?*

28 Ноября, 1822.

МОСКВА.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

(ОТРЫВОКЪ)

.....
Всѣкъ ошъ свѣи челѣди воѣводѣ ;
Мужье пашу, жены рубы сшроя.
И умре ли глава челѣдина,
Дѣши всѣ шу збожьемѣ вѣдно владу ⁸,
Владыку си зѣ рода выбернуце,
Кы плезне дле вѣ снемы ⁹ славны ходи,
Ходи сѣ вмешьми, Лѣхи ¹⁰, владыцами.
Всшаху кмеши, Лѣси и владыкы,
Похвалиху правду по закону.

Аи, Влшаво ¹¹, че мушиши воду?
Че мушиши воду шпребропѣну?
За ше луша розвляяше бура,
Се сипавоши ¹² шучу шира неба,
Оплакавши главы горѣ зеленыхѣ,
Выплакавши злашопеску глину.

„Како быхѣ язѣ воды не мушила,
Кеде ся вадиша родна брашри,
Родна брашри о дѣдинѣ ошнѣ?

Всякъ надѣ своей челядью господинѣ; мужики пашушѣ, бабы рубахи шьюшѣ. И умрешѣ ли глава челяди, дѣши всѣ шушѣ имѣньемѣ заодно (вмѣспѣ) владѣюшѣ, выбираючи себѣ изѣ (своего) рода домовладыку, кошорой для (ихѣ) пользы на сеймы славные ходишѣ, ходишѣ сѣ Ляхами, поселянами (и) домовладыками. Всшали Ляхи, поселяне и домовладыки, похвалили судѣ по закону.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

(ОТРЫВОКЪ)

.....
Всякъ воеводой въ дому своемъ буди;
Мужи орише, съ пашней управляйшесь,
Жены рубахи мужьямъ своимъ шейше.
Дому ль владыка умреть именишый,
Вмѣстѣ владѣюшъ имѣнемъ всѣ дѣши,
Сшавяшъ владыку новаго изъ рода,
Кой для ихъ пользы въ сеймы славны ходишъ,
Съ Ляшскими ходишъ вмѣши и владыки.
Кмѣши, владыки Ляшскіе восшали,
Правду всхвалили боговъ по закону.

Сребрены воды что мушишь Волшава?
Люша восшала буря за шобою,
Черныя шучи небо все покрыли,
Горь надъ вершиной пролились зеленой,
Дно возмушили, дно злашопесчано.

„Какъ мнѣ Волшавѣ, какъ мнѣ не мушиши
Сшруй сребропѣнныхъ? два родные брата
Ссоряшся крушо о наслѣдѣи ошнемъ;

Аи, Волшава, что мушишь воду? что мушишь воду сребропѣнную? за шобою восшала сильная буря, несущая на свисающихъ крылахъ своихъ (чернобагровую) шучу съ широкаго неба, облившая главы горь зеленыхъ, взмушившая (швою) злашопесчаную глину.

„Какъ бы я водѣ (своихъ) не мушила, когда ссоряшся
Родные брателья, родные брателья объ ошцовскомъ наслѣдствѣ,

Вадша ся крушо между собу
 Лушы Хрудосѣ на Олавѣ кривѣ,
 На Олавѣ кривѣ, злашноснѣ,
 Спаглавѣ храберѣ на Раддужѣ хладнѣ;
 Оба брашри, оба Кленовича,
 Рода сшара, бшвы Попелова,
 Ънже ¹³ прійде съ плекы ¹⁴ Чеховыми,
 Всеже жирне ¹⁵ власши преспри реки ¹⁶.“

Прилешѣше дружна власповица ¹⁷,
 Прилешѣше ошѣ Олавы кривы,
 Сѣдѣ на оконце рожлѣзило ¹⁸
 Въ Лубушинѣ, ошнѣ, злашѣ сѣдлѣ ¹⁹,
 Сѣдлѣ ошнѣ, свѣшѣ ²⁰ Вышеградѣ,
 Бѣдуе и нарикае мушно.

Кды се слише ея родна сесшра,
 Родна сесшра въ Лубушинѣ дворѣ,
 Спроси Кнѣжну ушрѣ у Вышеградѣ
 На попражю ²¹ уставивши правду,
 И погнаши брашри ея оба,
 И судиши има по закону.

Наже Кнѣжна выправиши послы
 По Знашославѣ ошѣ Лубице бѣле,
 Идѣже су дубравины уне ²²,

ссорялся горячо между собою, люшый Хрудосѣ на Олавѣ излу-
 чиспой, на Олавѣ излучиспой, злашносной, Спаглавѣ храбрый
 на Раддужѣ хладной; оба браша, оба Кленовича, рода древняго,
 вѣшвы Попеловы, копорой пришель сюда съ Чешскими полка-
 ми (и) просперѣ сильной власши речи.“

Прилешѣла домовишная ласпочка, прилешѣла ошѣ Олавы
 излучиспой, сѣла на рѣшенщаное окошечко въ Любушиномѣ,
 ошцовскомѣ, злашпреспольномѣ селеніи, въ ошцовскомѣ

Ссорися люшый Хрудосъ на Олавѣ,
 Злашо влекущей въ непрямомъ шеченьи;
 Ссорися храбрый Спаглавъ на Раддужѣ,
 Хладныя воды въ лѣша зной кашащей;
 Оба же браша, оба Кленовича,
 Сшараго рода, вѣшви Попеловы,
 Кой пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
 Всюду просшеръ въ немъ власшь свою и силу.“

Ошъ злашоносной, непрямой Олавы
 Ласочка дружна прилешѣла, сѣла,
 Сѣла на красно, съ рѣшошкой оконце
 Терема ошня, Любушина ошня,
 Въ градѣ прешольномъ, въ градѣ Вышеградѣ,
 Сѣла горяя, плача неушѣшно.

Плачь неушѣшной сестра ея слышавъ,
 Въ шеремѣ ошнемъ, въ Любушиномъ слышавъ,
 Стала Княжну шу просишь неошсшупно
 Въ градѣ ея сшольный славный сеймъ созваши,
 Брашъевъ обѣихъ предѣ сеймъ шомъ призваши,
 Ихъ разсудиши боговъ по закону.

Тушъ по приказу Любуши послали
 По Знашослава ошъ Любицы бѣлой,
 Гдѣ сушь дубравы шѣнисшы, прохладны;

селени, въ градѣ Вышеградѣ, горюешъ и жалуешся не-
 ушѣшно.

Когда ешо слышчала ея родная сестра, родная сестра
 въ Любушиномъ дворцѣ, (шо) упрсила (она) Княжну на ушро
 въ Вышеградѣ учредишь судъ для разобранія спора между ея
 брашьями, призвашь ихъ обѣихъ и разсудишь ихъ по закону.

Приказываешъ Княжна ошправишь гонцовъ по Знашослава
 ошъ Любицы бѣлой, гдѣ (растущъ) молодяя рощицы; по Люшобора

По Лубоборѣ сѣ Доброславска хлѣмна,
 Идѣже Орлицу Лабѣ пѣ;
 По Рашиборѣ ошѣ горѣ Креконоши,
 Идѣже Трушѣ погуби Санѣ лушы;
 По Радованѣ ошѣ камена моста;
 По Ярожирѣ ошѣ бредѣ въ лѣшо рѣчныхѣхъ;
 По Стрежиборѣ ошѣ Сазавы ладны;
 По Самородѣ се Мже стрѣброносне ²³;
 По всѣ кмѣши, Лѣси и владыкы;
 И по Хрудосѣ, и по Шаглавѣ брашри,
 Розвадена о дѣдинѣ ошнѣ.

Кда ся снѣху Лѣси и владыкы
 у Вышеградѣ,
 Прокны шуши роженѣя дѣ свего,
 Шуши Кнѣжна въ бѣлесивуци ²⁴ ризѣ,
 Шуши на шолѣ ошѣнь въ славнѣ снѣмѣ.

Двѣ вѣгласнѣ ²⁵ дѣвѣ вѣученѣ
 Вѣсѣбамѣ
 У еднѣй су дески правдодашне,
 У вшорѣй мечь кривды карайчи;
 Противѣ има пламень правдозвѣщенѣ ²⁶,
 И одѣ ²⁷ нима свашосудна вода ²⁸.

Почѣ Кнѣжна сѣ ошна, злаша спола:
 „Мои кмѣши, Лѣси и владыкы!

сѣ Доброславскаго холма, гдѣ Ельба пѣеть Орлицу; по Рашибора ошѣ горѣ Креконошихѣ, гдѣ люшый Санѣ погубилѣ (злощаснаго) Труша; по Радована ошѣ каменнаго моста; по Ярожира ошѣ бродовѣ среди лѣша глубокыхѣ; по Стрежибора ошѣ Сазавы красивой; по Саморода со Мжи стрѣброносной; по всѣхѣ Ляховѣ, поселянѣ и домовладыкѣ, и по Хрудоса, и по Шаглава, брашьевѣ, ссорящихѣся объ опцовскомѣ наслѣдствѣ.

Когда сошлись Ляхи и домовладыки, (сошлись) въ Выше-

По Люшобора съ холма Доброславска,
 Орлицу Лаба гдѣ пьешъ и не выпьешъ ;
 По Рашибора ошъ горъ Крестоношихъ,
 Труша злощасна сгубилъ гдѣ Санъ люшый;
 По Радована ошъ каменна моста;
 По Ярожира ошъ бродовъ глубокыхъ;
 По Сшрежибора ошъ пышной Сазавы;
 По Саморода со Мжи среброносной;
 И по всѣ кмещи, Ляхи и владыки;
 И по Шаглава, по Хрудоса, брашьевъ,
 Ссорашся кои обѣ ошнемъ наслѣдѣи.

Ляхи, владыки когда же сошлись всѣ,
 Въ злашопресшольный сошлись Вышеградъ всѣ,
 Каждый по роду свое занялъ мѣсто,
 Съла Княжна шушъ въ бѣлѣйшей одеждѣ,
 Съла на ошній пресшоль въ славномъ сеймѣ.

Двѣ обучены вѣщанію дѣвы

.
 Доски у дѣвы одной правдодашны,
 Мечь у другія, карающій кривду;
 Прошивъ ихъ пламень горитъ правдовѣщій,
 А передъ ними вода свяшосудна.

Съ ошня, злашаго пресшоль Любуша
 Тако просшерла къ сейму славну речи:

градѣ, (и) каждый занялъ по роду своему мѣсто, съла Княжна
 въ бѣлѣющейей одеждѣ, съла на ошцовской пресшоль въ
 славномъ сеймѣ.

Двѣ мудрыя, обученыя провѣщанію дѣвы у одной
 (дѣвы) доски правдодашныя, у другой мечь, карающій кривду;
 прошивъ ихъ (горитъ) пламень правдовѣщій, а передъ ними
 вода свяшосудная.

Начала Княжна съ ошцовскаго, золошаго пресшоль: „мои

Се брашрома розрѣшише правду,
 Яже вадиша ся о дѣдинѣ,
 О дѣдинѣ ошнѣ между собу,
 По закону вѣкожизныхъ боговъ ²⁹ :
 Будеша имъ оба въ едно власши,
 Чи ³⁰ ся роздѣлиша ровну мѣру.
 Мои вмещи, Лѣси и владыкы!
 Розрѣшише мое выповѣди ³¹ :
 Будете ли у васъ по разуму,
 Не будете ль ³² у васъ по разуму,
 Успавише има новы належь ³³ ,
 Кы бы смѣрилъ розвадена брашри.“

Кланѣху ся Лѣси и владыкы,
 И почеху шихо говориши,
 Говориши шихо между собу,
 И хвалиши выповѣди ея.

Веша Лушоборъ съ Доброславска хлемка,
 Яся ³⁴ шако слово говориши :
 „Славна Киѣжно! съ ошна, злаша школа
 Выповѣди швое розмыслехомъ ;
 Себеръ гласы по народу свему.“

И себрасѣ гласы дѣвѣ суднѣ,
 И ³⁶ сберасѣ ѿ о судѣ ³⁷ свашѣ,
 И дасѣ ѿ Лѣхомъ проволаши ³⁸ .

Ляхи, поселяне и домовладыки! се сошворите правый судъ двумъ брашьямъ, кои ссоряшся о наслѣдствѣ, о наслѣдствѣ опщовскомъ между собою; (а сошворите) по закону вѣковѣчныхъ боговъ: оба ли вмѣстѣ владѣють, или раздѣляшся поравну? Мои Ляхи, поселяне и домовладыки! исполнише мои повеленія: по мыслѣ ли вамъ будешъ, не по мыслѣ ли (соизволяете ли вы, не соизволяете ли)? успавъше для нихъ новой законъ, которой бы примирилъ ссорящихся брашьевъ.“

„Вы, мои кмети, Ляхи и владыки!
 Се сошворише правый судъ двумъ братьямъ,
 Кой обѣ опнемъ ссорящся наслѣдъ;
 А сошворише боговъ по закону,
 Вѣчныхъ, безмерныхъ, милующихъ правду:
 Вмѣстѣ ль владѣюшъ имѣнемъ два брата,
 Или по чаше раздѣляшъ, по равной.
 Вы, мои кмети, Ляхи и владыки,
 Вы ушвердише мой судъ, приговоръ сей;
 Нравенъ ли будешъ онъ вамъ, иль не нравенъ,
 Новый уставъше для двухъ законъ братьевъ,
 Кой примирилъ бы вражду несогласныхъ.“

Кланялись кмети, Ляхи и владыки,
 Почали шихо вѣчашъ межъ собою,
 Почали мудры хвалишъ Княжны речи.

Тумъ Люшоборъ вспалъ съ холма Доброславска,
 Язнулъ шако слово говориши:
 „Злашопресшольна ³⁵ Княжна, пресловуша!
 Речь швою мудру мы уразумѣли;
 Гласы народа повели собраши.“

Собрали гласы въ ковчежецъ священный,
 Собрали дѣвы судны, непорочны,
 Дали шѣ гласы Ляхамъ возгласиши.

Кланялись Ляхи и домовладыки, и начали шихо говорить,
 говорить шихо между собою, и хвалишъ ея повеленія.

Вспалъ Люшоборъ ошъ Доброславскаго холма, (и) шакъ
 началъ говорить слово: „славная Княжна! съ опцовскаго, зо-
 лошаго прешола повеленія швои (мы) выразумѣли, собери
 голоса народные.“

И голоса собрали судныя дѣвы, а собрали ихъ въ свяшой
 сосудъ, и дали ихъ Ляхамъ прокричать.

Вша Радованъ ошъ камена моста,
 Яся гласы челемъ преглѣдаши,
 И вѣчину ³⁹ проволаши въ народѣ,
 Въ народѣ къ росужсью на снемъ сборенѣ.

„Оба родна брашри Кленовича,
 Рода сшара, вшвы Попелова,
 Ъниже приде съ плекы Чеховыми,
 Ъниже жирне власши пресшри рекъ,
 Смериша ся шако о дѣдинѣ:
 Будеша имъ оба въ едно власши.“

Вшану Хрудосъ ошъ Олавы кривы,
 Злей ся ему розли по ушробѣ,
 Трасеху ся лушосью вси уди,
 Махну руку и зарве ярымъ шуремъ:
 „Горе пшенцемъ, къ нимже змѣа въ пори!
 Горе мужемъ, имже жена владѣ!
 Мужу власши мужемъ западно ⁴⁰;
 Превенцу дѣдину даши правда.“

Сша Лубуша съ ошна, злаша сшоло,
 Вѣче: „имеши, Лбси и владыкы!
 Слшесеша дѣб поганенье ⁴¹ мое;
 Судше сами по закону правду.
 У не буду вамъ судиши свади;

Вшаль Радованъ ошъ каменнаго моста, взялся число
 голосовъ переглѣдѣши (пересчиташъ), и рѣшенье прокричашъ
 въ народѣ, въ народѣ, собравный на сеймъ для разсужденья.

„Оба родные брашья, Кленовича, рода спараго, вшвы
 Попеловы, кошорой пришель съ Чешскими полками, кошорой
 просшерь сильной власши речи, шакъ да примиряшя о наслѣд-
 швѣ: да владѣюшъ оба вмѣшѣ!“

Вшаль Хрудосъ ошъ Олавы излучистой; злоба разлилась

Всцалъ Радованъ шушь ошъ каменна моста,
Язнулся гласовъ число преглядѣши,
Судъ, приговоръ шошъ въ народѣ възгласиши.

„Оба родные брата Кленовича,
Сшараго рода, вѣшви Попеловы,
Кой, пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
Всюду просшеръ въ немъ власишь свою и силу,
Такъ межъ собою, шакъ да примиряшся:
Ошнимъ наслѣдемъ да владѣюшъ вкупѣ!“

Тунъ восшалъ люшый Хрудосъ ошъ Олавы,
Злашо влекущей въ непрямомъ шечени,
Злоба сверкала въ очахъ его гнѣвныхъ,
Всѣ шренешали ошъ люшости члены,
Туромъ свирѣпымъ взревѣлъ онъ къ народу:
„Горе шшенцамъ шѣмъ, змя въ норѣ коихъ!
Горе мужамъ шѣмъ, жена чшо владѣшъ!
Мужу мужами владѣшъ подобаешъ;
Даши наслѣдье первенцу ешъ правда!“

Всшала Любуша съ ошня, злаша шшала,
Всшала вѣчая: „Ляхи и владыки!
Слышали здѣсь вы мое поруганье;
Сами судише правду по закону.
Больше не буду судишь вашихъ распрей,

у него по упробѣ, ошъ люшости шряслись всѣ члены, махнулъ рукой и заревель свирѣпымъ шуромъ: „горе шшенцамъ, у кошорыхъ змя въ норѣ! горе мужамъ, кошорыми жена владѣешъ! надъ мужами мужу власшвовашъ подобаешъ; наслѣдство ошдашъ шшаршему сыну (вошъ) судъ правой!“

Всшала Любуша съ ошцовскаго, золошнаго прешшала, вѣшчала: „Ляхи, поселане и домовладыки! (вы) слышали здѣсь мое безчестіе; судише сами по закону правду. (Я) ужъ не буду су-

Вольше ⁴² мужа между собою равна,
 Кы бы владѣ вамъ по желѣзу;
 Дѣвѣ рука на вы къ владѣ слаба.“

Вста Рашиборъ отъ горъ Креконоши,
 Яся шако слово говориши:
 „Не хвально намъ въ Нѣмцѣхъ искани правду;
 У насъ правда по закону свашу,
 Юже принесеху ошци наши
 Всеже ⁴³“

дипъ вашихъ распрей; изберише изсреды себя равнаго (вамъ)
 мужа, кошорой бы владѣль вами съ мечемъ (въ рукѣ); дѣвы ру-
 ка безспильна владычешшовашъ надъ вами.“

Равна себѣ вы мужа изберише,
 Кой бы въ десницѣ съ мечемъ вами правилъ;
 Дѣвы безсила рука вами правишь.“

Всталъ Рашиборъ оу горѣ Креконошихъ,
 Язнулся шако слово говориши:

„Правду искаши не хвалю намъ въ Нѣмцахъ;
 Есть у насъ правда боговъ по закону,
 Кюю въ край здѣшній принесли съ собою
 Прадѣды наши“

Всталъ Рашиборъ оу горѣ Креконошихъ (и) началъ
 шако говоришь слово: „не похвалю намъ искашь суда у Нѣм-
 цовъ; у насъ есть (свой) судъ по (нашему) святому закону,
 (судъ), кошорой принесли ошцы наши въ сей край“

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ СУДУ ЛЮБУШИ.

(1) Такъ изображаютъ ихъ современные Византійскіе исшорики (Изв. Виз. Исш. I, 14, 15) и самый Несшоръ, Славянинъ (Несш. Библ. Рос. стр. 12); *кому вѣрить: имъ или Г. Раковецкому?*

(2) *Гдѣ памятники сего усовершенствованнаго языка?* не уже ли *отрывокъ о судѣ Любуши?* но онъ писанъ Лапшинскими буквами, и языкъ его нимаю не древнѣе языка *Краледворской Рукописи*, о которой самъ ученой Добровскій говоритъ, что она есть произведение XIII или XIV вѣка.

Г. Раковецкій въ такихъ же пышныхъ выраженіяхъ говоритъ объ языкѣ Слова о полку Игоревомъ (Изв. Рос. Акад. IX, 67): „въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ найденныхъ ошашкахъ древнихъ, Чешскихъ повѣстей (ш. е. въ Краледворской Рукописи и ошрывкѣ о судѣ Любуши, о языкѣ коихъ я не могу судить; но еслии онъ въ самомъ дѣлѣ такъ совершенъ, какъ почитаешь его Г. Раковецкій, то сіе совершенство и заставляешь подозрѣвать, что повѣсти сіи не слишкомъ древни) виднѣ необыкновенную красоту мыслей, живость изображенія, пріятность разсказа и чрезвычайную силу выраженій; что все доказываетъ, какъ степень образованія и совершенства языка древнихъ Славянъ (ею все доказываетъ степень пищического дарованія автора Слова о полку Игоревомъ, а не образованія и совершенства языка древнихъ Славянъ; о первомъ я ни слова, но о послѣднемъ: ешо такая напыщенная гипербола, какой не найдешь въ самой поемѣ его; авторъ *не зналъ Грамматики*, а Г. Раковецкій представляетъ его въ примѣръ совершенства языка), такъ и то, что имъ

весьма давно было извѣстно искусство письма (сб 863 года, въ кошоромъ безсмершныя брашья, Меѳодій и Консманшинъ изобрѣли Славенскую азбуку, Исп. гос. Рос. I, стр. 110, пр. 261).“

(5) И шакъ ученые шруды Сшрубе и Карамзина ошпалися щещны; ихъ надобно бросишь, а чишашъ и перечишывашъ Русскую Правду Г. Раковецкаго. Впрочемъ Г. Раковецкій, не шуша желашъ, *чтобъ новыя Карамзинны основательныѣ и сообразныѣ съ духомъ древнихъ Славянъ написали исторію своего народа* (Изв. Рос. Акад. IX, 78); да напрасно за шрудъ сей онъ самъ не возмешся; чишашели уже знаютъ какой должно ожидашь Исторіи.

(4) Впрочемъ парадоксы сіи принадлежатъ Г. Юнгману (см. ниже); а Г. Раковецкій шолько *распространилъ ихъ*.

(5) Въ Извѣстіяхъ Россійской Академіи (кн. IX) ошпрывокъ сей перепечашъ шѣми же буквами, ш. е. Лашинскими; почему жъ не Русскими? ешъ чишашели, не знающіе иноштранныхъ языковъ (да и знающіе не скоро привыкнушъ); а они, можешъ бышь, любоньшны не менѣ другихъ чишашъ подлинникъ.

(6) А не *Королевы*, какъ названа она въ Изв. Рос. Акад. IX, 47; ешо будешъ шаконъ же анахронизмъ, какъ бы кто назвалъ нашихъ Великихъ Князей Царями, а Царей Императорами, шѣмъ паче, что ешо ешъ единшвенный примѣръ между Славянами, шобъ дѣвица правила народомъ. Въ Русской и Сербской исторіи ешъ примѣры женскаго правленія (Исп. гос. Рос. I, стр. 78); но правительницы были вдовы.

(7) „Чишаша описанія Ази, увидѣлъ я (ешо пишешъ Г. Юнгманъ, Изв. Рос. Акад. IX, 48), что языкъ Славенскій имѣешъ весьма близкое сходешво съ Индѣйскимъ. Въ семъ мѣшнѣи ушвердило меня еще болѣе пушешешвіе и повѣшшвованіе *нѣкогого* Чеха Брезовскаго.

Онъ даже въ провинціи Каншонъ (Каншонъ кажется поршъ, а не провинція) разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ Индѣйцовъ, когорые такъ же и его удобно понимали. Все, чипанное мною на языкъ Самскрипскомъ (не на семъ ли языкъ писаны и описанія Азін, о коихъ говоришь Г. Юнгманъ? въ такомъ случаѣ онъ бы прежде собщилъ ихъ ученому свѣшу, доказалъ *весьма близкое сходство* Славенскаго языка съ Индѣйскимъ, и тогда смѣло утверждалъ, что Славяне выходцы изъ Индіи, а до шѣхъ поръ не лучше ли бы *поскроничать?*), совершенно подшверждаетъ истину повѣствуемаго симъ путешественникомъ.“

(8) Ешо безъ сомнѣнія слова закона, по которому сеймъ и присудилъ Хрудосу и Спаглаву владѣшь вмѣстѣ ошцовскимъ наслѣдствомъ.

(9) *Снемъ*, сходъ, сеймъ; не понимаю отъ чего А. С. Шишковъ сеймъ называетъ *суемолъ* (Изв. Рос. Акад. VIII, 58, IX, 49), шакова слова, кажется, явшъ. *Сеймъ*, вѣроятно, испорчено изъ *снемъ*, когорое слово встрѣчается и въ лѣшонисяхъ (въ лѣшо 6714 совокоупишася Олговичи вси въ Черниговъ на *снемъ*, лѣш. съ Воскр. сп. II, 141), и происходишь отъ гл. *снетися*, или *снятися*, сходишься, збирашься.

(10) Сін Лѣхи суть шѣ же, что въ нашихъ лѣшописяхъ *Ляхи*, ш. с. Поляки; но сін послѣдніе въ Кралевдворской Рукописи называются *Полане* или (Несшоровы) *Поляне*:

За мну, за мну (за мной) храбро на Полани,
На Полани, врги нашихъ земли!

слѣдственно отъ Вислы до Дибра первоначально обитали одни Поляне, самое миролюбивое и благоправное Славенское племя (Несш. Библ. Рос. стр. 12); на Вислѣ поддались они Ляхамъ (*а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*, Несш. лѣш. по Воскр. сп. I, 61), на

Днѣпрѣ Хазарамъ и пошомъ Варягамъ. Ляхи же были жишели Богеміи, а Чехи, или нынѣшніе Богемцы, пришлецы въ оной (что сказалъ Неспоръ о Полянѣхъ, шо же самое можно сказашъ и о Ляхахъ: *а отъ тѣхъ Чеховѣ прозвашася Ляхи*); шакимъ образомъ слѣдующіе два стиха:

Ъже (Попель) прійде съ плекы Чеховыми,
Всеже жирне власши преспри реки.

дѣлаются совершенно поняшны, шакже и шо, что Чешская Княжна называешъ Ляховѣ: *мои Лѣси*.

(11) *Влтава*, или *Волтава*, нынѣ Молдава, рѣка, на кошорой стоишъ Прага, столица Богеміи; Вышеградъ не ешъ ли древнее имя Праги? Я не имѣю книгъ, гдѣ бы обѣ ешомъ справишъся.

(12) Въ Изв. Рос. Акад. IX, 50, оба слова напечатаны вмѣстѣ; но я думаю, что ешо два разныя слова: *се*, или нарѣчіе, или, что върояшѣе, со всѣмъ лишняя частица; *сипавоши*, дѣеприч. гл. *сипѣти*, шипѣшь (ошъ ешого *сипѣ*, сипѣла, что лешя шипишъ или свисшишъ, см. Крал. Рукоп.).

(13) *Ъже*, шо же, что церковное *иже*, кошорой.

(14) Не смощря на видимую разность между словами: *полкѣ* и *плекѣ*, ешо ешъ одно слово: *плкѣ*; Славяне-Русь для смягченія выговора вмѣшили между согласными: *п*, *л* гласную *о*; Славяне-Чехи для шого же самага вмѣшили между согласными: *л*, *к* гласную *е*; шакъ *слнце*, порусски *солнце*, а почешски *слунце*.

(15) Здѣсь слово *жирный* упошреблено въ шомъ же значеніи, въ какомъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: „печаль *жирна* пече средь земли Русьскыя;“ мнѣ самому случилось слышашъ ошъ прослоюдиновѣ: нынѣшній годъ вода *жирна* была, ш. е. велика.

(16) А. С. Шишковъ переводишъ сей стихъ: „сюда сильной власши просерѣ *рѣки*;“ но *реки* (въ един. чис.

река) вброяшно происходишь отъ гл. *рещи*, и значить *речи*, а не *рѣки*. *Простерть речи*, или слова, власти сказать можно и поняшно; но *простерть рѣки власти* и сказать не лзя, и непоняшно.

(17) А. С. Шишковъ оставилъ безъ перевода *дружина властовица*; но въ пр. 12 говоришь, что ешо значить *дружина ласточекѣ, разумѣя подѣ симѣ сборище Князей и народовѣ, пришедшихѣ спорить съ Любушей о Княжеской власти*; но съ ней никакъ не думалъ спорить, одинъ люшый Хрудосъ изъяснилъ негодование, да и шо на сеймѣ, которой еще не былъ собранъ. *Дружнкой властовицей*, ш. е. домовишой (еписешъ, придаваемой Державинымъ) ласточкой авторъ метафорически называетъ сестру Хрудоса и Сшаглава, которая, видя непримиримую вражду своихъ братьевъ, прибыла въ Вышеградъ къ общей ихъ другой сестрѣ, бывшей въ милости у Княжны, просить о прекращеніи шой вражды между ея братьями.

(18) Здѣсь послѣдовалъ я мнѣнію А. С. Шишкова, что *рождѣзило* происходишь отъ *желѣза*, и шо же, что *разжелѣзенное*, ш. е. съ желѣзной рѣшошкой, или балкончикомъ.

(19) А. С. Шишковъ переводить: „въ Любушиномъ, ошцовскомъ, злашомъ *сѣдлѣ*“; но *sedle, селѣ* или *селенію*; Чешскіе Славяне передѣл прибавляютъ *д*, на пр: *sedlak, sedlsky, modliti se, umdly*, селянинъ, сельскій, молишися, умильный; отъ ешого же происходишь новое, Русское слово, взятое изъ Польскаго языка: *осѣдлость*, совершенно шо же, что *поселеніе*; но всякой, не знавши ешого, произведешъ его отъ *сѣдла*, а не отъ *села*.

(20) Ласковое слово; но у насъ говоришся о лицѣ, а не о вещи: *сѣтѣ мой*, любезной мой.

(21) *Попража*, отъ *прл*, распря, споръ.

(22) А. С. Шишковъ переводить: „гдѣ сушь дубра-

вы прекрасныя;“ но *уне*, що же, чшо *юне*, юныя; шакѣ вѣ снариину писали и у насѣ сіе слово: „люше бо граду пому, вѣ немѣ же Князь *унѣ*, любяй вино пиши (Несп. Исш. гос. Рос. II, пр. 7) . . . плачешся маши по *уноши*, Князи Росшиславѣ (Сл. о пол. Иг.).“

(23) Здѣсь А. С. Шишковѣ говоришѣ, чшо онѣ сіе выраженіе осшавилѣ безѣ переводу; поштому чшо смыслѣ онаго исполковашѣ весьма шрудно (напрощивѣ весьма легко); однакожѣ полкуешѣ, чшо *се* *Мже* значишѣ: *сѣ тежи*, сѣ границы. Здѣсь: *Олава*, *Радлужа*, *Лубица*, *Орлица*, *Лаба* (*Ельба* вѣ Германіи), *Санѣ* (или *Сянѣ*, какѣ называешся вѣ нашихѣ лѣшописяхѣ, вѣ Галиціи; слѣдшвенно шамѣ же должно искашѣ и *Креконошишѣ горѣ*), *Сазавя*, *Мжа* сушѣ имена рѣкѣ; еписешы: *излучистая*, *кладная*, *бѣлая*, *златоносная* или *среброносная*, кажешся, ясно означаюшѣ рѣки.

(24) Такѣ вѣ Краледворской Рукописи:

Власи златошшвуци вѣю;

ш. е. какѣ бы *златящеся* власы; но А. С. Шишковѣ (хощи онѣ же переводилѣ Краледвор. Рукоп.) извѣснѣешѣ, чшо *вѣсѣ* з *шшсѣ* (шакѣ напечатано вѣ Изв. Рос. Акад.) сушѣ два разныя слова, и *шшвуци* значишѣ *сушщій*.

(25) *Вѣгласны*, свѣдушщій, мудрый (шо же, чшо вѣ Сл. о пол. Иг. *вѣшщій*) онѣ *вѣгласѣ*, свѣденіе, благоразуміе:

Богѣ ши да вѣгласи вѣ буйну главу (Крал. Рук.).

у Несшора вшпрѣчаешся *невѣгласѣ*, невѣжа, неучѣ, проешая: „бяху бо людіе погании и *невѣгласи* егоже (мѣсяца) *невѣгласи* глаголюшѣ свѣдаему сушщу (лѣш. по Воскр. сп. I, 81, 192).“

(26) А. С. Шишковѣ осшавилѣ безѣ перевода прил. *правозвѣстный*, онѣ *звѣстную*, возвѣщаю (шакѣ: *благозвѣстную*, *благовѣщю*); но вѣ нашемѣ языкѣ *звѣстный* скорѣе можно произвѣсти онѣ *извѣстный*; ишо жѣ пой-

метв выраженіе: *пламень извѣстный правдою*? Я перевелъ *правдовѣцій*; поелику у насъ упошребительно: *вѣцій, зловѣцій, благовѣщю*.

(27) Въ Изв. Рос. Акад. оба слова напечатаны вмѣстѣ; но *одѣ* предлогъ, и, я думаю, описка вмѣсто: *прѣ* или *прѣдѣ*:

За мну прѣдъ столецъ Машери Божьей (Крал. Рук.).

(28) Здѣсь речь, кажешся, обв испытаніяхъ огнемъ и водою, или раскаленнымъ желѣзомъ и кипяшкомъ, о кошорыхъ упоминаешся и въ Русской Правдѣ (Ист. гос. Рос. II, стр. 62); вѣроятно, что на самомъ сеймѣ рѣшались такимъ образомъ тяжбы. Теперь ишо у кого перенялъ сіе обыкновеніе нелѣное и варварское: Гошы у Славянъ, или Славяне у Гошовъ? послѣднее гораздо вѣроятнѣе; поелику обыкновеніе сіе у Славянъ находимъ погда шолько, когда они сдѣлались постоянными сосѣдами Гошовъ, у кошорыхъ запрошивъ оно искони было во всеобщемъ упошребленіи. Опяшь ишо у кого перенялъ Руны: Гошы у Славянъ, или Славяне у Гошовъ? Славяне; но сіе не подлежаишь уже никакому сомнѣнію. Обыкновенно народъ невѣжешвеннѣйшій перенимаешъ у народа образованнѣйшаго; а Гошы были образованнѣе Славянъ. Пашріюпизмъ въ исторіи ешь нарушение перваго правила оной, истины.

Н. М. Карамзинъ пишешъ въ своей исторіи, что Хрисціанскіе паспыри шоржешвенно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства; здѣсь шакже говоришся о водѣ *святосудной*; слѣдешвенно обыкновеніе сіе было ошашокъ язычешства.

(29) Здѣсь Г. Профессоръ Юнгманъ замѣчаешъ, что судопроизводшво у Славянъ было одинакое съ Индѣйцами, что оба народа судили по закону вѣковѣчныхъ боговъ (ш. е. *по совѣсти, по справедливости*); а не шо, что обв у нихъ были законы, преданные сами-

ми богами); но мало ли что сходного примѣчается между народами самыми ошдаленными и совершенно незнакомыми другъ другу (а здѣсь еще весьма небольшое сходство; совѣсть, или врожденное чувство справедливости есть и въ дикихъ: человекъ родился съ онымъ)? Древніе Греки, во время Троянской войны брали пени за убійство (Ист. гос. Рос. II, пр. 68), также поступали и народы Тевтонскаго племени; но лзя ли утверждать, что сей законъ или обычай переняли послѣдніе у первыхъ? Одно и то же обстоятельство могло довести до сего обычая шѣхъ и другихъ.

(50) Здѣсь *чи* значить *или*, и Польское *чили* безъ сомнѣнія произошло отъ Чешскаго *чи*; но въ Сл. о пол. Иг. и въ нашихъ лѣтописяхъ *чи* значить *развѣ*, а между шѣмъ ешо одно слово.

(51) То же, что *заповѣди*, ш. е. повелѣнія, а не *изреченія, приговоры*, какъ извѣстнае А. С. Шишковъ.

(52) Въ Изв. Рос. Акад. IX, 54, напечатано *Nebutel*; но 1) въ сшихъ не доспаетъ слога; 2) шакова слова нѣтъ; слѣдственно ешо явная описка вмѣсто: *не будете ль*.

(53) *Належь*, уложеніе, законъ; мы говоримъ *уложить*, а Чехи говорятъ *належить*.

(54) *Яся*, или *язнулся* (пр. вр. гл. *емлюся*), взялся; я осмѣлился употребить сіе прослонародное слово для показанія, какъ и нынѣ прослонародной языкъ близокъ къ Славенскому; но признаюсь, когда я въ первой разъ услышалъ *язнулся*, то я не могъ понять.

(55) Еписпешъ, придаваемый Гомеромъ Юнонѣ:

Златопреспольна съ нимъ Ювона возлегла (Коспр.). я придавъ его Любушѣ и Вышеграду по тому, что сей градъ былъ златый престолъ ея или столица; но *златый престолъ* сказать можно, а *златая столица* не лзя.

(36) Въ Изв. Рос. Акад. и нѣшѣ; но шакѣ не доспашѣ слога въ сшихѣ, и пошому я осмѣлился и прибавишь.

(37) Въ Изв. Рос. Акад. оба слова напечатаны вмѣстѣ; но о предлогѣ; въ старину и у насѣ сосудѣ или судно называли *судѣ*: „да бѣшѣ челомѣ о *судѣхѣ* (посудѣ), чшо еси прислалѣ въ 71 г. кошлы, и скороды, и блюды, и брашины (Исп. гос. Рос. IX, пр. 149).“

(38) *Проволати*, провопишь, ошѣ *волу*, воплю, *воланіе*, вопленье, вопль; шакѣ въ Крам. Рук:

Слише спрже воланіе паспусино . . .

Взѣ гору, братри, взѣ гору вола Вяеславѣ.
не смотря на шо А. С. Шишковѣ производишь *проволати* ошѣ *воля*.

(39) *Вѣчина*, шо же, чшо *вѣче* (*ина* увел. оконч.), рѣшеніе, опредѣленіе, учивенное на вѣче или сеймѣ.

(40) Здѣсь оиашѣ не доспашѣ слога, и пришомѣ слова *заподно* мѣ нигдѣ не встрѣчалось; и пошому, я думаю, должно чпашѣ *заподбно*, подобаешѣ.

(41) Наши просшолюднины и нынѣ говоряшѣ: *поганить*, *опоганить*, загадишь, осквернишь.

(42) Ошѣ *волю*; въ нашомѣ языкѣ оспалнѣсь производныя: *поволить*, *изволить*; но корень *волить* погибѣ.

(43) Послѣдніе чешыре стиха въ Изв. Рос. Акад. напечатаны курсивомѣ; на семѣ шо *сытучелѣ песку* Г. Юнгманѣ и Раковецкій основали свою *хралину*, мѣвнѣ, чшо Славяне принесли съ собою (ошкуда? изѣ Индіи; ешого прямо они не осмѣлились сказашѣ, а намѣкаюшѣ весьма ясно) законы; но они показали шолько свое незнаніе въ Славенскомѣ языкѣ (Г. Юнгману просшпшельно, ошѣ Нѣмецѣ; а Г. Раковецкій Славенинѣ): *юже* ешѣ мѣшомѣ жен. рода и ошносикшѣ къ сущ. *правда*, кошпорая, какѣ здѣсь, шакѣ и выше, значишѣ *судѣ*; а

они приняли въ смыслѣ закона (но сей шагъ и называеяся закономъ), вѣроятно по тому, что Яро-славова книга законовъ названа *Русская Правда* (пошому же и А. С. Шишковъ слово *правда* принялъ въ смыслѣ закона, Изв. Рос. Акад. IX, 49), ш. е. *Русской Судѣ* (разумѣеяся *правый*, ошъ чего *правда*, даже нынѣ, упошребляеяся въ смыслѣ суда: *нынѣ въ судахъ нѣтъ правды*, ш. е. праваго суда; замъ Н. М. Карамзинъ шагже изясняеяъ сіе слово: „на зиму ходи Архіепископъ Новгородскій къ Андрееви (Боголюбскому) Володимерю (въ Володиміръ) на всю правду (для *расправы* или *суда*), Исп. гос. Рос. III, пр. 12), или *Судебникѣ*, какъ называеяся Іоаннова книга законовъ. Еще прибавимъ: изъ ошривка сего видно, что у Славянъ искони всѣ дѣши наслѣдовали имѣные послѣ ошца, а у Пѣмцовъ одинъ старшій сынъ; и пошому Рашиборъ на слова Хрудоса, что *по суду* (но по какому? *по Нѣмецкому*) наслѣдство должно ошдашь первенцу, говоривъ: *не похвально намъ искать суда у Нѣмцовъ; у насъ есть свой судѣ, которой принесли съ собою наши отцы* (ошкуда? вѣроятно изъ *Дакіи* или съ *Дуная*); но судѣ, а не законѣ, и ешо еще не показываеяъ большой ешенени прѣсвѣщенія; пошому что судѣ ешь и у дивихъ Американцовъ.

Цѣна 5 рублей Ассигн.